

• ЭЛЕКТРОННОЕ ИЗДАНИЕ •

ДРЯХЛОВ В.Н.

**ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ
И ЕЁ ПРЕПОДАВАТЕЛИ
В ВЯТСКОМ (КИРОВСКОМ)
ПЕДИНСТИТУТЕ ИМ. В.И. ЛЕНИНА
(1918–1956 Г.)**

В. Н. Дряхлов

**Всеобщая история и её преподаватели
в Вятском (Кировском)
пединституте им. В. И. Ленина
(1918–1956 гг.)**

Киров
2024

УДК 94:908

ББК 63.1

Д78

Рецензенты:

С. А. Лазарев, к. и. н., доц., зав. кафедрой всеобщей истории Южно-Уральского гос. гуманитарно-педагогического университета;

И. В. Фролова, д. ф. н., проф., и. о. директора Института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий (ИИГУ УУНиТ);

Н. А. Бессилин, к. и. н., доц., доц. кафедры зарубежной истории ИИГУ УУНиТ;

Е. А. Круглов, к. и. н., доц., ветеран кафедры зарубежной истории ИИГУ УУНиТ

Дряхлов, В. Н.

Д78 Всеобщая история и её преподаватели в Вятском (Кировском) пединституте им. В. И. Ленина (1918–1956 гг.). – Киров : ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2024. – 112 с. – URL: http://raduga-press.com/gallery/history_teachers_1918-56.pdf. – Заглавие с экрана.

ISBN 978-5-6052765-2-4

В центре внимания книги – становление кафедры всеобщей истории в Вятском (Кировском) пединституте в 1918–1956 гг., история научной и учебной работы её преподавателей, воссозданная через их биографии, историю зарождения и развития исторического факультета в свете сохранившихся архивных документов. Работа ориентирована на интересы исследователей, изучающих возникновение высшего исторического образования в СССР.

УДК 94:908

ББК 63.1

ISBN 978-5-6052765-2-4

© Дряхлов В. Н., 2024

...Случайности входят ...
составной частью в общий ход развития,
уравновешиваясь другими случайностями,
...среди которых фигурирует...
и такой «случай», как характер людей,
стоящих вначале во главе движения.

*К. Маркс.
Письмо Л. Кугельману. 17 апреля 1871 г.*

Оглавление

Вступление	5
1918 – конец 1920-х гг.: возникновение высшего исторического обучения в Вятке	11
Новые преподаватели.....	26
Создание кафедры всеобщей истории.....	32
Накануне войны.....	37
В годы войны	40
После войны: новые имена.....	51
1930–1940-е гг.: преподавание и научная работа на фоне эпохи.....	75
Учебный процесс.....	92
Заключение.....	101
Персоналия: государственные награды преподавателей:	103
Приложения	105
Использованная литература	110

ВСТУПЛЕНИЕ

Главная цель этой работы, содержание которой складывалось медленно, долго и постепенно, состояла в том, чтобы рассмотреть отдельные стороны из жизни исторического факультета в местном педагогическом институте через совокупность работы его преподавателей. Это привело к открытию целого ряда «микроисторий», сложившихся в историю отдельно взятой кафедры, т. е. небольших и незначительных на фоне истории страны случаев из прошлого, которые в итоге определили исторический фон происходивших локальных событий на местном истфаке. Поэтому любая деталь из биографического материала (происхождение, место и условия получения образования, избранная тема исследования и пр.), найденная в архивных делах преподавателей тех времён, приобретала свое историческое значение как особый фон, как непереносимое условие для восприятия фактов из истории работы и жизни преподавательского состава.

Часть материалов была собрана мною довольно давно, во время подготовки доклада к 75-летию юбилею исторического факультета в 1993 г.; это были в основном сведения из предыдущих юбилейных изданий 1928 и 1968 гг. Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина.

В дальнейшем интерес к данной теме сохранился, но несколько сузился, применительно к исследованию одной из её сторон – к истории появления и работы кафедры всеобщей истории, где началось мое изначальное вхождение в работу историка, овладение наипростейшими методами исторического исследования. Понятно, что любой преподаватель высшей школы всегда и в разном объёме копирует методы и формы работы тех, кто его некогда учил. Об этом мне говорили некоторые выпускники исторического факультета на встречах с преподавателями факультета после окончания и вуза и многих лет своей практической работы, признавшись, что сами использовали кое-какие приёмы из моего преподавания. Несомненно, для меня это было приятно, но ведь и я сам в чём-то подражал «старой гвардии».

Отрезок времени для темы исследования начинался с зарождения исторического факультета, который в 1918 г. в понимании его работы пока не являлся таковым в подлинном смысле этого слова. Рубежом для завершения исследования взята середина 1950-х гг. – время XX съезда КПСС, развенчания культа личности И. В. Сталина. Это послужило важным политическим и идеологическим рубежом в истории страны и её народа, в истории советской исторической науки, что подтолкнуло преподавателей истфака к переосмыслению недавней истории, способов её преподавания и своего места в этом деле.

Роль главных источников, собранных мною во второй половине 1990-х гг., выполнили данные из личных дел преподавателей, хранившихся тогда в архиве Вятского государственного педагогического университета (бывшего КГПИ им. В. И. Ленина, преобразованного в Вятский государственный педагогический университет в 1995 г., впоследствии – в Вятский государственный гуманитарный университет в 2002 г. и исчезнувшего при соединении с Вятским государственным университетом в 2016 г. в единый и опорный университет Кировской области). Главным образом, это были листы по учёту кадров с биографическими данными, автобиографии, всевозможные заявления, выписки из приказов и карточек учебной нагрузки; словом, в каждом личном деле мною изучалось всё то, что было сложено в нём.

Часть данных нашлась в юбилейном сборнике «Преподаватели ВятГГУ. 1914–2004»¹. Все источники, упомянутые выше, дополнились документальными материалами из военной поры (послужные данные, представления к награждению) и фотографиями, собранными с сайтов «Подвиг народа» и «Память народа».

Наконец, поистине гигантский пласт сведений о работе исторического факультета и кафедры всеобщей истории сохранился в документах из фонда Р-1148 Центрального государственного архива Кировской области (ЦГАКО), куда вошли архивные документы Вятского государственного гуманитарного университета – последнего преемника КГПИ им. В. И. Ленина, вобравшего в себя все, что сохранилось в архиве пединститута. Ряд интересных и нужных для раскрытия темы фактов обнаружился в фонде Р-132, содержащем личный архив проф. А. В. Эммаусского (1898–1987).

Также очень важной для меня оказалась работа с фондом П-27 в бывшем Государственном архиве социально-политической истории (ГАСПИ), объединённым к настоящему времени с ЦГАКО. Особым источником для меня послужило личное дело С. В. Токарева (1937 г.), где в материалах из партийной отчётности обнаружилось интересные данные по учебной и научной работе на историческом факультете в то время.

Часть сведений была получена мною при просмотре на архивные ссылки из книги американского историка Ларри Юджина Холмса (1942–2022), изучавшего историю пединститута в военные и первые послевоенные годы². Было интересно видеть его подпись грубовато написанными русскими буквами «Холмс Л.» в листе пользования архивным делом.

¹ Преподаватели ВятГГУ. 1914–2004 / отв. ред. Ю. М. Рябов. Киров, 2004.

² Холмс Л. Е. Война, эвакуация и реорганизация власти: центр, периферия и Кировский педагогический институт. 1941–1950. Киров, 2018.

В настоящей работе при цитировании источников оставлены то правописание и та терминология, какие обнаружались в старых документах. Слова и фразы в тексте, на которые нет постраничных или архивных ссылок, приведены из документов в личных делах преподавателей, которые мне удалось изучить в архиве педуниверситета ещё в 1995–1996 гг. Отдельные устные реплики, приведённые мною, даны примерно в том виде, какими они мне запомнились во время разговоров с ветеранами кафедры и факультета.

При чтении преподавательских дел охватывает ощущение реального соприкосновения с историческим источником в первоизданном виде, когда только на одном его внешнем виде воспринимаются не всегда благоприятные материальные условия от эпохи его составления. Многие документы по личному составу, учебной и научной отчётности были написаны чернилами или напечатаны на пишущей машинке на оборотных сторонах от обложек обычных ученических тетрадей, на листах всевозможной по цвету бумаги и её нестандартных размеров. Почти все документы времени 1941–1945 гг., когда факультет находился в яранской эвакуации, были написаны или напечатаны на оборотной стороне ранее использованных листов; машинописные строки располагались на небольших кусочках листов (или даже на полосках, обрезанных с краев газетных страниц) очень тесно, без межстрочных интервалов как проявление крайней экономии. После 1956 г. характер бумаг в архивных фондах резко изменился: все документы напечатаны на пишущей машинке, в делах практически уже не было ничего рукописного.

Работа с архивными документами осложнилась тем, что среди них не нашлись приказы по отделу кадров (принять на работу, уволить, объявить выговор и т. д.), которые могли бы прояснить многое по движению контингента преподавателей. Некоторые сводные данные по составу преподавателей всё-таки обнаружались, но, к сожалению, не по всем годам. Часть документов, по словам В. Г. Авдеевой, была потеряна при возвращении из Яранска в Киров в марте 1945 г., когда во время переезда через какую-то речку телега с архивом перевернулась и часть папок с бумагами унёс водный поток.

Какие-то личные дела в конце 1990-х гг. оказались для меня недоступными, и поэтому основная информация по ряду преподавателей была взята уже из юбилейного издания ВятГГУ; следовательно, эти дела всё-таки сохранились, и сведения из них были использованы.

Часть информации по преподавательскому составу обнаружилась в электронном виде на сайтах «Память народа. 1914–1945» и «Подвиг народа. 1941–1945», что позволило уточнить вышеназванное издание новыми сведениями, включая фотографии из документов военного времени. Последние закладывались на этих сайтах с 2007 г., и потому не могли быть использованы при со-

ставлении юбилейного издания ВятГГУ (2004 г.). Это позволило закрыть «белые пятна» в биографиях ряда преподавателей. На этих сайтах нашлись документы военного времени по В. С. Арутюняну, Г. А. Глушкову, Д. М. Лохтину, В. Ф. Суходоеву, В. М. Фоменковой, пришедшим на кафедру после 1945 г. Самое важное было то, что там же обнаружили документы, раскрывшие некоторые детали по биографиям преподавателей, работавших на кафедре перед войной, – В. И. Бутневе, А. Н. Грушевском, М. И. Дусееве, А. М. Степанове, А. Е. Хуторецком.

Политические отголоски давней эпохи зримо присутствуют в изученных архивных документах. Все анкеты по учёту кадров 1920–1930-х гг. требовали сообщить сведения не только о том, чем занимались родители преподавателя до Октябрьской революции и после неё. Обязательными были вопросы о наличии родственников за границей и о том, не находился ли заполнитель анкеты на службе у белогвардейских правительств или в их армиях, а в случае положительного ответа следовало сообщить, когда, где и в какой должности. Также традиционными были вопросы о пребывании в буржуазных партиях, времени и обстоятельствах выхода из них, об участии во внутривнутрипартийных группах (фракциях), наличии взысканий (когда, за что получено, когда снято) за отклонения от партийной линии. После 1945 г. в листках по учёту кадров появились вопросы о пребывании в немецком плену (где, когда и как попал в плен, где находился в плену), о времени и обстоятельствах освобождения из него.

Вопрос о классовом происхождении был тогда одним (если не единственным и главным в большинстве случаев) из объективных критериев для подбора кадров и обязательно проходил в кадровых характеристиках, что видно по заполнению графы «социальное происхождение». К примеру, В. С. Арутюнян постоянно писал в ней, что родился в семье крестьян-бедняков, и только со второй половины 1950-х гг. приложение «бедняк» исчезло из его анкет.

Фотографии на листках по учёту кадров тогда отсутствовали. Всё, что по преимуществу использовалось в настоящей работе, было заимствовано из сохранившихся, но не всегда качественных коллективных фотографий выпускников на некоторых сайтах в Интернете, а также со стендов из бывшего музея истории пединститута, размещавшегося в фойе на третьем этаже старого корпуса на ул. Ленина, 111, и работавшего под руководством И. А. Воробьевой – активной подвижницы в деле изучения истории пединститута и его преподавателей. Также пригодились фотографии из юбилейного издания «Вятский педагогический институт им. В. И. Ленина. X лет. 1918–1928».

При работе над данным произведением были использованы устные свидетельства – воспоминания ушедших из жизни ветеранов факультета: А. А. Попыриной (именно в таком написании она проходила в документах

1930-х гг., в то время как во времена моей учебы и работы на факультета она стала Папыриной. – В. Д.), В. Г. Авдеевой, В. Ф. Суходоева, Г. А. Глушкова, В. С. Арутюняна. Они были получены мною в разное время, в разном объёме, как правило, в устной форме во время встреч на факультете или чаще всего при посещении мною ветеранов в их домашней обстановке в качестве последнего парторга факультета. Устные сведения собирались мною вплоть до начала 2000-х гг., когда Г. А. Глушков сделал свою правку в самом первом, пока ещё малом по объёму варианте этого текста, дополнив её некоторыми неизвестными для меня фактами. Некоторые данные из истории факультета сообщили мне учившиеся на нём в конце 1940-х – начале 1950-х гг. ветераны кафедры политологии Г. М. Курис и Ю. М. Рябов.

Тема о всеобщей истории и её преподавателях приобрела актуальность по мере приближения 100-летия со дня создания исторического факультета, возникшего в форме словесно-исторического отделения и ставшего основой для развития высшего исторического образования на Вятской земле (1 ноября 2018 г.). Однако в силу ряда обстоятельств сбор, изучение источников и подготовка издания по истории факультета оказались не завершёнными к нужному сроку. К тому же празднование юбилея по истории факультета вовсе не состоялось. Мною была подготовлена лишь только данная часть работы по истории факультета, которая превратилась в самостоятельное произведение для изучения любителям исторического чтения.

Работа с документальными источниками оказалась для меня историей «микрооткрытий», когда в них находилось содержание, которое вызывало вопрос о том, как его представить читателю, или, быть может, вообще не делать этого? Сложные или лучше сказать переходные в социальном и политическом плане времена обычно оставляют некое скандальное содержание в своих документальных источниках. Точнее, таковым оно воспринимается уже гораздо позднее, с точки зрения партийных или корпоративных пристрастий исследователя или читателя. Во всяком случае, любой историк рано или поздно сталкивается с необходимостью отвечать на вопрос о моральной или политической корректности применительно к изложению и, тем самым, к публичному оглашению каких-то отдельных фактов.

Такая потребность писать, говоря словами известного древнего историка, «*sine ira et studio*», о том, как это произошло в действительности, всегда оправдана и регулярно возникает в случаях с освещением тех событий, когда их оценка со временем приобрела в общественном сознании явно выраженный мифологический характер, а неизвестные до сего дня или ранее замалчиваемые факты упрямо говорят совершенно иное. Действительно, история есть рассказ о том, что реально произошло и что, самое главное, явно и недвусмысленно закрепились в оставшихся источниках, прежде всего письменных.

Во всяком случае для меня работа по этой, давно сложившейся теме стала длительным и кропотливым поиском изначальных истоков в истории кафедры, заложивших суть её развития. Это особенно важно в связи с 85-летним юбилеем со времени создания кафедры всеобщей истории в сентябре 1939 г. Всё взятое вместе определило содержание данного исследования, ибо именно в студенческой работе с преподавателями кафедры сложились мои первоначальные интересы к изучению всеобщей истории.

Автор выражает благодарность работникам читальных залов в Центральном государственном архиве Кировской области, обеспечившим для меня, впервые начавшего архивные исследования, доступ к информации по фондам, описям и многочисленным архивным делам. Особая благодарность – В. С. Жаравину, подсказавшему нужные направления в поиске и изучении партдокументов довоенных времён.

Также выражаю признательность А. А. Костину, директору Института гуманитарных и социальных наук Вятского госуниверситета, заведующему научно-исследовательской археологической лабораторией Вятского госуниверситета А. О. Ившину за полученную возможность поработать с фотодокументами из фондов лаборатории. Часть новых фотографий, а также устных и письменных данных были любезно предоставлены для настоящей публикации Т. В. Родыгиной – дочерью В. И. Недельского, работавшего на факультете и кафедре в годы войны и после неё.

Наконец, в работе возник вопрос о том, какую фотографию поместить на обложку. Была выбрана фотография 1927–1928 учебного года, на которой изображены преподаватели общественного-экономического отделения – прообраза исторического факультета. Из восьми человек (сидят – В. Домрачев, А. Крутиков, Я. Харапинский; стоят – В. Дьяконов, В. Танаевский, С. Столбов, П. Луппов, М. Фаворов) четверо – В. Дьяконов, В. Танаевский, С. Столбов и М. Фаворов – проходили по отчётности в то время по кафедре всеобщей истории и преподавали студентам ряд предметов из всеобщей истории. Именно они вместе с Н. А. Желваковым, отсутствующим на данной фотографии, заложили начало преподавания всеобщей истории в Вятском пединституте.

Общая работа по избранной теме оказалась для меня интересной, открыв в изучаемом отрезке времени ряд ранее неизвестных сторон в истории факультета и кафедры. Безусловно, продолжение поисков и открытие новых слоёв сведений по данной тематике нуждается в дальнейшем осуществлении.

Киров, 30 сентября 2024 г.

1918 – КОНЕЦ 1920-Х ГГ.: ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВЫСШЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБУЧЕНИЯ В ВЯТКЕ

В июле 1914 г. Министерство народного просвещения в ответ на запросы губернского земского собрания и Вятской городской управы разрешило открыть в Вятке учительский институт. Для его организации и последующей работы в нём в Вятку прибыл директор Бугурусланской учительской семинарии *Александр Модестович фон Вилькен* (1874–1934). Местное земство выделило для института арендованный им двухэтажный дом на углу улиц Копанской (совр. Герцена) и Владимирской (совр. Карла Маркса, 75), встроенный позднее в здание бывшего завода «Физприбор».

В 1914 г. в институт приняли 29 человек. Учительские институты в царские времена готовили учителей для городских и высших начальных училищ. В них не было специализации по отдельным предметам, и позже, по определению Наркомпроса РСФСР, учительские институты всё-таки считались средними учебными заведениями (наподобие педагогических училищ), а не высшими учебными заведениями. Заметим, что обучавшиеся в институте именовались «воспитанниками», а не студентами.

В Вятский учительский институт принимались только мужчины православного вероисповедания. Женатые должны были испрашивать для своего поступления разрешение попечителя Казанского учебного округа. С 1915 г. при институте появились двухгодичные женские педагогические курсы.

Свержение царизма, начало Великой Российской революции 1917–1922 гг. изменили судьбу России и системы образования в ней. 6 марта (ст. ст.) 1917 г. управление Вятской губернией перешло от губернатора в руки губернского комиссара. Вскоре учащиеся учительского института обратились к нему с просьбой отстранить фон Вилькена от руководства институтом. 16 марта (ст. ст.) 1917 г. А. М. фон Вилькен на общем собрании преподавателей и воспитанников сложил с себя полномочия директора и отбыл из Вятки в Казань. Там он преподавал естествознание в Казанском политехническом институте (1919–1930) и других учебных заведениях, проводя в них кропотливую работу по организации библиотечного дела.

27 марта (ст. ст.) 1917 г. состоялся первый выпуск Вятского учительского института в количестве 15 человек.

Временное правительство изменило деятельность учительских институтов, разрешив поступление в них женщин и введение специализации. Летом 1917 г. Всероссийский съезд слушателей учительских институтов принял решение преобразовать их в высшие учебные заведения с четырёхлетним сроком обучения. Реальная работа по этому вопросу началась только после прихода большевиков к власти осенью 1917 г.

В мае 1918 г. Всероссийский съезд учительских институтов признал учительские институты высшими учебными заведениями с четырёхлетним сроком обучения. Всероссийское совещание по подготовке учителей в августе 1918 г.

одобрило это решение, а Первый Всероссийский съезд по просвещению (28 августа – 4 сентября 1918 г.) принял окончательное решение о превращении учительских институтов в высшие педагогические учебные заведения.

Летом 1918 г. в Вятке началась работа по реформированию учительского института, появились необходимые документы и сметы. 10 октября 1918 г. Наркомпрос РСФСР обязал Совет Вятского учительского института приступить к выполнению решений Первого Всероссийского съезда по просвещению. Но поскольку существовавший в Вятке учительский институт уже фактически перешёл на положение высшего учебного заведения, то губернский совет народного образования постановил считать Вятский учительский институт высшим педагогическим учебным заведением с 1 сентября 1918 г.

Дополнительный набор студентов производился в сентябре – октябре. Учебные занятия начались в реорганизованном институте 1 ноября 1918 г. Где? Местом работы оставалось прежнее здание учительского института (ул. К. Маркса, 75), а также использовавшееся в учебных целях одноэтажное деревянное здание с полуподвальным каменным этажом напротив него, снесённое в 2019 г. под постройку банка «Открытие».

15 преподавателей и 156 студентов составили основу нового вуза, где вместо факультетов существовали циклы. Ещё ранее, в октябре 1917 г., в Вятском учительском институте появилось словесно-историческое отделение, названное с осени 1918 г. словесно-историческим циклом. Поэтому днём рождения исторического факультета (как, впрочем, и самого пединститута), ещё не называвшегося таковым окончательно, но уже имевшего специализацию по обучению истории, следует считать 1 ноября 1918 г. – дату начала учебных занятий в новом высшем учебном заведении – Вятском учительском институте.

В мае 1919 г. он был переименован в Вятский институт народного образования (ВИНО) в связи с общей политикой Наркомпроса по созданию институтов народного образования для подготовки учителей.

В 1919 г. словесно-исторический цикл был преобразован в социально-исторический цикл. В 1920 г. на его основе был образован социально-исторический факультет с двумя отделениями: историческим и словесным.

В 1921–1922 учебном году социально-исторический факультет снова был преобразован в социально-исторический цикл. Затем в 1924 г. цикл подразделили на общественно-экономическое и лингвистическое отделения. Общественно-экономическое отделение впоследствии стало называться историко-экономическим.

Так зарождались основы для сложения будущего исторического факультета. Обучение на нём нельзя признать подлинно историческим, ибо в то время, как будет показано далее, некоторые разделы истории не преподавались. Программа, судя по отдельным ремаркам в личных делах преподавателей словесно-исторического цикла, в рамках всеобщей истории предусматривала по преимуществу только изучение новейшей истории Европы.

У истоков преподавания исторических дисциплин в новом институте стоял *Николай Александрович Желваков* (1893–1972), происходивший из мещан г. Слободского. Окончив обучение в Петроградском историко-филологическом институте и Петроградском археологическом институте (1916), он попал в армию. После семимесячного пребывания на фронте и ускоренного обучения в военном училище ему присвоили звание прапорщика в июне 1917 г. В полку он был командиром взвода, делопроизводителем полкового суда, помощником полкового адъютанта.

*Н. А. Желваков.
1920–1921 гг. (Из
юбилейного издания
1928 г.)*

Оказавшись после Октябрьской революции в Вятке, Желваков примкнул к большевикам и стал комиссаром печати в культурно-просветительском отделе Вятского губисполкома. В начале сентября 1918 г. местный комиссариат просвещения утвердил его в должности *«преподавателя историко-филологических предметов»* в Вятском учительском институте. Желваков приступил к работе с 8 сентября 1918 г. Из его анкет в личном деле известно, что в 1918–1919 гг. он преподавал на втором курсе историю первобытной культуры, а в 1919–1920 гг. – историю античной культуры. С 1922 г. он вёл методологию истории, занятия по русской истории и культуре, но неизвестного нам объёма; именно так эти предметы и были названы в его преподавательских анкетах. Помимо этого в 1919–1921 гг. Н. А. Желваков был председателем правления и президиума Совета института.

Вместе с ним одним из первых преподавателей истории был *Александр Алексеевич Григорьев*, преподававший в 1918–1919 гг. историю культуры. Ранее он вёл историю и географию в Вятском учительском институте и после ухода А. М. фон Вилькена был выбран на место руководителя института. С октября 1918 г. и до апреля 1919 г. Григорьев возглавлял правление и президиум Совета института.

В апреле – августе 1919 г. в связи с вступлением колчаковских войск на земли губернии институт находился в эвакуации в Яранске.

Содержание образования, судя по учебным карточкам Желвакова и Григорьева, было сосредоточено вокруг преподавания истории культуры. На первом курсе читались история первобытной культуры (2 часа в неделю), методология и теория истории (2 часа в неделю); на втором курсе – история западноевропейской культуры (2 часа) и история английской культуры (1 час). Только с 1920–1922 учебного года в число предметов исторического цикла включили общую историю культуры, историю западноевропейской и русской культуры, всемирную историю (неизвестно, какого периода и объёма), историю Француз-

ской революции 1789–1794 гг., новейшую историю (неизвестного содержания, возможно, последних двух десятилетий). Другими словами, всеобщая история в полном объёме тогда ещё не читалась.

В 1921–1922 гг. студентам в качестве отдельных предметов читались археология и музееведение. Их вёл *Александр Сергеевич Лебедев* (1889–1937), выпускник юридического факультета Петербургского университета. В Вятке Лебедев был организатором Вятского губернского музея и его первым директором с 1919 г. Впоследствии был репрессирован³.

В 1922–1924 гг. в вузе работала *Анастасия Ивановна Червинская* (род. 1883), из Вильно, закончившая в 1907 г. Высшие женские курсы в Петербурге и ранее работавшая в школе в Зуевке. В институте Червинская вела историю культуры Западной Европы.

В 1921 г. институт получил здание бывшей мужской гимназии на ул. Спасской (бывш. Дрелевского), где в советские времена размещался Дом культуры профтехобразования. В сентябре 1921 г. решением Наркомпроса Вятский ИНО был переименован в Вятский педагогический институт⁴. С мая 1924 г. институт занял двухэтажное здание бывшего женского епархиального училища (ул. Ленина, 111).

Продолжая речь о работе Н. А. Желвакова, следует сказать, что с 1919 г. он был председателем словесно-исторической предметной комиссии (что-то вроде современной кафедры) и заведовал с марта 1922 г. историческим кабинетом им. М. Н. Покровского. В кабинете им было собрано около тысячи книг, составивших основу для формирования исторического фонда в библиотеке пединститута.

Помню, что ещё до знаменитого пожара в актовом зале над библиотекой (когда её в ходе окончательного пожарного пролива затопили водой, уничтожившей уйму книг) в 1981–1982 учебном году, разыскивая тексты латинских авторов для собственной научной работы, я получил допуск для просмотра сердцевины фонда редких книг, где обнаружилось несколько дореволюционных гимназических учебников по латыни. В руки попала книга (до сих пор укоряю себя, что не записал её данные) издания первой половины 1820-х гг., внутри которой обнаружился овальный штамп «*Библиотека русского посольства в Персии*». Ведь возможно, её некогда держал в руках и читал сам А. С. Грибоедов! Полистав несколько страниц, нашёл в ней другой, не менее потрясающий факт: стоял другой штамп: «*Библиотека такого-то* (название также выпало из памяти!) *гусарского полка*». Сам штамп (или экслибрис) ока-

³ Преподаватели ВятГГУ. 1914–2004. С. 96.

⁴ Вятский педагогический институт им. В. И. Ленина. X лет. 1918–1928. Вятка, 1928. С. 174.

зался историческим источником: книга-то вернулась из Персии в Россию, попала в полковую библиотеку, и стало понятно, что офицеры-гусары в мирное время не только предавались кутежам...

Завершая рассказ о книгах, следует сказать, что довольно часто в 1920-е гг. правление вуза или его научно-учебный отдел отправляли письма в библиотеку им. А. И. Герцена с просьбами разрешить такому-то преподавателю или студенту пользоваться её книгами на дому в целях научной работы, например для написания дипломной работы. Так, к примеру, в письме от 1 июня 1928 г. высказывалась просьба предоставить в кабинет истории на срок до 15 июня следующие книги: «История философии древних времён» Г. Риттера, «Греция в классическую эпоху» Р. Ю. Виппера с указанием фамилии студента Ф. Соболева, которому поручалось получить данные книги (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 117).

С сентября 1920 г. по март 1922 г. Желваков был председателем научно-педагогического совета института. В характеристике он был определён как «*незаменимый специалист по кафедре русской культуры*».

Эта высокая оценка подкреплялась неоднократными ходатайствами (сохранившимися в виде копий в личном деле) руководства вуза в губвоенкомат о предоставлении Н. А. Желвакову отсрочки от призыва в Красную армию. Вятка в те времена не была электрифицирована повсеместно, и институт просил исполком городского Совета провести электричество персонально на квартиру Желвакова.

По своей научной работе Желваков собирал материалы по истории революции в Вятском крае. В сентябре 1923 г. он отбыл в Москву для работы на рабфаке Московского университета. Впоследствии в звании профессора Желваков возглавил отдел подготовки учителей Наркомпроса, а затем занимал должности зам. начальника Главного управления высших учебных заведений и начальника Учебно-методического отдела в Министерстве просвещения РСФСР.

Приём студентов проходил исключительно по направлениям райкомов ВКП(б) и комсомола. Так, в характеристике на *Александру Андреевну Попырину* (именно так её фамилия проходила в документах 1920–30-х гг. – В. Д.), ветерана исторического факультета во времена моей работы на нём, принятую в институт в 1927 г., было написано, что она разбирается в чтении журналов и газет и потому подходит «*для проведения политики партии в деревне*».

Состав студентов был интересный. В сентябре 1928 г. в «Вятской правде» (№ 201) в разделе «Письма читателей» появилась заметка с названием «Место ли им здесь?». В ней было написано: «*В Вятском пединституте учится Тол-*

чин П. И., старый офицер и активный участник степановской банды. ... Не ведёт общественной работы... получает стипендию. Почему?»

Правление вуза ответило следующее: «Упомянутый в заметке П. И. Толчин, был, как это видно из его личного дела, в белой армии был до ноября 1919 г., с 1 января 1920 г. по 8 июня 1921 г. в Красной Армии на польском фронте, с 20 июня 1921 г. по 1 сентября 1922 г. служил трудгужинспектором в Уржумском уездном отделе труда; с ноября 1922 г. по 1 сентября 1926 г. служил школьным работником в Буйской 7-летней школе... При поступлении в институт П. И. Толчиным были представлены положительные отзывы о его служебной и общественной деятельности со стороны школы и Буйской ячейки ВКП(б)» (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 16). Что было далее со студентом Толчиным, неизвестно, но ответ показателен тем, что Толчин при поступлении на неизвестное нам отделение пединститута не скрыл факт службы у белогвардейцев, что, видимо, он делал и на местах предыдущей работы, и был принят в институт.

Во всяком случае, присмотр за социальным составом студентов был постоянным. В одном из отчётов партбюро института за 1929 г. в качестве особого достижения отмечалось, что численность рабочих в вузе повысилась с 8 до 20%, батраков – с 0,2 до 0,8%, колхозников – с 0 до 7% (ЦГАКО. Ф. П-27. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 31). В пединституте имелись особые батрацко-крестьянские курсы по подготовке к поступлению; впоследствии их объединили с рабфаком.

Часть студентов проживала в общежитии института, располагавшемся в 20-е гг. на первом этаже, выходящем своими окнами на перекрёсток улиц Ленина и Красноармейской. Впоследствии оно было убрано из здания. Во времена моей учебы и работы в пединституте здесь размещались лингафонные кабинеты факультета иностранных языков, а затем некоторые физические лаборатории и учебные кабинеты кафедры ТСО. Но ранее, до революции там были комнаты для проживания слушательниц епархиального училища.

В этих комнатах вплоть до 1990-х гг. ещё оставались чугунные дверцы от печей, сложенных в стенах; эти комнаты заметны по небольшим квадратным окнам на углу указанной части первого этажа. Наискосок от этого угла, где теперь стоят жилые дома, здание филармонии и Гагаринский парк, тогда ничего не было. На этом месте находилась обширная Семёновская торговая площадь, откуда продавцы приносили съестное на продажу прямо к окнам общежития. Кстати, студенты в те годы получали стипендию продуктами в зависимости от социального положения и активности на субботниках.

*С. Н. Быковский. 1928 г.
(Из юбилейного издания
1928 г.)*

В 1925–1929 гг. в пединституте преподавал *Сергей Николаевич Быковский* (1896–1936), москвич, прочившийся до революции два курса на физико-математическом факультете Московского университета, член РКП(б) с 1918 г. и участник Гражданской войны. После работы в Клинском уезде и в Орехово-Зуево его перевели в Вятку. Здесь Быковский возглавил рабфак и одновременно занял должность доцента (впоследствии профессора) по истории первобытной культуры и русской истории.

В 1930 г. он уехал в Ленинград, где работал в Государственной академии истории материальной культуры и во вновь созданном Институте антропологии и этнографии АН СССР. Быковский упоминается в числе историков, арестованных летом 1936 г. в ходе разгрома «школы М. Н. Покровского». В декабре 1936 г. в результате судебного процесса по обвинению в троцкистской деятельности его приговорили к высшей мере наказания⁵.

Важный вклад в начало преподавания всеобщей истории внёс *Сергей Яковлевич Столбов* (1885–1929), уроженец Глазова. После окончания Вятской классической гимназии он обучался на историко-филологическом факультете Петербургского университета (1906–1910). По данным его анкет, Столбов специализировался по истории искусства под руководством выдающегося археолога, организатора раскопок Ольвии, нашего земляка Б. В. Фармаковского (1870–1928), а также и Д. В. Айналова (1862–1933), крупного специалиста по истории византийской культуры, автора исследования «Эллинистические основы византийского искусства» (1901). По возвращении в Вятку Столбов преподавал в коммерческом училище.

*С. Я. Столбов. 1928 г.
(Из юбилейного издания
1928 г.)*

В штатном составе преподавателей института Столбов появился с декабря 1919 г. По данным его учебных карточек, он читал лекции по новейшей истории, русской истории, истории первобытной культуры. Если учитывать

⁵ Артизов А. Н. Судьбы историков школы М. Н. Покровского (середина 1930-х гг.) // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 37.

названия предметов, то к его ведению относились «История торгового капитала» для студентов второго курса филологического факультета, «История европейских обществ в период торгового капитализма» и «История Французской революции». В 1926 г. Столбов был представлен к должности доцента по истории культуры и утверждён в ней в 1928 г.

25 сентября 1929 г. С. Я. Столбов скоропостижно скончался. В приказе руководства вуза, где выражалось соболезнование его семье, он был назван как *«один из незаменимых работников института»*.

Фамилия Столбова внезапно обнаружилась в документах из личного дела Токарева, где тот в 1936 г. в письме в горком ВКП(б) определил Столбова как меньшевика (ЦГАКО. Ф. П-43. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. 6, 25). В одной из работ Токарева по истории Октябрьской революции на Вятской земле Столбов упоминался им анонимно как известный вятский меньшевик под инициалами «С. С.», выступивший на заседании Вятского Совета с осуждением большевиков, работавших, по его мнению, на немецкие деньги. В проекте постановления партсобрания института 15 сентября 1937 г. по делу Токарева Столбов задним числом обозначался как *«активный враг Советской власти»* (ЦГАКО. Ф. П-43. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. 27). Но этот абзац был полностью перечеркнут карандашом, и выходит, что эта часть фразы не попала в итоговый текст постановления.

*М. А. Фаворов. 1920-е гг.
(Из общедоступных
источников)*

С 1923 г. на факультете в должности *«преподавателя классово-борьбы»* появился *Михаил Александрович Фаворов* (род. 1885), выходец из духовного сословия (о чём можно догадаться уже по его фамилии, производной от названия библейской горы Фавор), как он указал о своём происхождении в анкете. После учёбы в Рязанской духовной семинарии (1908) и на историко-филологическом факультете Московского университета Фаворов работал в школах Рязанской и Нижегородской губерний.

Понятно, что термином *«преподаватель классово-борьбы»* называлась не присуждённая ему научная квалификация, а его самоопределение как научного работника. Известно, что Фаворов изучал историю Октябрьской революции на Вятской земле и руководил в пединституте предметной комиссией по обществознанию. В 1926 г. Фаворов был избран ректором пединститута и находился в этой должности до 1930 г. Затем он вер-

нулся работать на Нижегородчину, где впоследствии был репрессирован⁶. Какие-либо документы, проливающие свет на частные детали его преподавания, отсутствуют в его личном деле.

На общественно-экономическом отделении также работали *Неонила Ивановна Городилова* в 1923–1927 гг. и *Анатолий Абрамович Мильштейн* в 1925–1928 гг. Их личные дела не дошли до меня, но обнаружился ряд фактов. О Городиловой известно, что она окончила в Вятке социально-историческое отделение, аспирантуру при местном НИИ краеведения и поступила в аспирантуру при Институте истории РАНИОН⁷.

О Мильштейне имеются данные в штатном списке преподавателей за 1927–1928 учебный год: он читал «Историю России периода промышленного капитализма», «Историю ВКП(б) и ВЛКСМ». С. В. Токарев впоследствии писал, что Мильштейн несколько раз исключался из партии (ЦГАКО. Ф. П-43. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. 24).

В ноябре 1924 г. на работу в пединститут прибыл по направлению Наркомпроса *Соломон Давыдович Кунисский* (1895–1956), уроженец Вильно, выпускник Института красной профессуры (ИКП).

К этому времени с 1919 г. исторические факультеты в Московском и Петроградском университетах были преобразованы в факультеты общественных наук (ФОН) с экономическими, политико-юридическими и историческими отделениями. Последние впоследствии были преобразованы в общественно-педагогические отделения, выпускники которых получали квалификацию «педагог-обществовед». Преподавание истории в школах заменялось курсом обществоведения.

Институт красной профессуры, созданный в 1921 г. и просуществовавший до 1938 г., предназначался для подготовки научных кадров из среды партийной молодёжи для преподавания в вузах общественных дисциплин, в том числе по русской и всеобщей истории.

Выпускники ИКП также преподавали в вузах такие предметы, как теоретическая экономия, исторический материализм, развитие общественных форм, новейшая истории и советское строительство. Помимо этого в центре внимания ИКП находилось изучение историографии отечественной истории, истории крестьянских и пролетарских движений, истории народного хозяйства. Слушателями ИКП могли стать только коммунисты с партийным стажем не менее

⁶ Преподаватели ВятГГУ. С. 177.

⁷ Вятский педагогический институт им. В. И. Ленина. 1918–1928. С. 228.

трёх лет (с 1925 г. – не менее пяти лет), имевшие способности к научным исследованиям⁸.

По причине нехватки преподавателей марксистских кадров ИКП был открыт только в Москве. До 1924 г. в его составе имелись экономическое, историческое, философское отделения.

Поэтому появление в Вятке Кунисского, слушателя первого выпуска ИКП, – знаковое событие, знамение новой эпохи в преподавании истории. Его личное дело интересно тем, что на листе его направления на работу в Вятку красными чернилами расписался зам. наркома просвещения РСФСР М. Н. Покровский (1862–1932). Кунисский занимался изучением истории нового времени⁹. Он недолго задержался в Вятке, выбыв в августе 1925 г. в Москву для работы в Институте красной профессуры.

О его дальнейшей судьбе стало известно из примечания к публикации «Дневника “красного профессора”» И. Литвинова¹⁰. К 1917 г. Кунисский окончил три курса Петроградского историко-филологического факультета, затем учился в Институте красной профессуры в 1921–1924 гг. В 1924 г. его исключили из ВКП(б) как чуждого для неё человека, но затем восстановили в 1925 г.

Последняя деталь подтвердилась в одной из партийных характеристик по персональному делу С. В. Токарева в 1937 г., где о Кунисском сказано следующее: *«Он тогда был исключен из партии и, пользуясь в институте отсутствием бдительности, решил восстановиться в партии. Кунисскому доверяли и ему поручали лекции по ленинизму. Проработав год и восстановившись в партии, Кунисский снова уехал в Москву»* (ЦГАКО. Ф. П-27. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. 24). Непонятно, как можно было доверять такому *«известному троцкисту»*, каким обозначили Кунисского в одной из докладных записок в партком пединститута в августе 1937 г. в деле Токарева (там же. Л. 41). Скорее всего, написавший это думал скорее про самооправдание задним числом, дабы не оказаться обвинённым в отсутствии партийной бдительности.

Что было с Кунисским после Вятки? Далее он работал в Коммунистическом университете трудящихся Востока, Коммунистической академии, Институте Маркса и Энгельса. За принадлежность к троцкистской оппозиции был снова исключен из партии (1927) и отбывал ссылку в Казахстане (1929). Его снова арестовали в 1936 г. за связь с троцкистами, но по причине недоказанности отпустили. Кунисский работал в Московском областном пединституте. Его

⁸ Гришаев О. В. Историческое образование и историческая наука в СССР в конце 1920 – начале 1930 годов // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 15(186). Вып. 31. С. 145–146.

⁹ Кунисский С. Д. Очерк истории английской революции. Ростов н/Д, 1925; Он же. Краткий очерк истории рабочего движения в XIX и XX в. М., 1925.

¹⁰ Литвинов И. «Дневник «красного профессора» // Вопросы истории. 2013. № 7. С. 81.

вновь арестовали в 1951 г. и приговорили к 25 годам заключения. Был реабилитирован после смерти Сталина.

Согласно составу кафедр и преподавателей на них из данных по 1927–1928 учебному году, в пединституте по условно учётной (а не реально существовавшей) кафедре «Всеобщая история» числились:

– Доц. С. Н. Быковский, за которым закреплялись предметы «История в связи с историческим материализмом», «История классовой борьбы XIX–XX вв.»;

– Преп. Столбов С. Я., читавший «Историю промышленного и финансового капитала на Западе», «Историю Западной Европы периода торгового капитализма», «Историю Западной Европы периода промышленного капитализма»;

– Преп. Фаворов М. А., преподававший предмет «Эпоха финансового капитализма и империализма»;

– Преп. Дьяконов В. М., руководивший семинарием по истории Западной Европы;

– Доц. Мильштейн А. А., читавший предмет «Профдвижение»;

– Доц. Танаевский В. А. с предметом «История хозяйства» (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 89).

Можно полагать, что по принципу примерного соответствия названий по периодизации школы М. Н. Покровского за ними скрывались история Средних веков (эпоха торгового капитала), первая часть новой истории (эпоха промышленного и торгового капитала), вторая часть новой истории (эпоха промышленного капитализма), новейшая история (эпоха финансового капитализма и империализма).

Определённое уточнение вопроса о составе изучаемых дисциплин нашлось в данных из юбилейного издания 1928 г. Обучение на общественно-экономическом отделении охватывало четыре курса. Тогда в пединституте на первых курсах всех отделений изучались первоначально общеобразовательные предметы: энциклопедия математики, физика, биология, элементы русской филологии, история культуры, политэкономия, экономическая география, история народного образования, новые языки, педология, история педагогических учений, политический строй РСФСР¹¹.

Собственно историческое обучение начиналось со второго курса и проходило по триместрам. Часы на исторические предметы из учебного плана, составленного самим пединститутом¹², как понял автор, приходились на учебную

¹¹ Вятский педагогический институт им. В. И. Ленина. 1918–1928. С. 59.

¹² Там же. С. 64–65.

неделю без учёта их деления на часы лекций и практических занятий, распределяясь следующим образом:

2 курс	1 триместр	2 триместр	3 триместр
1. Методология истории	2	2	2
2. История древней культуры	2	2	2
3. История средневековья	3	3	3
4. История техники	2	2	
3 курс	1 триместр	2 триместр	3 триместр
5. История западноевропейской культуры XIX в.	3	3	3
6. История техники	2	2	2
7. Социальные движения XVII и XVIII вв.	–	–	4
8. Промышленная революция XVIII в.	–	–	2
9. Семинарий по общей культуре	3	3	3
4 курс	1 триместр	2 триместр	3 триместр
10. Современный капитализм	4	2	–
11. История техники XIX–XX вв.	2	2	2
12. История западноевропейской культуры XIX–XX вв.	4	4	4

Мы видим в этом перечне историю древнего мира, историю средних веков, значительные разделы по истории техники, новой истории (пп. 5, 7, 8); под названием «Современный капитализм» явно скрывалась новейшая социально-политическая история, дополненная историей культуры Западной Европы.

Собственно кафедра истории, объединявшая преподавателей-историков, существовала примерно с 1924 г. Из данных в личном деле С. В. Токарева, подвергнутого партийному разбирательству в 1937 г., известно, что кафедру в 1924–1925 гг. возглавлял С. Д. Кунисский, в 1925–1930 гг. – С. Н. Быковский, определённые затем в 1937 г. «известными троцкистами» (ЦГАКО. Ф. П-27. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. 20).

Также сохранился факультетский отчет об итогах научной работы за 1930 год в части опубликованных работ и работ, готовых к публикации.

С. Н. Быковский в 1928–1929 учебном году опубликовал в журнале «Марксист» (1929, № 11) рецензию на работу М. Ростовцева «Скифия и Боспор» и статью «Яфетические предки восточных славян – киммерийцы». Одновременно в отчёте он указал, что под последним названием он сделал доклад на научном конгрессе в Праге (названия конгресса, к сожалению, нет), причем в

списке факультетского отчёта имеется приписка, видимо, его рукой, что текст доклада *«был сдан в президиум конгресса»*.

Потрясающая новость! Преподаватель из Вятки выступал в Праге на европейском конгрессе, и, главное, из этого факта понятно, что режим выезда научных работников за границу в те времена, судя по всему, оставался свободным.

У С. В. Токарева в «Трудах» пединститута была опубликована работа «Революционное движение в Вятском крае в 1905 и в 1917 гг.», готовились к печати статьи «Революция 1848 г. во Франции и Германии», «Из истории торговых сношений России с Китаем в XVIII в.» М. А. Фаворов написал статьи «Октябрь в Вятке», «Вятская буржуазия в октябре» (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 2. Ед. хр. 28. Л. 19, 20, 22).

Судя по свидетельству из личного дела Ф. Д. Кормановского, обучавшегося до 1931 г. на общественно-экономическом отделении, собственно в рамках всеобщей истории проходили история культуры (непонятно, какой – только первобытной или же всей, от древности и далее), история Западной Европы периода торгового капитализма и периода промышленного капитализма, что означало по общепринятой тогда периодизации М. Н. Покровского историю Нового и Новейшего времени. Их дополняли источниковедение и историография, история родного края, методика обществоведения, история России в период крепостного хозяйства и промышленного капитализма.

Из остальных общеобразовательных дисциплин в названном выше документе упомянуты диалектический и исторический материализм, политэкономия, педология, статистика, введение в политпросветительскую работу, система народного образования, история ВКП(б) и ВЛКСМ, колхозное строительство, экономическая география СССР. Явно видно, что общественно-политическая составляющая в историческом образовании, вытекая из реальной политической обстановки в стране, зримо присутствовала в обучении студентов-историков.

Обращение к списку зачётов и экзаменов, которые сдавал А. В. Эммаусский при обучении в Тверском пединституте (1922–1926), показало, что в рамках всеобщей истории он изучал следующие дисциплины с указанием фамилий лекторов (ЦГАКО. Ф. Р-132. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 2):

а) на первом курсе: «История Европы XIX–XX вв.» (В. Н. Бочкарев);

б) на втором курсе: «Капитализм и пролетарские революции» (А. В. Протасов), «История первобытной культуры» (А. В. Вершинин), «История древних культур» (В. Н. Торопов), «Эпоха торгового капитала на Западе» (С. Д. Сказкин), «Феодализм на Западе» (Н. П. Грацианский), «Эпоха империализма на Западе» (С. Д. Сказкин).

Сравнение двух списков – по Кормановскому и Эммаусскому – позволяет предположить, что каждый пединститут формировал в 1920-е гг. свой учебный план по изучению истории совершенно самостоятельно при отсутствии единых программ и стандартов по стране и, видимо, ориентируясь в известной мере на свои кадровые возможности. В списке лекторов, читавших А. В. Эммаусскому, присутствуют С. Д. Сказкин, выпускник Института красной профессуры, и Н. П. Грацианский – люди, явно работавшие в Москве, но находившие возможность приехать для преподавания в Тверь.

Согласно учебному плану Вятского пединститута на 1930–1931 учебный год для общественно-литературного отделения (как назывался тогда истфак) с его двумя секциями (обществоведения и литературы с русским языком) расклад учебных дисциплин выглядел так:

а) дисциплины, общие для обеих секций на все время обучения: (исторический материализм (90 час), политэкономия (150 часов), современный русский язык (80 часов), педология (20 часов), педагогика (40 часов), ин. язык (60 часов), военные дисциплины (130 часов);

б) собственно дисциплины из всеобщей истории: на 1–2 семестре (т. е. 1 курс) – «История феодализма и торгового капитала на Западе» (90 часов); на 2–3 семестре – «История торгового капитала на Западе» (60 часов); 5–6 семестры (3 курс) – «История промышленного капитала на Западе» (100 часов) и 150 часов на «Историю эпохи империализма» (ЦГАКО. Ф. П-27. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 122–123).

Заметно, что всеобщая история в полном объёме тогда не читалась. По преимуществу в списке присутствуют новая и новейшая история Запада с названиями в духе периодизации М. Н. Покровского. Трудно сказать, читалась ли в это время в полном объёме история Древнего мира или же её сводили к преподаванию истории античной культуры. Допустимо, но, правда, никак недоказуемо, что история Древнего мира тогда отсутствовала в преподавании. То же самое можно сказать и про историю европейского Средневековья, когда период с XII в. с учётом развития городской экономики обычно включался по периодизации М. Н. Покровского в период «торгового капитализма», а раннее Средневековье, вероятно, выпадало из изучения.

Итак, очевидно, что у истоков преподавания всеобщей истории (пока только в виде её отдельных частей) на зарождавшемся историческом факультете в Вятском пединституте, как, впрочем, видимо, и по всей остальной России стояли преподаватели с дореволюционным университетским образованием, такие как Желваков и Столбов.

С 1930 г. кафедру истории возглавил Сергей Васильевич Токарев (1902–1958), уроженец Уржумского уезда, выпускник общественно-экономического отделения 1926 г. Далее он обучался в аспирантуре местного НИИ краеведения, закончив её в 1928 г., и продолжил обучение в аспирантуре Института истории РАНИОН: он присутствует вместе с Н. Городиловой на снимке 1928 г. вятских аспирантов в РАНИОН. Но закрытие РАНИОН в 1929 г. прервало его обучение в Москве, и он вернулся в Вятку, где возглавил кафедру истории.

Н. И. Городилова и С. В. Токарев (стоит крайний справа) среди аспирантов РАНИОН – выпускников общественно-экономического отделения. 1928 г. (Из юбилейного издания 1928 г.)

Примерно с конца 1920-х гг. сосуществование старой дореволюционной школы в преподавании истории и новой, формировавшейся советской школы постепенно прекращалось. Начиналась новая эпоха в преподавании истории, эпоха партийного, пролетарского подхода к преподаванию истории и к подбору преподавателей, начавшаяся со знакового события – появления в Вятском пед-институте выпускников Института красной профессуры.

НОВЫЕ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Смена эпох в развитии советской высшей школы дала новых людей, попавших в Вятский пединститут по путёвкам Наркомпроса.

После смерти Столбова преподавание новой истории перешло к *Аркадию Макаровичу Степанову* (1900–1943), командированному Наркомпросом в Вятку в июле 1929 г. С августа его допустили к обязанностям преподавателя по истории Западной Европы периода торгового капитализма, т. е. эпохи классического Средневековья.

Сын чернорабочего, Степанов в 1917–1918 гг. был матросом дальнего плавания, побывал в Великобритании, США, Норвегии и Швеции. Вступил в РКП(б) в 1920 г. В 1924–1929 гг. он обучался два курса в Институте красной профессуры по специальности *«историк Запада»*, не закончив его. Одновременно он работал в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада, где вёл историю Западной Европы. Трудно сказать, как бы сложилась его судьба, если бы в 1929 г. он не был бы исключен из партии, *«обвинённый в моральном разложении из-за заявления бывшей жены»*, как он написал в листке по учёту кадров. Соответственно, он не мог оставаться в ИКП. Суть его проступка неизвестна, но происшедшая партийная реакция в этом случае вполне понятна. Поэтому под влиянием этого события он покинул Москву и перебрался в Вятку.

Известно, что дважды (в 1930 и 1932 гг.) он увольнялся по собственному желанию в связи с болезнью матери и вновь возвращался в пединститут. В 1934 г. он снова просил освободить его от работы в связи с отсутствием в Вятке учебной нагрузки по причине сокращения курса истории техники, который он разработал и читал студентам, а также из-за отсутствия подходящих условий для его научной работы.

Правда, декан С. В. Токарев при оценке работы Степанова в феврале 1935 г. написал следующее: *«В научном отношении ещё не является вполне созревшим, и это во многом объясняется тем, что он разбрасывается, не работает над какой-либо проблемой. История средних веков является для него «узким» местом и в преподавании её он допускал ошибки. Ошибки его состоят в не критическом подходе к буржуазным учебникам (Виппер, Виноградов), в скатывании к эмпиризму (голое перечисление фактов), а по вопросу о генезисе феодализма упускал значение революции рабов. Отмеченные ошибки т. Степанов преодолевает, но ещё медленнее.*

Методическое оформление лекций не всегда чёткое, отсутствует система и последовательность в изложении. Очень много цитирует». В итоге Токарев обоснованно признал, что Степанов *«не может освоить этот курс,*

даёт его не систематически и вызывает недовольство студентов» (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 612. Л. 11, 37).

Понятно, что Степанов со своим незаконченным высшим образованием в Институте красной профессуры, где явно был упор на новейшую историю и т. п., испытывал трудности с созданием лекционного курса по более ранним историческим эпохам, что и отметил Токарев. В 1937 г. Степанов числился в отчётах факультета как *«и. о. доцента по истории Запада»*.

По итогам научной работы, упомянутой в отчётах по научной деятельности, с 1933–1934 учебного года Степанов занимался изучением темы *«История техники»*. К 1934 г. он написал *«Очерки по истории техники»* в 26 тетрадях ученического формата объёмом по 10 страниц в каждой. О своей работе по этой теме он сказал следующее:

«Ощущается большой недостаток в литературе, которой в Вятке нет, а центральные библиотеки её не высылают. Историю техники эпохи империализма (особенно послевоенного) невозможно написать на основе имеющейся здесь литературы. Возникает существенная необходимость в более или менее длительной командировке в Москву. Иначе работа не может быть доведена до конца» (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 2. Ед. хр. 41. Л. 105).

По данным кадровой анкеты, Аркадий Степанов читал и переводил со словарём с английского, немецкого и французского языков. В Кирове в должности и. о. доцента он читал лекции по истории доклассового общества, истории Средних веков, новой истории. В его личном деле остался положительный отзыв декана С. В. Токарева: *«Тов. Степанов много работает над собой, чтобы обогатить преподавание истории фактическим материалом»*.

Однако Токарев прекрасно понимал суть проблемы Степанова: *«Тов. Степанов добросовестно готовится к занятиям, использовал к лекциям всю имеющуюся в Кирове литературу. Но он не имеет законченного высшего образования по специальности и нуждается в усовершенствовании квалификации. Тов. Степанов желает специализироваться по средней истории»* (ЦГАКО. Ф. П-27. Оп. 1. Ед. хр. 134. Л. 1).

Степанов написал учебный курс *«Техника и наука древнего мира»* объёмом в 20 печатных листов. Но этот курс оказался невостребованным. Он был разработан, как писал Степанов в отчете в 1937 г., *«с большим числом иллюстраций, рисунков, выполненных мною. Работа не получила движения, хотя я думаю, что она не была бы бесполезной при изучении курса древней истории»* (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 697. Л. 19).

Для кандидатской диссертации Степанов взял тему *«История Мюнстерской Коммуны»* и, по отзыву Токарева, который я нашёл в личном деле Степанова, *«привлёк к разработке тему большую литературу и много источников»*. История событий в Мюнстере в 1534–1535 гг., связанная с попыткой анабапти-

стов основать утопическую общину библейского духа в отдельно взятом городе, подробно не изучалась в отечественной литературе до сих пор. Средневековые источники по истории тех событий в Мюнстере были на латыни, и потому для их прочтения Степанов самостоятельно выучил этот язык. Он много и хорошо работал: в его деле имеется выписка о присвоении ему вместе с А. В. Эммаусским звания ударника социалистического соревнования.

Однако в 1936 г. он вновь захотел уволиться из института. В заявлении на имя директора от 9 мая 1936 г., сохранённом в его личном деле, он писал: *«До сих пор дирекция института не позаботилась обеспечить мне материальные условия для получения звания доцента и на будущее время нет никаких перспектив, так как все командировки Наркомпроса уже розданы. Здесь нет условий для научной деятельности по моей специальности».*

30 июня 1936 г. он снова обратился с заявлением об уходе к директору: *«История доклассового общества фактически снята. Кроме того, здесь нет условий для моей дальнейшей работы; библиотеки Вятки не содержат нужной мне литературы».*

Судя по всему, ему в очередной раз отказали. В отчёте в июне 1937 г. он снова написал: *«Научных командировок за 8 лет работы в институте я не получал, если не считать пребывания в Москве в течении 15 дней в 1936 г. Употребив часть своего отпуска, я успел собрать материал для моей диссертации. Я выписывал книги из центральных библиотек, хотя это затруднительно и потребовало много времени»* (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 697. Л. 19).

А. М. Степанов проживал в полуподвальном помещении в одном из снежённых в 1990-е гг. малоприметных двухэтажных домиков, стоявших некогда на ул. Ленина между домом-музеем М. Е. Салтыкова-Щедрина и бывшим кинотеатром «Мир». Условия жизни там явно были неподходящими: он болел воспалением среднего уха.

К январю 1937 г. его кандидатская диссертация под названием *«Мюнстерская Коммуна»* была завершена и отправлена на рецензию в Московский городской педагогический институт им. А. С. Бубнова (в будущем – МГПИ им. В. И. Ленина. – В. Д.). Оттуда в мае 1937 г. пришёл находящийся в его личном деле ответ, что проф. А. И. Неусыхин дал на диссертацию положительный ответ. На второй отзыв работа была отправлена к проф. Н. П. Грацианскому. Руководство МГПИ обратилось с просьбой к руководству пединститута оплатить работу московских рецензентов суммой в 4000 руб. Неизвестно, было это сделано или нет, скорее всего, вряд ли.

Случилось совершенно другое. 13 июля 1937 г. по решению народного суда Молотовского (Первомайского) района г. Кирова А. М. Степанов был присуждён платить алименты в пользу преподавательницы иностранных языков пединститута *Ксении Александровны Сильвинской* (ум. 1965). Суть этого случая

мне неизвестна. 15 июля приказом по институту он был освобождён от работы по занимаемой должности. Видимо, всё взятое вместе (ибо подразделить на отдельные факторы это просто невозможно) – неустроенная личная жизнь, трудные бытовые условия, неясность с защитой диссертации, неуживчивые отношения с некоторыми преподавателями на факультете – привело к тому, что Степанов оставил Киров навсегда.

Последним документом в его личном деле является запрос из Вологодского пединститута об обстоятельствах увольнения из КГПИ. Кировский ответ на него отсутствует в личном деле, но суть ответа может быть вполне понятна. Где работал Степанов после этого, по крайней мере, до 1941 г., – неизвестно.

В это время на кафедре истории работала *Надежда Александровна Соломина* (род. 1907), из семьи фельдшера в п. Пижанка. В 1925–1929 гг. она обучалась на общественно-экономическом отделении и затем закончила аспирантуру при местном НИИ краеведения. С октября 1932 г. она работала ассистентом по истории Средних веков и истории Нового времени. В 1935 г. ей поручили чтение курсов по истории Средних веков и новой истории; видимо, часть нагрузки была взята у Степанова. Соломина была названа в приказе как *«преподаватель»* и в 1937–1937 учебном году вела часть нагрузки по истории Средних веков. Известна тема её кандидатской диссертации – *«Борьба с Колчаковщиной на территории бывшей Вятской губернии»* (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 629. Л. 34).

В июне 1937 г. декан С. В. Токарев сделал вывод, сохранившийся в её личном деле: *«Не получив достаточной подготовки по этим курсам, особенно по истории средних веков, тов. Соломина, при всём серьёзном отношении с её стороны в подготовке к лекциям, оказалась недостаточно подготовленной для ведения самостоятельных лекционных занятий в вузе. Не имея достаточной квалификации для ведения самостоятельного курса, тов. Соломина может работать под руководством в качестве ассистента».*

В том же году после двух заявлений об уходе она была освобождена от занимаемой должности.

Летом этого же года в Киров по командировке Наркомпроса прибыла *Екатерина Дмитриевна Тарабукина* (род. 1911), дочь железнодорожника из г. Мичуринска. К этому времени она окончила исторический факультет в Московском институте философии, литературы и истории им. Н. Г. Чернышевского (МИФЛИ) и какое-то время, видимо, проработала там. МИФЛИ возник как самостоятельный вуз на основе выделения историко-филологического отделения из МГУ в 1931 г. и просуществовал до 1941 г., когда был соединён с МГУ.

С 1 сентября 1937 г. Е. Д. Тарабукина приступила к работе в должности и. о. доцента *«древней и средней истории»*. Директор института Ф. С. Орешков в отзыве на её работу написал, что лекции читаются *«на высоком педагогиче-*

ском и теоретическом уровне и отвечают требованиям программы высшей школы».

В мае 1938 г. по той причине, что её муж и семья проживали отдельно от неё в Ростове-на-Дону, Тарабукина уволилась из пединститута и отбыла к семье.

В 1938 г. на факультет прибыл по командировке Наркомпроса ещё один выпускник МИФЛИ (1932–1937), деревенский уроженец из Владимирской губернии, *Михаил Иванович Дусеев* (род. 1908), получивший квалификацию «младший научный сотрудник по новой истории». Он занял должность и. о. доцента и читал курсы по истории Средних веков и Нового времени, оставшиеся после Степанова. Дусеев готовил кандидатскую диссертацию по теме «*Внутренняя политика министерства Пальмерстона*». В характеристике из его личного дела сказано: «*Отличается большой эрудицией и широким кругозором. Лекции прекрасно оформлены в методическом и стилистическом отношении и насыщены обильным фактическим материалом*».

М. И. Дусеев на лекции по истории Средних веков. 1938 г. (Из фонда научно-исследовательской археологической лаборатории ВятГУ)

Дусеев проводил большую лекционную работу среди населения и красноармейцев в городе по заданию горкома партии. В ноябре 1939 г. его призвали в РККА. Последний документ его личного дела – сообщение из политуправления Уральского военного округа (Свердловск) о приёме Дусеева М. И. в кадры управления.

С 1 сентября 1938 г. в Кирове работала *Анна Борисовна Гофман* (род. 1908), родом из Кременчуга. В 1931–1935 гг. она обучалась в МГПИ им. А. С. Бубнова и затем закончила в нём аспирантуру по кафедре древней истории, защитив кандидатскую диссертацию по теме «*Цицерон как политический деятель*» (1938). На факультете она преподавала древнюю историю. С 30 ноября 1939 г. и по 1 апреля 1940 г. ей предоставили командировку для научно-исследовательской работы (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 804. Л. 212).

В январе 1940 г. она получила звание доцента. Но летом того же года в письме в Наркомпрос, копия которого осталась в её личном деле, она просила

освободить её от работы в Кирове в связи с тем, что она не может жить отдельно от своей семьи. В августе 1940 г. НКП удовлетворил её просьбу.

Приток на факультет новых преподавателей, расширявших круг преподавания всеобщей истории, очевиден, хотя кадровый состав пока нельзя назвать вполне устоявшимся.

СОЗДАНИЕ КАФЕДРЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

15 мая 1934 г. ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР приняли Постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Документ восстановил преподавание систематического курса гражданской истории в высших и средних учебных заведениях. В нём говорилось: *«Вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности с характеристикой исторических деятелей учащимся преподносят абстрактное определение общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлечёнными социологическими схемами.*

Решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических событий... Только такой курс истории может обеспечить необходимую для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящее учащегося к марксистскому пониманию истории».

Согласно постановлению, в Московском и Ленинградском университетах открывались исторические факультеты с пятилетним сроком обучения. 9 июня 1934 г. было принято ещё одно постановление – «О введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР».

В пединститутах и университетах страны началось преобразование факультетов общественных наук и им подобных структур в исторические факультеты. Одновременно начинались критика и разгром так называемой «школы Покровского» с её специфической периодизацией истории.

Имевшаяся на факультете кафедра истории упоминалась в одном из документов за 1930–1931 учебный год. В её штатном составе, правда, без указания фамилий сообщалось, что на ней числились: 4 штатных доцента, 2 внештатных доцента, 2 внештатных ассистента (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 437. Л. 113).

Осенью 1934 г. в Кировском пединституте открылись первые четыре факультета. Первым деканом исторического факультета стал С. В. Токарев. Возникла кафедра истории, и её заведующим также был Токарев: как декан и как зав. кафедрой он упомянут в октябре 1934 г. (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 382. Л. 19, 21).

Дипломированных специалистов по всеобщей истории пока не хватало. К примеру, известно, что в 1933–1937 гг. А. В. Эммаусский читал историю Древнего мира. Преподавая её, он готовил статью «Восстания рабов в Сицилии» для публикации, как было отмечено в отчёте кафедры, в журнале «Борьба классов». Правда, эта статья двумя частями появилась в местном «Комсомольском племени» (1935, № 77, 112 – ЦГАКО. Ф. Р-132. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. 19). Вообще, надо сказать, что по прибытии в Вятку А. В. Эммаусскому в 1930 г. поручили читать такие дисциплины, как «История феодализма и торгового капитализма», «История промышленного капитализма на Западе», и вести практикум по западноевропейской культуре (ЦГАКО. Ф. Р-132. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. 19, 91); т. е., без всяких сомнений, понятно, что он начинал свою работу в Вятке как преподаватель всеобщей истории.

А. А. Попырина, занимаясь научной работой по истории революции 1905–1907 гг. в Вятской губернии, указала в плане научной работы на 1934–1935 учебный год составленные ею методические рекомендации по теме «Завоевание Римской империи германцами» (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 382. Л. 20). По-видимому, она имела какое-то разовое отношение к преподаванию истории Древнего мира.

Необходимость создания новой кафедры на растущем историческом факультете для преподавания дисциплин всеобщей истории стала очевидной в 1938–1939 учебном году. С. В. Токарев, с которого сняли все партийные взыскания (о чём будет сказано далее. – В. Д.), защитил кандидатскую диссертацию по теме «Борьба классов и Земские соборы в Московском государстве в XVII в.» (ноябрь 1938 г.) и снова возглавил кафедру истории СССР и факультет со 2-го семестра этого учебного года. В отчёте по итогам этого учебного года он написал о необходимости обращения в Наркомпрос с просьбой о создании кафедры всеобщей истории в Кировском пединституте.

Ф. Д. Кормановский. 1928 г.
(Из юбилейного издания
1928 г.)

Кафедра всеобщей истории была создана к началу 1939–1940 учебного года. В приказе по институту № 169 от 14 сентября 1939 г. состав кафедры всеобщей истории определялся таким образом: Кормановский Ф. Д., и. о. зав. кафедрой, и. о. доцента; Гофман А. Б., к. и. н., доцент; Дусеев М. И., и. о. доцента; Бутнев В. И., и. о. доцента (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 805. Л. 16). Таким образом, видно, что единственным кандидатом исторических наук и полным доцентом на кафедре была только Анна Гофман.

Что известно о первом и. о. заведующего кафедрой всеобщей истории – Федоре Дементьевиче

Кормановском (1904–1941), уроженце Северо-Двинской губернии, из семьи крестьян-середняков? После окончания Велико-Устюгского педагогического техникума (1927) он поступил на общественно-экономическое отделение Вятского пединститута. В 1929 г. Кормановского включили в состав выдвиженцев на научную работу при кафедре истории в местном НИИ краеведения, а с 1930 г. от стал в нём аспирантом по разделу *«истории империализма и пролетарских революций»*.

После окончания аспирантуры (1930) Ф. Д. Кормановский преподавал историю Нового времени. Известно, что во время обучения в аспирантуре он изучил немецкий язык. Однако тема его кандидатской диссертации, к написанию которой он приступил с 1934 г., была связана с отечественной историей и определялась как *«Возникновение фабрично-заводской промышленности в Вятском крае»*. Во всяком случае, в этом для того времени ничего удивительного нет. Кормановский для своей работы по избранной тематике взял тот источниковедческий материал, который оказался у него под рукой, что и было наиболее целесообразно в том пединституте. Преподавая одну историческую дисциплину, можно было писать диссертацию по другой дисциплине. В отчёте по научной работе за 1933–1934 учебный год Кормановский написал, что подготовил одну главу из диссертации.

В 1936 г. и. о. доцента Кормановский получил восьмимесячную командировку в Ленинград в Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК) для завершения работы над диссертацией и для её защиты. Но по неизвестной причине это не было достигнуто.

По возвращении из Ленинграда его назначили зав. кабинетом истории. Это была довольно ответственная работа: в 1938 г., как это видно по выписке из распоряжения и. о. декана А. В. Эммаусского, Кормановскому было предписано вырезать из учебных исторических картин дореволюционного времени *«тексты, не соответствующие преподаванию в советской школе»*, оставив картины для дальнейшего использования. Вырезанные тексты и непригодные картины следовало *«исключить и сдать в макулатуру библиотеки института»*.

Нашёлся отчет от 28 марта 1938 г. за подписями комиссии в составе Кормановского, зав. библиотекой института и работника АХЧ об исключении из фонда кабинета истории непригодных для преподавания на факультете и в средней школе альбомов, книг, картин. В их число попали тексты и исторические картины издателя Сытина, фотоснимки из альбома о Ленине (*«Делегаты II съезда партии»*, *«Участники Таммерфорской конференции»*, *«Избранные на Пражской конференции члены ЦК»*, *«Военно-революционный центр, избранный 16 октября 1917 г.»*, *«Заседания Совнаркома в первые дни после Октября»*, *«Заседание Реввоенсовета»*). Особо предписывалось *«исключить и уничто-*

жить» альбом «История ВКП(б)» по причине находившихся в нём «текстов и портретов право-троцкистского блока», журналы со статьями «врагов народа» (12 номеров журнала «Большевик», 3 номера журнала «Пролетарская революция», 3 номера журнала «Партийное строительство» и другие журналы). В список также попала книга А. Шляпникова «Накануне семнадцатого года» (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 660. Л. 40).

За этими документами ощущается суровая политическая обстановка того времени. В 1939 г. появился сборник в честь 20-летия института. В отличие от сборника 1928 г. в нём очень мало фотографий. Опасения составителей сборника вполне понятны: а вдруг в будущем кто-то из названных в тексте тех, чьи фотографии там помещены, будет разоблачён в антипартийных убеждениях и действиях? Будет исключен из партии и осуждён? Какие будут последствия для тех, кто некогда включил их имена в юбилейную книгу?

О группе неупомянутых, но явно известных коллективу преподавателей и сотрудников, сказано в том сборнике общими, присущими для газетной публицистики того времени фразами:

«Разоблачённые ныне враги народа всячески стремились сорвать развитие института, развалить его работу, дискредитировать педагогический институт как высшее учебное заведение. Они вредили делу подготовки кадров, не выполняя планы набора студентов, принимая в институт людей без должной подготовки и проверки. Они создали разрыв между площадью учебного заведения и жилой площадью для размещения студентов и научных работников.

Их осиные гнёзда разгромлены. Коллектив института упорно борется за ликвидацию последствий вредительства, повышая революционную бдительность»¹³.

О ком таким образом безымянно велась речь, мне удалось найти в тексте резолюции кафедры истории от 14 октября 1937 г. Там обсуждалось решение Молотовского райкома ВКП(б) об исключении из партии Токарева С. В., декана и заведующего кафедрой истории, после которого его сняли со всех должностей. С 5 октября и. о. декана и зав. кафедрой истории стал А. В. Эммаусский.

В резолюции кафедры истории Токареву поставили в вину то, что: 1) он не обеспечил выполнение решений партии и правительства по вопросам перестройки исторической науки и исторического образования; 2) не развернул борьбы с вредительством троцкистских и иных двурушников на историческом фронте; 3) в своей педагогической и литературной работе *«протаскивал троцкистскую контрабанду»*; 4) *«не поднимал работу кафедры и факультета на необходимую марксистско-ленинскую высоту; в прошлом был связан с разоблачёнными ныне врагами народа, троцкистами Елсуковым, Быковским и др. и не*

¹³ Кировский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина / отв. ред. Ф. С. Орешков. Киров, 1939. С. 7.

помогал в разоблачении их контрреволюционной деятельности» (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 672. Л. 92). Михаил Афанасьевич Елсуков (1904–1941) был директором института в 1932–1936 гг.; Быковский был упомянут ранее.

Вернёмся к Ф. Д. Кормановскому. С 1938 г. он читал лекции по истории Нового времени и по истории колониальных и зависимых стран. В том же году Совет института ходатайствовал перед ВАК при Всесоюзном совете по делам высшей школы при Совнаркоме СССР о присвоении Кормановскому звания доцента ещё до защиты кандидатской диссертации. ВАК в июле 1938 г. отклонил данную просьбу, мотивируя ответ отсутствием учёной степени у соискателя, о чём имеется выписка из письма ВАК в его личном деле.

В 1939 г. Кормановский проболел на протяжении семи месяцев и вуз был вынужден пригласить преподавателя из Москвы для чтения курса истории колониальных стран.

В июле 1940 г. Ф. Д. Кормановского как и. о. зав. кафедрой всеобщей истории командировали в Москву, где ему, как было сказано в командировочном удостоверении, поручалось «ведение переговоров по вопросам укомплектования кадрами научных работников кафедры всеобщей истории».

Одновременно у него имелось ходатайство в МИФЛИ о прикреплении его туда на время работы над кандидатской диссертацией с несколько изменившейся в сравнении с прошлым темой – «*Кустарные промыслы и ремесла Вятской провинции XVII–XVIII вв.*».

Смена научной тематики, как можно думать, по причине нехватки источников или трудности с выбором научного руководителя в те времена была обычным явлением. Например, А. В. Эммаусский в 1933–1934 гг. указывал тему своей научной работы как «*Восстание Болотникова*», затем тема его диссертации определялась как «*Бироновицина*» (даже в варианте «*Политика Бирона и классовая борьба в России в 30-е годы XVIII в.*»). В одном из отчётов по командировке в Ленинград в 1936 г. Эммаусский писал о невероятно большом объёме архивных документов и литературы по истории бироновской эпохи, которые попросту трудно изучить во время командировок. Предположительно, в 1939 или 1940 г. (что трудно определить по причине отсутствия даты на копии документа) декан Токарев подписал ходатайство в ЛГУ с просьбой допустить А. В. Эммаусского к защите по теме «*Мстислав Удалой (из истории Древнерусского государства накануне монголо-татарского нашествия)*». В конце концов Эммаусский в мае 1941 г. защитил в Ленинграде диссертацию по теме «*Битва на Калке*», уточнив на основе астрономических данных дату этого исторического события.

В сентябре 1940 г. в соответствии с приказом ВАК Ф. Д. Кормановского утвердили в должности и. о. зав. кафедрой всеобщей истории.

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

В сентябре 1939 г. к преподаванию истории колониальных и зависимых стран в должности и. о. доцента приступил *Василий Иванович Бутнев* (род. 1908), выходец из семьи бедных крестьян Пензенской губернии. Он упоминается в штатном составе в приказе № 169 от 3 сентября 1939 г. В 1933–1938 гг. он учился в МИФЛИ, где приобрёл специальность «*преподаватель истории колониальных и зависимых стран*». Окончив МИФЛИ, Бутнев в 1938–1939 учебном году работал в Челябинском пединституте; был ли он переведён оттуда или же уволился и переехал в Киров, неизвестно.

В Кирове он вёл практические занятия по истории Средних веков, читал курс истории колониальных и зависимых стран (т. е. историю Востока Нового и Новейшего времени), а также курс всеобщей истории на филологическом факультете. Бутнев готовился к работе над кандидатской диссертацией, правда, её тема не была отражена в его личном деле. 12 июня 1941 г. он получил командировку в Москву сроком до 30 июня для сдачи экзаменов по кандидатскому минимуму. Итог неизвестен, успел ли он что-то сдать или нет? 22 июня навсегда изменило судьбу страны, да и кафедры тоже.

С 1 января 1939 г. на кафедре всеобщей истории появился Т. Ф. Баскаков. В данных юбилейного сборника 2004 г. данных о нём нет, и его личное дело не попало в мои руки, и потому даже его имя и отчество неизвестны. В плане факультета он проходит с формулировкой «*преподаватель средних веков*». Он работал недолго, ибо в ноябре того же года его призвали в РККА (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 804. Л. 48, 212). Обстоятельства его приема на факультет неизвестны.

С 1940 г. на кафедре работал *Всеволод Григорьевич Зелепукин* (род. 1910), окончивший историческое отделение Тамбовского пединститута и аспирантуру в МГУ (1940). В плане института по НИР на 1941–1942 учебный год его научная тема определялась как «*Исторические приемы Полибия*», Н. А. Машкин был назван его научным руководителем. Срок завершения работы над диссертацией определялся маем 1941 г. (там же. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 10). Зелепукин проработал всего один год и летом 1941 г. перевёлся в Бийский пединститут. Его личное дело также не попало ко мне, но из темы его работы понятно, что он специализировался по древней истории. Его дальнейшая судьба неизвестна.

Для восполнения нехватки кадров в Киров в ноябре 1940 г. по направлению Наркомпроса (результат переговоров Кормановского в Москве?) приехал выпускник Московского университета (1940), киевлянин *Александр Николаевич Грушевский* (1911–1941), специализировавшийся по истории Средних веков и истории западных славян. Он приехал в Киров вместе с женой. Их поселили в общежитии на ул. Свободы.

На кафедре Грушевский получил должность ст. преподавателя, будучи одновременно зам. декана факультета. Зам. директора по научной работе П. З. Мосунов в характеристике на Грушевского, прочитанной мною в его личном деле, оценил того как *«растущего научного работника»*. В январе и феврале 1941 г. Грушевский ездил в Москву сдавать кандидатские экзамены, а в мае 1941 г. он получил творческий отпуск в МГУ. Как и у Бутнева, его надежды на научную работу летом 1941 г. не сбылись.

В апреле 1941 г. по путёвке Наркомпроса на факультет прибыл *Александр Ефимович Хуторецкий* (род. 1908), уроженец из сельской местности близ городка Черикова из Могилёвской губернии, член ВКП(б) с февраля 1941 г. В 1934–1936 гг. он обучался на вечернем отделении Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена и затем в аспирантуре под руководством академика Е. В. Тарле. К этому времени в декабре 1940 г. Хуторецкий защитил кандидатскую диссертацию *«Государственный переворот Луи Бонапарта»*. Появление на кафедре Хуторецкого в должности и. о. доцента создавало предпосылку для последующего перехода заведования кафедрой всеобщей истории под руководство кандидата наук по всеобщей истории.

Изучение кадрового вопроса показало одну объективную закономерность. Для преподавания в прежние времена (особенно в 20-е гг.) таких предметов, как история классово-борьбы и пролетарских революций, история Европы в период промышленного капитализма, было достаточно использовать работы классиков марксизма. В них можно было найти подробный и вполне пригодный материал для составления лекционного курса, в котором хорошо и, самое главное, в нужном идейном уклоне освещались для преподавания соответствующие периоды Новой и Новейшей истории, зарождавшаяся классовая борьба пролетариата в Западной Европе, история Парижской Коммуны, Первого Интернационала и пр. Неслучайно декан С. В. Токарев, судя по прочитанной мною его ха-

А. Н. Грушевский. 1941 г.
(<https://cdn.pamyat-naroda.ru/images/Images>)

рактеристике на Ф. Д. Кормановского из его личного дела, допустил того к преподаванию на факультете именно на этой основе, проверив его конспекты и выписки из статей классиков марксизма по исторической тематике и признав их весьма хорошими.

Но при переходе после 1934 г. к преподаванию истории более ранних эпох (древность и средневековье) требовалась иная литература и иные источники при необходимом владении иностранными языками. Именно их знанием в определённом объёме объясняется научный прорыв А. М. Степанова по написанию кандидатской диссертации о Мюнстерской коммуне. Выпускники же Кировского истфака, такие как Соломина, сами (да и при отсутствии на факультете должно подготовленных педагогов) не могли в достаточной качественной мере овладеть преподаванием курсов истории Древнего мира и Средних веков, по-видимому, в связи со слабой языковой и общенаучной подготовкой. Потому неудивительно, что при составлении в июне 1937 г. плана научной работы исторического факультета на третью пятилетку декан С. В. Токарев назвал только направления научной работы по истории СССР и Вятского края, дополнительно указав, что *«проблемы и темы по истории древнего мира, истории средних веков, новой истории почти не поставлены, т. к. институт не имеет историков по этим специальностям»* (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 755. Л. 1).

Ещё ранее, в 1935 г., Токарев, подводя итоги двухгодичной работы на созданном историческом факультете в числе недостатков отметил отсутствие на нём профессоров, отдельно выделив следующее: *«В большинстве своём преподавательский коллектив историков представлен молодыми (по стажу) научными работниками, окончившими советскую школу и большинству преподавателей в процессе педагогической работы приходится учиться и доучиваться»* (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 612. Л. 11).

Специалисты-историки неместного происхождения, главным образом, выпускники МИФЛИ, видимо, не отличались прочным желанием остаться на длительное время в неперспективном для них и лишённом необходимой научной литературы Кирове (о чём, к примеру, почти постоянно упоминал А. М. Степанов) и стремились как можно скорее из него вырваться. Эту тенденцию, вполне понятную в пединституте, очень ясно выразил зав. кафедрой зарубежной литературы В. М. Дьяконов в отчёте о работе кафедры в 1939–1940 учебном году, где он написал: *«К сожалению, все работники, прибывавшие из центра, считают себя лишь временными работниками и обычно «кочуют» в поисках лучшего места»* (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 826. Л. 48).

В ГОДЫ ВОЙНЫ

С её началом коллектив факультета и кафедры изменился. Преподаватели и студенты призывались в армию. 7 июля 1941 г. датирована призывная повестка в личном деле А. Е. Хуторецкого. 18 июля был призван А. Н. Грушевский; он был зачислен, судя по военкоматской выписке в его деле, в 14-й запасной полк в г. Слободском.

Вернувшийся из Москвы В. И. Бутнев в связи с сокращением объёма учебной работы приказом с 1 августа переводился в штат облоно. 1 августа был призван Ф. Д. Кормановский, и его личное дело закончилось приказом по институту от 3 сентября об увольнении в связи с призывом. 4 августа С. В. Токарев написал заявление в военный отдел обкома ВКП(б): *«Убедительно прошу направить меня в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, со славными бойцами которой я хочу защищать нашу прекрасную Родину против зарвавшихся фашистских варваров. В момент, когда весь советский народ по зову товарища Сталина объединился на священную Отечественную войну для разгрома фашистских захватчиков, мой долг, как многих других, сменить книгу на винтовку. Моё военное звание – старший политрук. С. Токарев»*. На документе написана резолюция: *«Сообщить, что просьбу учтём и при первой возможности направим в РККА»*¹⁴.

С. В. Токарев. (Из фонда научно-исследовательской археологической лаборатории ВятГУ)

Летом 1941 г. появились новые специалисты. Ещё с мая 1941 г. в штат кафедры всеобщей истории вошёл *Алексей Алексеевич Тютин* (род. 1910), беспартийный, из семьи курских крестьян. После окончания МИФЛИ в ноябре 1940 г. по направлению Наркомпроса он приехал для работы в Котельничский учительский институт, где вёл историю Древнего мира, историю Нового времени и историю Востока. В Кирове, надо полагать, он работал в качестве почасовика.

24 июля 1941 г. в Киров приехала *Софья Абрамовна Асиновская* (1910–1993). Путёвка Наркомпроса, лежащая в её деле, была выписана 4 июля. Асиновская родилась в г. Ярцево Смоленской губернии. Её анкета интересна тем,

¹⁴ Испытание войной. 1941 год : (сборник документов из фондов КОГКУ «ГАСПИ КО» о жизни Кировской области во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. с 22 июня по 31 декабря 1941 г.). Киров, 2014. С. 89.

что она указала на наличие родственников за границей: её брат с 1913 г. проживал в США. Она честно написала, что связей с ним не поддерживает. Асиновская в 1936 г. закончила обучение в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской (1934–1936) и затем обучалась на историческом факультете Московского городского пединститута им. А. С. Бубнова (1936–1938) и в аспирантуре этого вуза в 1938–1941 гг. В мае 1941 г. Софья Абрамовна вступила в ВКП(б). Её научные интересы были связаны с изучением исторического наследия Т. Н. Грановского.

А. В. Эммаусский. 1970-е гг. (Из общедоступных источников)

После ухода С. В. Токарева в армию руководство факультетом перешло к А. В. Эммаусскому. В конце октября началась эвакуация пединститута в Яранск, а его здание предназначалось для эвакуированной из Ленинграда Военно-морской медицинской академии. В двухэтажном здании, следующем далее за корпусом пединститута по ул. Красноармейской, разместился эвакуированный из Москвы Наркомат просвещения РСФСР.

Студенты и преподаватели пединститута прибыли в Яранск в начале ноября 1941 г. Путь шёл по железной дороге до Котельнича, а оттуда гужевым транспортом и пешим ходом в течение двух недель по размокшим осенним дорогам они добирались до Яранска. Сюда ещё в июне перебрался Котельничский учительский институт, а затем несколько техникумов из Полтавской области.

На историческом факультете появились первые эвакуированные преподаватели. В Киров осенью из Москвы был эвакуирован *Александр Алексеевич Фортунатов* (1884–1949), выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1903). В Москве Фортунатов работал на историческом факультете МГПИ им. А. С. Бубнова.

С переездом в Яранск его приняли на должность заведующего кафедрой всеобщей истории. По воспоминаниям Валентины Георгиевны Авдеевой, студентки тех военных лет и декана в мои студенческие годы, *«Фортунатов в общении был очень демократичен. Он охотно отвечал на любой вопрос, присаживаясь прямо на ступеньку лестницы, и долго, обстоятельно рассказывал».*

В институтском хоре он пел тенором. В 1942 г., когда в Москву открыли въезд, Фортунатов вернулся в столицу. Его последние подписи в качестве председателя ГЭК стоят на ведомостях в июле и августе 1942 г.

Работа исторического факультета в яранской эвакуации проходила в трудных материальных условиях. Сократилась численность студентов: из 722 принятых на обучение осенью студентов теперь насчитался всего 341 человек. Большая часть библиотеки (примерно 85% из её состава) осталась в Кирове. Учебные занятия ввиду нехватки электричества почти всегда проходили при свете керосиновых ламп. Студенты сами заготавливали дрова в лесу, доставляя их на гужевой тяге и подкрепляя усилия лошадей собственными силами, толкая сзади нагруженные дровами телеги. В. Г. Авдеева вспоминала, что их на окраине Яранска обычно встречал А. В. Эммаусский. Только один вид декана, переживавшего за привоз дров, вызывал невероятное воодушевление среди студентов для последнего транспортного рывка. Сохранение трудоспособности факультета, единства его преподавателей и студентов в те нелегкие годы – безусловная заслуга декана А. В. Эммаусского.

Преподаватели получали по карточкам по 600 граммов хлеба с мякиной, и бывали дни, когда хлеб не выдавался. Острая нехватка бумаги видна по тому обстоятельству, что почти все документы в личных делах того времени напечатаны или написаны на оборотной стороне использованных ведомостей, а выписки из приказов печатались пишущей машинкой на узких обрезках от газетных полей.

По отчёту о выполнении научной работы за 1941 г. известны направления работы некоторых преподавателей кафедры. А. А. Фортунатов работал по теме «“Хроника Ливонская” Генриха Латвийского как источник по истории германской агрессии на Восток в XIII в.» и одновременно писал статью «Судьба латинской образованности в варварских королевствах после падения Западной Римской империи и фашистская фальсификация истории раннего средневековья».

С. А. Асиновская вела работу по теме «Основные моменты германской агрессии на Восток в XIII в.», запланированной к воплощению в форме популярных лекций; А. В. Эммаусский – по теме «Борьба против немецкого засилья в России во времена бироновщины». Наркомпрос РСФСР в решении в январе 1942 г. одобрил коллективную работу на факультете по разоблачению фашистской фальсификации истории (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 2. Ед. хр. 82. Л. 17, 18, 28).

Директор Ф. С. Орешков в отчёте о научной работе за 1941 г. констатировал падение её уровня. Другого вывода быть не могло, ибо часть преподавателей была призвана в РККА. Имеется точная цифра – из 78 научных работников в штате остался 31. Одновременно в пединститут попали люди в результате объединения с ним Кировского института иностранных языков и Котельнич-

ского учительского института, ранее не занимавшиеся научной работой (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 2. Ед. хр. 75. Л. 33–34).

По выводу Орешкова, все кафедры института по итогам их научной работы за истекший год разделялись на три группы:

1) кафедры, хорошо выполнявшие НИР (кафедры педагогики и математики);

2) кафедры, посредственно выполнявшие НИР (кафедры марксизма-ленинизма, физики, ботаники, языкознания);

3) кафедры, не ведущие или почти не ведущие НИР (военно-физкультурная кафедра).

Для меня при чтении этого отчета было странным то, что обе кафедры факультета – истории СССР и всеобщей истории – не назывались ни в одном из этих пунктов.

18 ноября 1943 г. учёный совет при подведении итогов НИР за год подтвердил её низкий уровень: из 40 запланированных тем было выполнено только 17. Причины виделись в нехватке литературы и лабораторного оборудования, недостатке помещений для научной работы. В отчёт включили фамилии преподавателей, не выполнивших свои планы либо не сдавших запланированные кандидатские экзамены. Война войной, а экзамены изволь сдать...

Учёный совет признал правильным направление научной работы по развитию патриотизма, изучению великого наследия советского народа. Особо была отмечена тема по *«разоблачению фашизма и его фальсификации истории»* (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 2. Ед. хр. 82. Л. 26), т. е. в этом видится безусловная положительная оценка работы историков обеих кафедр – истории СССР и всеобщей истории, работавших над упомянутыми мною темами, публиковавшими в «Яранском колхознике» заметки о героях войны 1812 г., разгроме гитлеровской армии под Москвой, борьбе славянских и прибалтийских народов против немецкой агрессии в Средневековье.

С. Г. Лозинский.
1920–1930-е гг.
(Из общедоступных
источников)

В декабре 1941 г. в Яранске на должности профессора кафедры всеобщей истории появился *Самуил Горациевич Лозинский* (1874–1945), выходец из мещанской семьи Бобруйска. В 1894 г. он поступил в Киевский университет, но в 1897 г. был исключен из него за участие в студенческих волнениях, как он написал в анкете. Весной 1897 г. в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве и Харькове состоялись

демонстрации студентов в связи с трагической гибелью слушательницы Высших женских курсов Марии Ветровой. Она покончила с собой путём саможжения в Петропавловской крепости¹⁵. Вероятнее всего, что Лозинский участвовал именно в этих протестных событиях.

Дальнейшее образование он продолжил в Берлинском университете (1897–1898) и в Русской высшей школе общественных наук в Париже, созданной М. М. Ковалевским (1851–1904) для обучения эмигрантской молодёжи из России. В автобиографии Лозинского упоминается его пребывание в Брюсселе и Лилле. Он, видимо, уже тогда обладал необходимой языковой подготовкой. В анкете 1942 г. он отметил хорошее знание немецкого, французского, английского, испанского и латинского языков, слабое – португальского и древнегреческого. В Париже в 1904 г. в Русской высшей школе он защитил диссертацию «*Из истории Второй французской республики*».

Вернувшись в Россию (1904), С. Г. Лозинский работал до 1916 г. в издательстве Брокгауза и Ефрона. В этот период сложилась научная специализация Лозинского, связанная с изучением новой истории¹⁶, и в значительной мере – с изучением истории католической церкви в целях антирелигиозной пропаганды¹⁷. В 1912 г. под его редакцией вышел перевод книги американского историка Г. Ли «История инквизиции в средние века».

После свержения царизма С. Г. Лозинский сдал магистерский экзамен и был допущен к чтению лекций в звании приват-доцента в университете, а с 1919 г. – в качестве профессора всеобщей истории и истории экономического развития Западной Европы. С 1918 г. он возглавил в должности ректора Петроградский Еврейский народный университет (ПЕНУ), переименованный впоследствии в Петроградский институт высших еврейских знаний (ПИВЕЗ) и просуществовавший до 1925 г. В нём Лозинский читал курсы новейшей истории евреев в Западной Европе и экономической истории евреев в Средние века.

В 1927–1930 г. С. Г. Лозинский преподавал в Государственном и Коммунистическом университетах Ростова-на-Дону, затем вернулся в Ленинград. С 1932 г. он возглавил отдел всеобщей истории в Музее истории атеизма и религии, размещавшемся в Казанском соборе, одновременно преподавая в ЛГУ и в педагогическом институте иностранных языков.

¹⁵ Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России 1899–1907 гг. М., 1971. С. 27–28.

¹⁶ Лозинский С. Г. История Второй французской республики. Киев, 1904; Он же. История Бельгии и Голландии в новое время. СПб., 1908; Он же. Царствование Франца-Иосифа. Пг., 1916; Он же. Очерки Великой Французской революции. Пг., 1918; Он же. Евреи Запада в борьбе за право и свободу. М., 1919; Он же. История древнего мира. Греция и Рим. Пг., 1923; Он же. Очерки по истории классово-борьбы. Л., 1925; Он же. Эпоха торгового капитала. Л., 1926.

¹⁷ Лозинский С. Г. История инквизиции в Испании. СПб., 1914; Он же. Средневековые ростовщики. Очерки из экономической истории церкви в средние века. Пг., 1923; Он же. Святая инквизиция. М., 1927; Он же. Папа римский в роли спекулянта. М., 1928; Он же. Деяния папы римского. М., 1930.

Особой и главной частью исследований С. Г. Лозинского стала история католической церкви в Средние века. В 1932 г. он подготовил к изданию знаменитый «Молот ведьм» и редактировал перевод книги Х. Льюренте «Критическая история испанской инквизиции» (1936), книги С. Инфессуры и И. Буркхарда «Дневники. Документы по истории папства» (1939).

Главной же работой, составившей ему известность в предвоенные годы, стала «История папства» (1934), служившая долгое время единственным пособием для студентов при изучении истории средневекового папства и переизданная в 1961 и 1987 гг. Для меня это была одна из первых книг, с которой началось мое изучение истории церкви в Западной Европе в раннее Средневековье. Но со временем по мере её углублённого чтения становился всё более понятен её исключительно пропагандистский, антиклерикальный посыл, бурно процветавший в публикациях по истории католической церкви в те времена. К тому же в работе Лозинского обнаружились глубокие пробелы в изложении церковной истории, поверхностная обработка источников, особенно по раннему Средневековью, что лишило её подлинно научного значения.

С 1935 г. Лозинский работал над вторым томом по истории папства в период от 1789 до 1871 гг., который остался незавершённым.

7 ноября 1941 г. его вывезли самолётом из блокадного Ленинграда. По данным анкеты С. Г. Лозинского, его жена умерла в 1938 г., сын Михаил погиб на фронте. По решению Президиума АН СССР Лозинский направлялся в Казань. Но, оказавшись в Кирове по пути следования, в связи с трудностями переезда С. Г. Лозинский с разрешения Президиума АН СССР перешёл в ведение Наркомпроса. По решению последнего его направили в Кировский пединститут, уже переехавший к тому времени в Яранск. Приказом от 10 декабря 1941 г. Самуила Горациевича приняли на работу в качестве профессора кафедры всеобщей истории и поручили чтение лекций по первому периоду новой истории. Вместе с ним в Яранск приехала его дочь Мария Самуиловна, работавшая на кафедре немецкого языка.

После отъезда Фортунатова Лозинский в 1942–1944 гг. исполнял обязанности заведующего кафедрой всеобщей истории и был постоянным председателем ГЭК по истории Древнего мира, истории Средних веков, истории СССР, основам марксизма-ленинизма. И. о. директора института Ф. С. Орешков в его характеристике отметил, что *«лекционный курс С. Г. Лозинский ведёт на должном теоретическом уровне, содержательно и интересно»*.

По отчёту вуза по научной работе за 1944 г. С. Г. Лозинский работал над вторым томом «Истории папства».

Последние анкетные данные в его личном деле датированы маем 1944 г., а последняя подпись в документах ГЭК была поставлена им за 16 августа 1944 г. Какого-то документа о времени и обстоятельствах отъезда С. Г. Лозинского в его личном деле нет, но надо полагать, что после снятия блокады Ленинграда эвакуированные ленинградцы возвращались в свой город. В документах ГЭК по историческому факультету в январе 1945 г. стояла подпись уже другого председателя; следовательно, Самуил Горациевич к этому времени, примерно осенью или в начале зимы 1944–1945 гг., покинул Киров. Он вернулся в Ленинград. С. И. Лозинский умер в июне 1945 г. и был похоронен на Литераторских мостках Волковского кладбища.

В Яранске работал А. А. Тютин. Он вёл историю Древнего мира, историю Нового времени и историю Востока. В декабре 1943 г. в заявлении на имя директора института он писал: *«Особенно большие трудности мне приходится встречать в подготовке и преподавании истории Востока, так как в библиотеке Кировского пединститута и Яранской городской библиотеке нет никаких специальных произведений, посвящённых моему предмету, а по новейшей истории Востока нет даже учебника».*

В декабре 1943 г. ему разрешили командировку в Москву, а ещё через год Тютин уехал из Яранска в связи с поступлением в московскую аспирантуру.

На кафедре продолжила работу С. Асиновская. *«Лекции и практические занятия по истории средних веков проводит на должном теоретическом уровне»* – записано в одной из её характеристик яранского периода.

В Яранске на факультете появился *Владимир Ипполитович Недельский* (1903–1958). Он родился в Харькове, но его родители переехали в Санкт-Петербург до Первой мировой войны, где он учился в гимназии и 2-й советской трудовой школе. В 1922–1925 гг. Недельский обучался на правовом отделении факультета общественных наук в ЛГУ. После работы библиотекарем и преподавателем в ряде ленинградских учебных заведений Владимир Ипполитович увлёкся лекторской работой по антирелигиозной пропаганде, столь популярной в те времена. С осени 1926 г. Недельский активно выступал с публичными лекциями по вопросам антирелигиозной пропаганды и истории религии.

С 1929 г. Владимир Недельский преподавал в Ленинградском пединституте им. А. И. Герцена, Ле-

*В. И Недельский.
1930-е гг.
(Из общедоступных
источников)*

нинградском институте истории, философии и литературы и других вузах города, будучи одновременно научным сотрудником с 1931 г. и затем заведующим отделом в Музее истории религии АН СССР и научным сотрудником в Институте истории рабовладельческого общества ГАИМК. Ещё к тому же Недельский в 1932–1935 гг. работал научным консультантом в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

В. И. Недельский был широко известен благодаря своей активной пропагандистской и публикационной работе по вопросам истории раннего христианства и атеистической пропаганды¹⁸. Его главной работой стала «Революция рабов и происхождение христианства» (1936). Она была построена на основе господствовавшей тогда в советском антиковедении теории о «революции рабов», низвергнувшей рабовладельческое общество, с критикой представителей буржуазной историографии, лишённых, по мнению автора, способности правильно понять античную историю¹⁹. Однако эта книга подверглась критике за путаницу и смешение исторических понятий, создание искусственной теории о распространении христианства в связи с поражением рабских восстаний²⁰.

В мае 1936 г. по представлению Института истории рабовладельческого общества Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) Недельский был удостоен учёной степени кандидата исторических наук без защиты диссертации.

Но в стране менялась политическая обстановка. Некоторые товарищи Недельского, с которыми он начинал работать в Музее истории религии, попали под репрессии. Николай Михайлович Маторин (1898–1936), один из основателей этого музея, известный этнограф и религиовед, был обвинен в троцкистской деятельности и расстрелян; Александр Арсентьевич Невский (1898–1980) в 1936–1944 гг. отбывал сроки в лагерях Воркуты и Инты.

С осени 1937 г. Недельский покинул Музей истории религии и перешел на работу в Музей истории народов Севера, сохраняя работу в ГАИМК. По чьему-то доброму совету он перебрался из Ленинграда в Пушкин (бывш. Царское Село), где работал доцентом кафедры всеобщей истории народов Севера. Заметим, что за 1937–1941 гг. у него не было научных публикаций, видимо, трудности того времени давали о себе знать.

¹⁸ Недельский В. И. Антихрист и страшный суд. Л., 1930; Он же. Происхождение христианства. Л., 1931; Он же. Задания и рабочий материал по истории религии. Вып. 1. Л., 1933; Он же. Миф о страдающем боге. Очерк происхождения и развития мифа. М., 1934 (совместно с Ю. П. Францовым).

¹⁹ Крих С. Б. Древняя и новая публицистика: о поисках нарратива в советской историографии сталинского времени // Вестник Пермского университета. История. 2021. Вып. 1(52). С. 98–99.

²⁰ Капелюш Ф. [Рец.] : Недельский В. И. Революция рабов и происхождение христианства. Л., 1936. 73 с. // Книга и пролетарская революция. 1936. № 9. С. 57–60.

В августе 1941 г. он и его семья были эвакуированы из Пушкина. Это случилось до начала блокады Ленинграда (8 сентября), и трудно гадать, какая судьба ожидала бы Недельского и его семью, если бы они остались в Пушкине. Поезд с эвакуированными прибыл в Опарино. Здесь Владимир Ипполитович работал в местной школе и лектором-пропагандистом в эвакогоспитале, а с лета 1943 г. – ещё и директором областного лекционного бюро.

В Яранске он появился в сентябре 1943 г. и приступил к работе в должности ст. преподавателя кафедры всеобщей истории. Здесь Недельский вступил в ВКП(б). Его семья проживала в Опарино, и, видимо, Владимир Ипполитович бывал в Яранске наездами. В кадровой анкете 1943 г. он определил себя как кандидата исторических наук, написав, что не может представить документы об учёной степени по причине эвакуации. По отзывам В. Г. Авдеевой, Недельский *«читал свои лекции великолепно, умело применял параллели с отечественной историей»*.

С 1944 г. Владимир Ипполитович возглавил кафедру всеобщей истории. Директор института А. И. Заручевский в характеристике в мае 1945 г. определил В. И. Недельского как *«компетентного специалиста в области исторических наук»*.

С осени 1944 г., правда, очень кратковременный срок в два месяца, на историческом факультета работал москвич *Борис Александрович Васильев* (1899–1976). В 1918–1924 гг. он изучал биологию в Московском университете, был участником знаменитой Тунгусской экспедиции 1927 г. по поиску следов упавшего в тех местах метеорита (1908).

Васильев состоял в одной из московских общин катакомбной церкви, не признававшей церковной власти митрополита Сергия, и возглавил её после ареста прежних руководителей. В 1929 г., судя по всему, именно по этой причине его выслали на три года в г. Шенкурск Северного края (совр. Архангельская область), и об этой высылке он упомянул в кадровой анкете пединститута. По окончании высылки ему определили г. Вятку как место жительства, где он в 1932–1936 гг. работал в краеведческом музее.

Затем он вернулся в Москву, где занимался этнографической работой. 3 июня 1941 г., как он указал в кадровой анкете пединститута, его лишили московской прописки и выслали из Москвы в Киров. Здесь в годы войны Васильев сочетал преподавание географии в с. Спасском Макарьевского района с работой в краеведческом музее. С возвращением пединститута из яранской эвакуации с сентября 1944 г. он находился в должности ст. преподавателя кафедры всеобщей истории, преподавая историю Средних веков.

В июне 1946 г. он защитил кандидатскую диссертацию *«Медвежий праздник у орочей»* и в октябре 1946 г. покинул Киров. Поскольку ему, как бывшему ссыльному, не разрешили жить в Москве, то он работал в Калинин-

ском и Рязанском пединститутах, где читал лекции по археологии, этнографии и истории Древнего мира. В 1953 г. Васильев вернулся в Москву и работал в Антропологическом музее МГУ.

Несмотря на трудные условия при пребывании в Яранске, темп преподавательской работы не снижался и постоянно поддерживался взаимопосещениями занятий, причем комиссиями в составе двух-трёх преподавателей. По итогам посещения лекции С. А. Асиновской 31 марта 1943 г. комиссия в составе А. В. Эммаусского, В. М. Дьяконова, В. П. Антоновой признала общий научный и теоретический уровень её лекции удовлетворительным.

В числе замечаний высказывалось то, что она недостаточно убедительно объяснила мотивы, почему Карл I в борьбе против парламента решил опираться на Шотландию; *«...недостаточно глубоко был освещён вопрос о причинах побед короля над войсками парламента в начале гражданской войны; лектор свёл все причины к превосходству сил короля и нерешительной позиции парламента»*.

В этом отчёте комиссия рукой Эммаусского заметила, что в отдельных пунктах лекции материал излагался в объёме учебника и, следовательно, освещался недостаточно подробно. Темп чтения лекция *«был вполне нормальным, но затем он замедлился и перешёл почти в диктовку, некоторые фразы повторялись по нескольку раз»*. Также было замечено, что новые слова в лекции (Пим, Гемпден, Марстон-Мур) не выписывались на доску.

Посещение семинара на тему «Васко да Гама» у Асиновской показало, что в основе занятия лежало заслушивание доклада студентки Салтыковой о путешественнике. Доклад был признан удовлетворительным, но главным недостатком оказалось полное незнание карты. Докладчица не смогла показать на ней мыс Доброй Надежды и проявила недостаточную культуру речи, допуская слова *«хочут»*, *«ихний»* и пр. При этом Салтыкова стояла спиной к аудитории, лицом к карте, говорила монотонно и невыразительно (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 2. Ед. хр. 84. Л. 16–17).

Лекция «Франкское государство Меровингов» была прочитана *«вполне хорошо»*. Комиссия всё в том же составе отметила хорошую опору на фактический материал из источников (Григорий Турский, «Салическая Правда», эдикт Хильперика), глубокий и тщательный анализ и правильное методическое оформление лекции. *«Недостаточно чётко было сказано, что эпизод о Суассонской чаше свидетельствует о росте королевской власти у франков; можно было вывести факт, что у франков ещё очень была сильна военная демократия и Хлодвиг действовал по старинным обычаям»*.

Также было отмечено, что в лекции допускались ссылки на несуществующий или будущий материал, что проявлялось в выражениях *«как мы видим»*,

«как я покажу вам в дальнейшем». Темп лекции был признан медленным (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 2. Ед. хр. 84. Л. 17–18).

Несмотря на трудности эвакуации в Яранск, учебная, научная и методическая работа кафедры постепенно возвращались на прежние уровни.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ: НОВЫЕ ИМЕНА

Институт вернулся обратно в Киров. Новый период начинался с составления первых планов для восстановления нормальной работы и учёбы на факультете. Стало очевидно, что кафедра всеобщей истории и факультет в целом понесли невосполнимые кадровые потери.

Начнём с Аркадия Степанова, о котором было написано, что он «погиб на фронте»²¹. В конце 1990-х гг. мне удалось связаться по телефону с его дочерью Лорой Аркадьевной Степановой (1935–2011), некогда заведовавшей отделом литературы на иностранных языках в библиотеке им. А. И. Герцена.

По поступившим к её матери слухам через каких-то людей, она рассказала мне, что отец уехал на Северный Кавказ. Из-за состояния здоровья в 1941 г. его освободили от призыва в армию, но впоследствии он записался в народное ополчение и погиб при обороне Нальчика в октябре 1942 г. Проверка по четырёхтомной «Книге Памяти Кабардино-Балкарской Республики» ничего не дала. Имя А. М. Степанова там не значилось, и потому отсутствие данных вначале было отнесено мною на последствия сумятицы и паники в те дни в Нальчике, когда бумаги со списками ополченцев могли просто погибнуть.

Но червь сомнения в душе подвигнул на всякий случай (!) обратиться к данным сайта «Память народа. 1941–1945 гг.». Сведения (строчка записи в призывной ведомости) о Степанове нашлись! Совпали год рождения (1900), партийность (б/п), образование (высшее). Он с семьёй (жена и двое детей) обнаружился в д. Васильевка Фрунзенской области (Киргизская ССР) и был призван Ворошиловским РВК Фрунзенской области в декабре 1942 г. Второй документ – данные из медицинской карточки выбытия: красноармеец 893-го стрелкового полка А. М. Степанов умер от ран 17 апреля 1943 г. в госпитале в Туле и похоронен там на Всехсвятском кладбище (приложение 1).

Трудными оказались поиски следов Василия Бутнева. Мне не удалось установить, что он работал в Яранске до 1944 г., уехав затем в Челябинск, как полагалось ранее²². По моему запросу на кафедру всеобщей истории Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (бывш. Челябинский пединститут) проверили тамошний кадровый состав в годы войны. В. И. Бутнев в Челябинском пединституте не обнаружился. Место и время его призыва в армию неизвестны. Красноармеец Бутнев Василий Иванович, 1909 (возможно, ошибка вместо 1908. – В. Д.) года рождения, числится на

²¹ Преподаватели ВятГГУ. С. 165.

²² Там же. С. 24.

сайте «Память народа. 1941–1945» как погибший 22 февраля 1943 г. во время боёв под г. Синельниково в Днепропетровской области и похороненный в этом городе в братской могиле.

Младший лейтенант А. Н. Грушевский (помощник начштаба 14-го запасного полка, 48-я отдельная стрелковая бригада, 1-я ударная армия) погиб 29 декабря 1941 г. и похоронен в братской могиле у д. Гаврилово Волоколамского района Московской области²³. На сайте «Память народа. 1941–1945 гг.» нашлась его фотография, приведённая в настоящей работе.

Полностью нет сведений о судьбе А. Е. Хуторецкого. В областной «Книге памяти» его имя отсутствует. В его личном пединститутском деле последним документом подшит ответ на письмо отца, разыскивавшего в 1945 г. какие-либо сведения о сыне. Из пединститута ему сообщили, что его запрос переслан в Молотовский РВК г. Кирова. В юбилейном сборнике 2004 г. вместо даты смерти стоит значок «?»²⁴.

То, что Хуторецкий погиб, было негласно признано в рецензии на 62-й том «Учёных записок» ЛГПИ им. А. И. Герцена (1948), в котором была опубликована его статья об откликах британской прессы на переворот Л.-Н. Бонапарта 2 декабря 1851 г. Там говорилось о содержании тома, что в нём имеется «небольшая статья А. Е. Хуторецкого, погибшего в Отечественной войне...»²⁵. Безусловно, автор сдал статью в печать ещё до войны. То, что он не объявился в ЛГПИ им. Герцена после войны для продолжения научной работы, послужило безусловным и убедительным основанием для утверждения об его гибели. Но главное то, что его статья не сгорела в блокадной печурке, она пережила своего автора и была опубликована в 1948 г. Вспоминается античное «*habent sua fata libelli*» или уж булгаковское «*рукописи не горят*»...

Единственно разумное объяснение данного случая может состоять в следующем. Поскольку Хуторецкий появился на факультете в конце учебного года (апрель 1941 г.), то его учебная нагрузка вряд ли была большой; в частности, известно, что он принимал экзамены по новой истории в мае 1941 г.

Можно полагать, что уже в первой половине июня он ушёл в отпуск и уехал в Ленинград, где ранее учился и защищался, с научными или личными целями, например для создания семьи. То есть война застала его, вероятно, не в Кирове. Именно таким обстоятельством может быть как раз объясним тот факт, что о нём нет никаких данных в областной «Книге памяти». Наличие повестки в его личном деле вовсе не означает того, что его призвали именно в Кирове.

²³ Книга Памяти. Киров, 1995. Т. 15. С. 182.

²⁴ Преподаватели ВятГГУ. С. 183.

²⁵ Молок А. «Учёные записки» Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена. Т. 62. Л., 1948 // Вопросы истории. 1948. № 12. С. 168.

Повестки из Молотовского райвоенкомата пришли в отдел кадров пединститута, и возможно, что повестка Хуторецкого, уехавшего в отпуск, не попала к нему в руки и её попросту аккуратно подшили в его дело.

И вот тут нашлось то, что рано или поздно должно было обнаружиться. На сайте «Память народа. 1941–1945» в числе данных о безвозвратных потерях мною было найдено упоминание о Хуторецком Абраме (!) Ефимовиче, того же 1908 года рождения, лейтенанте (Александр Ефимович, по данным его личного дела в пединституте, был лейтенантом запаса. – *В. Д.*), уроженце Белоруссии, из Черноморского (!) района (искажено вместо того самого Чериковского района. – *В. Д.*), начальнике отдела имущества связи в 72-м батальоне аэродромного обслуживания 16-й авиабазы на Северо-Западной фронте. Абрам Хуторецкий был призван Смольнинским РВК Ленинграда.

За отсутствием иных достоверных свидетельств приходится руководствоваться тем единственным, что имеется под рукой, полагаясь на особое чутье историка. С учетом совпадений о годе и месте рождения, звании – это 99,99 шансов из 100, что под именем Абрама, возможно написанного по искажению вместо Александра, коего его сослуживцы могли, судя по его национальности, называть в своём кругу Абрамом, был никто иной как Александр Ефимович Хуторецкий. Искажения имён, фамилий, мест рождения были постоянными в военно-учётных бумагах того времени. Помимо всего довольно широко известно о замене во время революции и после неё ряда имён и фамилий на русифицированные версии, подобно тому как «Лейба» стал «Львом». Поэтому в подавляющей мере возможно, хотя и никак не доказуемо, что Александр Хуторецкий изначально по рождению и был Абрамом. Это единственное, что приходит в качестве вполне допустимого, хотя и фантастического вывода.

Что случилось с ним? В ведомости безвозвратных потерь есть короткая фраза: «Убит/застрелен из пистолета «ТТ»/ 21.8.41 г. инструктором пропаганды 402 ИАП (истребительно-авиационный полк. – *В. Д.*) политруком Толстобровым» (приложение 2). Похоронен на кладбище в пос. Крестцы Ленинградской области, о смерти предписано сообщить жене Соловьевой Н. К. в Ленинград. Фамилия политрука, по данным сайта «Память народа», в написании оказалась немного другой – Толстобров Николай Николаевич; всё, что известно о нём по данным названного сайта – выбыл из 402 ИАП 1 ноября 1941 г. в политуправление Северо-Западного фронта. Что реально произошло на авиабазе 21 августа 1941 г. – неизвестно.

Читатель может сам прочесть все то, что мне удалось найти и на свой лад рассудить на этой основе о предполагаемой судьбе Александра Хуторецкого.

Возможно, что какие-то следы могли остаться в документах 402-го авиаполка за август 1941 г. в архивах ЦАМО, но это требует длительного поиска...

Также отсутствуют данные о судьбе Ф. Д. Кормановского: в областной «Книге Памяти» он не числится ни погибшим, ни пропавшим без вести. В книге о преподавателях ВятГГУ о нём написано, что «погиб в Великую Отечественную войну»²⁶.

Неожиданный результат нашёлся совершенно случайно во время беседы с Г. А. Глушковым после прочтения им первого варианта рукописи этого сочинения в начале 2000-х гг. По устным данным, полученным Георгием Андреевичем от кого-то из неназванных им старожилов института после войны, вскоре после получения повестки о призыве Ф. Д. Кормановский по трагическому совпадению или нелепой случайности погиб под колесами движущегося поезда. Частные детали того случая были неизвестны Г. А. Глушкову. Получается, что именно поэтому о Кормановском, погибшем не в боевой обстановке, нет сведений в областной «Книге Памяти».

М. И. Дусеев. 1950-е гг.
(<https://cdn.pamyat-naroda.ru/images/Images>)

На сайте «Подвиг народа» также обнаружались сведения о М. И. Дусееве, о котором ранее предполагалось, что «с фронта не вернулся»²⁷. Он прослужил всю войну в политуправлении штаба Уральского военного округа и 9 мая 1945 г. был награждён медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Затем по выслуге лет Дусеева наградили медалью «За боевые заслуги» (1951) и в звании подполковника – орденом Красной Звезды (1955). Вышел в отставку в 1956 г. Понятно, что после 1945 г. он решил не возвращаться на истфак и о причинах этого можно только безуспешно догадываться. По-видимому, ему стало понятно, что в новых условиях ему уже не написать диссертацию о Пальмерстоне; да и зачем? Он полу-

чил награды, военную пенсию, квартиру и удачно состоялся как политработник. По возвращении же в Киров пришлось бы делать всё сначала, начиная с обычного квартирного обустройства.

²⁶ Преподаватели ВятГГУ. С. 82.

²⁷ Там же. С. 46.

На том же сайте нашлись данные и о С. В. Токареве и его послевоенная фотография. Всю войну он работал в Московском высшем военно-политическом училище им. В. И. Ленина. В звании капитана в мае 1945 г. его наградили медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; затем – медалью «За боевые заслуги» (1951), орденом Красной Звезды (1956). После работы в военной академии им. М. В. Фрунзе он вышел в отставку в 1957 г. в звании подполковника. Его послевоенная судьба сложилась точно так же удачно, как и у Дусеева.

С. В. Токарев. Первая половина 1950-х гг.
(<https://cdn.pamyat-naroda.ru/images/Images>)

С осени 1945 г. в составе студентов появились фронтовики. Разброс возрастов был разный, что было видно по лицам на фотографиях того времени.

В сентябре 1945 г. прекратила работу и уехала в Москву С. А. Асиновская. В последней кадровой анкете она сообщила, что за время пребывания в Кировском пединституте написала одну главу кандидатской диссертации о Т. Н. Грановском. После защиты диссертации «*Из истории передовой русской медиевистики 40-х – начала 50-х гг. XIX в.*» (1952) она опубликовала монографию о Грановском²⁸. Впоследствии Асиновская готовила к изданию труды Т. Н. Грановского и П. Н. Кудрявцева. В частности, ей удалось найти в московских архивах студенческие конспекты лекций Грановского и подготовить их к изданию²⁹.

В некрологе её назвали как «*одну из последних представительниц медиевистов, родившихся в “мирное время”, т. е. до 1914 г.*». Там же упоминалась её работа в Кировском пединституте в 1941–1945 гг., правда, город был назван как «Еранск»³⁰.

В. И. Недельский продолжал вести древнюю и средневековую историю и факультативный курс по историографии, истории Древнего мира и Средних веков. Но в октябре 1946 г. он уволился из пединститута и ушёл на работу в лекторскую группу горкома партии, оставшись на кафедре совместителем.

Из воспоминаний краеведа и журналиста Игоря Владимировича Порошина (1928–2008), учившегося на истфаке в 1945–1949 гг. и оставившего свои

²⁸ Асиновская С. А. Из истории передовых идей в русской медиевистике: Т. Н. Грановский. М., 1955.

²⁹ Лекции Т. Н. Грановского по истории средневековья. М., 1961; Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986; Кудрявцев П. Н. Лекции. Сочинения. М., 1991.

³⁰ Памяти С. А. Асиновской // Средние века. Вып. 46. 1983. С. 313–314.

воспоминания: *«Историю древнего мира читал Владимир Ипполитович Недельский. Читал с воодушевлением, артистически. Так всё живо, образно, словно мы в далекой древней Греции или Риме идём по улицам, сидим в цирке, наблюдая с напряжением за боем гладиаторов. Слушали, разинув рот. Но когда подошла сессия по этой дисциплине, почти ни у кого в результате не оказалось толковых записей лекций»*³¹.

Понятно, что любому преподавателю следует заботиться о том, чтобы студенты успевали записывать его лекции, успевая к тому же аккуратно обматывать свои ручки в чернильницы: ведь темп записи в те времена был совершенно другой, не то что сейчас шариковыми ручками. Проводить занятия по принципу «наш вуз – театр, а преподавы – актёры» вполне можно, но в строго определённых пределах, и не стоит уж тут переходить границы необходимого в представлении фактического материала для аудитории.

Николай Иванович Буторин, студент историко-филологического факультета в 1951–1952 гг., в воспоминаниях 2011 г. говорил о Недельском так:

«На лекциях обычно ходил между рядами, не заглядывая ни в какие бумажки, тексты. Однако обилие дат, фактов, живых исторических ситуаций хранилось по-видимому в его великоленной памяти. Особенно яркими его лекции были по истории Древней Греции и Рима. Однажды, как мне помнится, повествуя о времени Юлия Цезаря, он прочел нам необыкновенную лекцию. Весь учебный час он читал наизусть трагедию Шекспира “Юлий Цезарь”. Тем самым покори нас всех своей великоленной исторической и художественной эрудицией. В конце лекции он заявил, что любил слушать эту трагедию в исполнении знаменитого артиста Юрьева, которого он в свое время не раз слышал в одном из ленинградских театров. Мы так слушали, что ничего не записывали. Раскрыв рты, слушали. Нас поражал его необыкновенный артистизм и любовь к тому материалу, который он излагал.

На втором курсе Владимир Ипполитович читал историографию, где он ознакомил студентов с десятками, а, может быть, и с сотнями историков, которые творчески работали над многими историческими эпохами как древнего, так и более позднего времени. Поражало нас обилие фактов – живых, очень ярких, о многих очень не простых делах и трудах. Мы узнали о французском историке-исследователе древнего Египта Шампольоне, который нашёл ключ к прочтению многочисленных иероглифов Древнего Египта.

³¹ Порошин И. В. Из воспоминаний о годах учебы на истфаке КГПИ им. В. И. Ленина (1945–1949) // Герценка. Вятские записки. Киров. 2009. Вып. 15. С. 245.

Недельский раскрывал нам широко глаза на историю мира. Таких лекторов я никогда больше не встречал на работе и в своей жизни. Он был человеком высокой культуры, доступным для любого студента»³².

Для меня было потрясением прочесть в преподавательской анкете 1949 г., где Недельский признал, что учёной степени кандидата наук у него нет (!). И так, как всё это можно объяснить и совместить с фактами из его биографии? Единственно приемлемое толкование этого случая может основываться на том обстоятельстве, что в 1945 г. Высшая аттестационная комиссия проводила переаттестацию научных кадров. К примеру, у А. А. Фортунатова ВАК не утвердила докторскую степень, полученную им в Азербайджанском университете, но оставила за ним звание профессора. Вероятно, можно вполне допустить, что в отношении Недельского оказалось, что ВАК не признал присвоенное ему до войны звание кандидата исторических наук без защиты диссертации. Либо он никак не смог действительно и документально подтвердить присуждение кандидатской степени до войны без защиты диссертации в связи с потерей документов во время эвакуации. Поэтому он и сделал прямой и честный, хотя и с тяжёлыми и неудобными для него последствиями, ответ.

И наконец, появился вопрос о том, почему он не вернулся обратно в Ленинград вместе с Лозинским в 1944 г. или потом, в 1945 г.? По рассказу А. А. Попыриной, с весны 1944 г. почти все эвакуированные ленинградцы покинули Яранск и перебрались в Ленинград. В Яранске никого из них не осталось. По рассказу Татьяны Владимировны Родыгиной (род. 1947), дочери Владимира Ипполитовича, в случае отъезда в Пушкин или Ленинград всё пришлось бы начинать сначала, особенно в таком тяжёлом в послевоенном вопросе о жилье; сказались также и проблемы со здоровьем. Поэтому Владимир Ипполитович остался в Кирове.

Пропуск В. И. Недельского (Из личного архива Т. В. Родыгиной)

³² Приведено мною по электронному варианту из личного архива Т. В. Родыгиной.

В. И. Недельский пытался восполнить этот пробел своей квалификации: в 1949 г. он сдал кандидатские экзамены по диалектическому и историческому материализму, в 1950 г. – по латыни. Понятно, что он готовился к защите кандидатской диссертации, вероятно, на основе своих старых публикаций.

С 1955 г. В. И. Недельский работал в должности зам. директора Кировского областного музея краеведения по научной работе. С осени 1955 г. Владимир Ипполитович был назначен его директором. Под его редакцией в 1957 г. вышел справочник «Город Киров». 8 октября 1958 г. Владимир Ипполитович скончался.

Его работу на историческом факультете ветераны вспоминали как работу преподавателя, очень увлечённого своим делом и глубоко преданного преподаванию истории. На кафедре всеобщей истории он был, по оценке Ю. М. Рябова, обучавшегося на историко-филологическом факультете в 1952–1956 гг., *«самой известной фигурой»* в те времена. Это вполне справедливо: В. И. Недельский обладал поистине академическими знаниями, владел английским, немецким, французским, греческим, украинским и белорусскими языками.

С июня 1945 г. и до лета 1948 г. на кафедре в должности ст. преподавателя работала *Сарра Шлемовна (как было написано её рукой в анкетном листе) Димант* (род. 1905), превратившаяся далее в Сарру Соломоновну. После обучения в 1922–1926 гг. в Первом Московском университете по специальности *«педагог-обществовед»* она работала в Музее революции и в Исторической библиотеке. В Кирове она оказалась после работы в Уральском педагогическом институте в Свердловске и совмещала здесь должности директоров художественного и краеведческого музеев.

В анкете отдела кадров за август 1945 г. Димант указала, что работает над кандидатской диссертацией на тему *«Великие русские просветители А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский о национально-освободительном движении в Европе в середине XIX в.»* По учебной работе она нередко замещала Недельского во время его болезней. В январе 1947 г. приказом по Главному управлению высших учебных заведений С. Ш. Димант утвердили в должности и. о. зав. кафедрой всеобщей истории.

В июне 1948 г. Димант арестовали. Она не явилась на учебные занятия, и декан А. В. Эммаусский отправил В. Ф. Суходоева в общежитие на ул. Свободы, где Димант проживала, узнать, в чём дело. Суходоев вернулся в деканат с вестью об её аресте.

И. В. Порошин вспоминал о ней так: *«Сара Соломоновна Димант, уже в годах, с заметными чёрными усиками, говорившая с резким акцентом, читала курс всеобщей истории. Была до ужаса строга и требовательна (так нам ка-*

залось). Мы её откровенно боялись. Я – тоже, хотя на втором курсе получал даже стипендию отличника. Боялись коллоквиумов, которые она вела, её зачетов, не говоря уже об экзаменах. Помню, предстояло сдавать зачёт Димант. Накануне зашёл я к девочкам в комнату. Гляжу, у них «церемония»: под лампой висит кукла с лицом... Сары Соломоновны. Они ходят вокруг и «заклинают» «хотя бы сдать». В день сдачи на душе кошки скребут. Не выдерживаю, иду в институт. Но что это? У аудитории толпятся в очереди ещё самые первые. Оказалось, Сара Соломоновна ещё не приходила! Через час дошёл слух, что её... арестовали. За что? Мы не знали, но по слухам как «врага народа»³³.

О причинах ареста можно только догадываться. Известно, что к тому времени её критиковали на факультете за «преклонение перед буржуазной техникой и культурой»³⁴.

К тому же перед войной С. Димант была замужем за немецким коммунистом, эмигрантом в СССР с 1927 г., членом ВКП(б) с 1928 г. Куртом Никсдорфом. В Германии Никсдорф входил в оппозиционную в отношении к Э. Тельману внутрипартийную в КПГ группу Г. Брандлера, стремившегося по мере роста угрозы нацизма поддерживать связи с социал-демократами. В 1935 г. Никсдорф был исключен из ВКП(б) и получил пятилетний срок на Колыме. В 1937 г. он был арестован повторно, привезён в Москву, обвинён в контрреволюционной деятельности. Его расстреляли в сентябре 1937 г. В 1989 г. Пленум Верховного суда СССР реабилитировал К. Никсдорфа.

С. Димант была осуждена в августе 1948 г. Управлением МГБ СССР по Кировской области по статье 58, п. 10 (антисоветская пропаганда или агитация), к лишению свободы. Ряд деталей по этому поводу будет приведён далее. На свободе она оказалась после 1953 г.

В личном деле Сарры Димант предпоследним документом лежит её письмо 1955 г., которое она прислала в пединститут из г. Фрунзе. Димант интересовалась перспективой возвращения на исторический факультет. Последний листок дела – копия ответа из отдела кадров о том, что на кафедре всеобщей истории нет вакантных мест.

Однако она все-таки приехала в Киров. Обстоятельства её приема в пединститут мною не выяснены, но в плане кафедры всеобщей истории на 1955–1956 учебный год Димант упомянута в должности ассистента кафедры в связи с работой кружка по новой истории (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 1225. Л. 193, 196). Её новое личное дело осталось неизвестным для меня. В 1958 г. её уволили: поводом послужили её отказы заниматься общественной работой и

³³ Порошин И. В. Указ. соч. С. 245–246.

³⁴ Холмс Л. Е. Указ. соч. С. 283–284.

руководить педагогической практикой³⁵.

*В. И. Недельский в краеведческом музее. Вторая справа – С. С. Димант. 1956–1958 гг.
(Из личного архива Т. В. Родыгиной)*

Её сын Виктор Никсдорф работал журналистом в Киргизстане и был убит 24 февраля 1995 г. в Бишкеке неподалеку от своего дома. Расследование не дало никаких результатов. Его сын, Александр Викторович Никсдорф, работает журналистом в Киргизстане, является членом Всемирного координационного совета российских соотечественников, проживающих за рубежом.

В мае 1946 г. к работе на факультете приступил *Владимир Федорович Суходоев* (1918–2000), уроженец Сунской волости Вятской губернии, сын бедных крестьян. После учебы в своей деревенской школе он в 1931 г. попал в школу крестьянской молодёжи в Суне – первую восьмилетнюю школу в тех местах и успешно закончил её. Став комсомольцем (1932), Владимир активно участвовал в ликвидации неграмотности в деревнях, проводил читки газет и журналов, разъяснял текущее положение в СССР и за рубежом, агитировал за подписку на госзаймы.

Он стремился к самообразованию. Это ему лично посоветовал секретарь Нижегородского обкома ВКП(б) А. А. Жданов, проезжавший в 1935 г. через Суну по пути в Казань:

³⁵ Холмс Л. Е. Указ. соч. С. 284.

«Мне было поручено выступить от молодежи района на митинге, посвящённом началу хлебозаготовок. После митинга в беседе со мной о школе и учебе, о комсомольской ячейке и ее работе А. А. Жданов дал ряд ценных советов, что надо хорошо учиться и готовить себя к большому труду, он советовал больше читать о жизни Маркса и Ленина, учиться у них»³⁶.

По комсомольской путёвке Владимир Фёдорович поступил на исторический факультет МГУ в сентябре 1937 г. Там работали специалисты, которые приняли активное участие в создании советской исторической науки. Вот материал из его воспоминаний:

«По истории партии читал лекции проф. Владимир Григорьевич Юдовский, профессиональный революционер, один из первых руководителей Агитпропа ЦК РКП(б) после 1917 г. По политэкономии вел занятия Иван Дмитриевич Удадьцов, старейший коммунист, у которого на квартире в Москве в 1905 г. жил В. И. Ленин.

По истории СССР курс лекций вели профессор Владимир Иванович Лебедев, Константин Васильевич Базилевич, Сергей Владимирович Бахрушин, Милица Васильевна Нечкина, Эсфирь Борисовна Генкина, Николай Михайлович Дружинин. Древнюю историю вели известные исследователи Константин Константинович Зельин, Всеволод Игоревич Авдиев, Владимир Сергеевич Сергеев, Александр Васильевич Мишулин, Николай Александрович Машкин и др. Этнографию – Марк Осипович Косвен, Владимир Капитонович Никольский. Археологию – Артемий Владимирович Арциховский.

Историю средних веков преподавали уже тогда известные ученые Евгений Алексеевич Косминский, Сергей Данилович Сказкин, Александр Дмитриевич Удадьцов. С большим интересом слушали новую и новейшую историю у В. П. Потёмкина и И. М. Рейснера, Кара-Мурзы, Звавича и других.

Глубокие знания закладывались в спецкурсах — Э. Б. Генкиной, А. Л. Сидорова, А. И. Быковского, Волгина, Зденека Неедлы и других. Все они закрепили и развили интерес к истории, дали многое в приёмах и методах научного исследования. Неизгладимые впечатления оставили выступления соратников В. И. Ленина – В. Д. Бонч-Бруевича, Е. Д. Стасовой, Л. Н. Сталь, Г. И. Петровского, видных деятелей международного коммунистического и рабочего движения – К. Готвальда, В. Пика, М. Ракоши, Р. Гюйо и др.

Большой стимул в учебе создавали встречи с писателями и их выступления. Это были встречи с Безыменским, Жаровым, Сурковым, Катаевым, Петровым, Игнатьевым, Лебедевым-Кумачом, Кольцовым, Эренбургом и другими,

³⁶ Суходоев В. Ф. Автобиография // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...». Воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны. М., 2009. С. 219.

а также с артистами Б. Чирковым, А. Тарасовой, И. Ильинским и многими др.»³⁷

На факультете студент Суходоев вёл знакомую ему работу агитатора, лектора. Он был профоргом своей группы и выполнял партийные и комсомольские поручения по работе со старыми большевиками.

Однажды, по его рассказу, партбюро факультета отправило навестить на квартире вдову С. М. Кирова. Поручение было выполнено, но при выходе из подъезда его задержали дежурившие там работники НКВД и увели в ближайшее отделение милиции для долгого выяснения, кто он, к кому и с какой целью заходил. Оказалось, что в этом же подъезде находилась квартира С. М. Будённого. Судя по этому факту, речь шла о знаменитом доме № 3 (ранее называемом «5-й дом Советов») по улице Грановского, получившего после войны название «маршальского» по фамилиям его некоторых жильцов. В милиции Владимира Федоровича продержали до утра, после чего его отпустили, убедившись, что он не представляет никакой угрозы.

Когда он приехал в деревню на летние каникулы, председатель сельсовета спросил его первым делом: «Что ты такого натворил в Москве? К нам в полночь звонили из Москвы, расспрашивали о тебе».

Теперь понятно, как быстро и оперативно сработали работники НКВД: как-никак, сам Будённый... случись что... Да и другое тоже ясно: в каждом сельсовете на телефоне ночью постоянно дежурили, ожидая звонка...

Война прервала обучение. 22 июня 1941 г. комсомольцы МГУ объявили себя мобилизованными в армию. На третий день войны истфаковцы выехали в Брянскую область на постройку оборонительных сооружений, где они проработали до августа.

В. Ф. Суходоев.
1941–1942 гг.
(<https://cdn.pamyatnaroda.ru/images/Images>)

В августе их отозвали для сдачи ускоренных государственных экзаменов, после которых в октябре 1941 г. Владимир Фёдорович получил диплом об окончании МГУ. Все студенты, не прошедшие военную службу, были сняты с воинского учёта. Им выдали эвакуационные документы и разрешили покинуть Москву. По направлению Кировского облоно Владимир Федорович приступил к работе учителем в Суне.

В феврале 1942 г. его призвали в Красную армию. Он обучался в артиллерийско-миномётном училище Московского военного округа в г. Павлов-

³⁷ Суходоев В. Ф. Указ. соч. С. 222.

ская слобода Горьковской области, а затем с августа и до ноября 1942 г. – на Краснознамённых курсах усовершенствования командного состава при начальнике артиллерии Красной армии в г. Семёнове Горьковской области. После этого в январе 1943 г. В. Ф. Суходоев попал в передвижную артиллерийскую мастерскую Волховского фронта. Затем была служба на Ленинградском фронте, 3-м Прибалтийском фронте в должности артиллерийско-миномётного техника в 189-й стрелковой дивизии.

В её составе Владимир Федорович участвовал в освобождении Нарвы, Тарту, Валмиеры, Риги. Он закончил войну 8 мая 1945 г. под Тукумсом в Латвии.

Однажды, по его рассказу, они привезли отремонтированное орудие для проверки на артиллерийский полигон. Дело было на Ленинградском фронте. На полигон внезапно приехал начальник артиллерии фронта. *«Куда будете стрелять?» «По мишеням»,* – ответили ему. *«Давайте по фашистам».* Приказ есть приказ. Орудие развернули в нужную сторону и произвели выстрел. Артиллерийский наблюдатель противника засёк их моментально, и на их позицию прилетел ответный снаряд. Орудие было разбито и попало снова в ремонт, а Суходоеву прилетел осколок в колено. Поэтому всю остальную жизнь дома и на факультете он ходил, прихрамывая, с инвалидной палочкой.

На фронте Суходоев встретил своего однокурсника *Александра Иосифовича Немировского* (1919–2007), известного советского историка-антиковеда и впоследствии моего научного куратора по написанию вступительного реферата по древней истории при подготовке к поступлению в аспирантуру МГПИ им. В. И. Ленина (1982).

Немировский находился в действующей армии с апреля 1943 г. и по своему военному обучению был связан с ремонтом стрелкового вооружения. Его родители перед войной были репрессированы, и по этой причине его не приняли в комсомол. Владимир Федорович как комсорг своей части принял А. Немировского в ВЛКСМ. Впоследствии их боевые пути разошлись: младший лейтенант А. И. Немировский попал на 1-й Украинский фронт.

Находясь в должности помощника по спецсвязи начштаба 988-го полка 286-й стрелковой дивизии, он был ранен при форсировании Одера во время Верхне-

*А. И. Немировский.
1960-е гг.
(Из общедоступных
источников)*

Силезской операции и демобилизовался в марте 1945 г. В апреле 1945 г. его наградили орденом Боевого Красного Знамени.

В 1944 г. В. Ф. Суходоев вступил в ВКП(б). Он был награждён медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орденом Красной Звезды за бои под Ригой. В представлении к ордену сказано:

«Участник многих боев против немецко-фашистских захватчиков на фронтах Отечественной войны. Своей настойчивой и честной работой в области быстрого и качественного ремонта всех видов вооружения, много способствовал командованию своей части в деле выполнения им полностью ответственных боевых задач. Неоднократно проявляя смелость и мужество во многих боях, сам лично под огнём противника производил ремонт вооружения. Повседневно руководит политико-воспитательной работой и повышением технических знаний личным составом оружейной мастерской» (приложение 3).

Владимир Федорович демобилизовался в январе 1946 г. и начал работу в пединституте с мая 1946 г. Он не получил нагрузки по истории ВКП(б) и истории СССР, по которой он ранее специализировался в МГУ. По его словам, А. В. Эммаусский отказал ему в приёме на кафедру истории СССР, сказав, что предпочитает подбирать туда своих выпускников. Также не нашлось нагрузки и по истории партии. Поэтому Суходоев, принятый на должность и. о. ассистента кафедры всеобщей истории, был вынужден взять для преподавания ту нагрузку, что тогда нашлась, – курс по истории Древнего мира. В МГУ во время его довоенной учёбы лекции по древней истории ему читали В. С. Сергеев, В. И. Авдиев, Н. А. Машкин. В 1948 г. Суходоев прикрепился к кафедре истории Древнего мира МГУ. Н. А. Машкин во время встречи в Москве согласился быть научным руководителем Суходоева и предложил тему для работы над кандидатской диссертацией, связанную с изучением истории древнеримского рода, и помог составить план диссертации. Но преждевременная смерть Машкина (1949) не позволила завершиться этой работе.

Одновременно с преподавательской работой ст. преподаватель Суходоев с лета 1948 г. до ноября 1949 г. занимал должность и. о. зав. кафедрой всеобщей истории, сменив С. Димант на этой должности. Для развития научной работы он взял близкую для себя по давней историко-партийной специализации тему – историю Вятской губернии после Гражданской войны. С разрешения ВАК он подготовил кандидатскую диссертацию *«Вятская губерния в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.)»* и защитил её в Пермском университете (1968). В следующем году он получил учёное звание доцента.

С мая 1946 г. на кафедре работал *Павел Алексеевич Ермаков* (род. 1912), выпускник Кировского пединститута 1939 г., фронтовик, награждённый двумя орденами Красной Звезды. Ермаков преподавал историю Средних веков, занимаясь научной работой по теме «*Каринские татары*», которая стала темой его кандидатской диссертации. Он ездил в командировку в Карино, где составил схемы каринских курганов. Но видимо, его базовая подготовка ослабела за годы войны, в частности, в отчёте факультета за 1947–1948 учебный год его критиковали за слабое проведение занятий по истории Средних веков в учительском институте.

Летом 1948 г. Ермаков попал под жёсткую партийную критику за отказ участвовать в лекционной работе в колхозах области, что планировалось во время его отпуска, а также и за плохое руководство педпрактикой. Л. Холмс написал, что его уволили из вуза³⁸, но, по отчёту декана А. В. Эммаусского, П. А. Ермаков уволился по собственному желанию (ЦГАКО. Ф. Р-132. Оп. 2. Ед. хр. 26. Л. 96). Детали этого прояснил В. Ф. Суходоев на партсобрании института 12 мая 1948 г.: «*У т. Ермакова разорван трудовой отпуск на 5 частей. Нечутко к нему относится секретарь партбюро. Посылая его в командировку, он скрыл от райкома ВКП(б), что т. Ермаков находится в отпуске*» (ЦГАКО. Ф. П-27. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 13). Скорее, все это вместе взятое и вынудило Ермакова написать заявление об увольнении.

Преподаватели и студенты истфака. В 1-м ряду третий слева (судя по двум планкам ордена Красной Звезды) – П. А. Ермаков, шестая слева – А. А. Попырина, четвёртый справа – В. Ф. Суходоев. 1947–1948 гг. (Из общедоступных источников)

³⁸ Холмс Л. Е. Указ. соч. С. 279–280.

Г. А. Глушков. 1970-е гг.
(Из личного архива автора)

С августа 1947 г. к работе в должности ассистента приступил *Георгий Андреевич Глушков* (1921–2005). Уроженец Котельничского уезда, он поступил в Котельничский учительский институт и окончил его в 1941 г., затем работал учителем истории и завучем в Ямновской семилетней школе, а потом директором Юрьевской средней школы Котельничского района. В октябре 1944 г. его призвали в армию. Его учётно-регистрационная карточка из военкомата интересна одним фактом: в ней имеется пункт 17 под названием *«Участие во 2-й отечественной войне (в составе какой последней части...»*; далее фраза оборвана. О какой войне шла речь? О той самой, Первой мировой,

которая на Западе называлась «Великой», большевиками – империалистической. В либеральном российском обществе 1914–1917 гг. её определяли как Вторую отечественную войну после первой Отечественной войны с Наполеоном, также всколыхнувшую до предела народ и государство. Главное же было то, что формулировка «2-я отечественная война» сохранялась ещё и в советские времена (приложение 4).

Г. А. Глушкова отправили в один из уральских городов, где их команду новобранцев готовили к сопровождению военных грузов на транспорте.

В один из дней их проверял кто-то из старших офицеров из штаба округа. Как на грех, по плану работы значилась политинформация, а политработник заболел и попал в госпиталь. Ведение политзанятия поручили Глушкову, и он отлично справился с этим. Проверявший был очень доволен, по рассказу Глушкова, просто сказал: *«Зачем вам новый политработник? Возьмите Глушкова на эту работу»*. Так Георгий Андреевич остался на политработе с новобранцами. Его товарищи по учебной команде вскоре уехали на фронт и, по его словам, почти все погибли при сопровождении грузовых колонн и эшелонов на Западной Украине и в Польше.

В октябре 1945 г. Г. А. Глушков демобилизовался и был зачислен на третий курс исторического факультета. Во время учебы (1945–1947 гг.) он был Сталинским стипендиатом и закончил факультет с отличием. С 1949 г. Г. А. Глушков – член ВКП(б).

Его приняли на кафедру и поручили чтение лекций по новой и новейшей истории на третьем курсе. И. В. Порошин упомянул Глушкова в связи с арестом Димант: *«Через пару часов зачёт сдавали молодому, только что начав-*

шему преподавательскую работу (нашему, из студентов) Георгию Андреевичу Глушкову. Он учился на два курса старше, был Сталинским стипендиатом. Все тогда сдали успешно, кроме студентки Черных, у которой без «хвоста» не обходилась, пожалуй, ни одна сессия»³⁹.

Одновременно он читал лекции по новой и новейшей истории для филологов и по истории стран изучаемого языка (Англия, Франция, Германия) на факультете иностранных языков. Постепенно наметилось направление для работы над диссертацией – история рабочего и социал-демократического движения в Германии в начале XX в.

В 1951 г. Глушков начал обучение в аспирантуре под руководством В. С. Арутюняна. Кандидатская диссертация была посвящена назреванию политического кризиса в Германской империи накануне Первой мировой войны в связи со знаменитым Цабернским конфликтом 1913 г. в отношениях Германии и Франции. Затем у него были два года работы в областной партшколе, а с 1956 г. – возвращение на исторический факультет.

С 1947 г. и до 1952 г. на кафедре в должности ассистента преподавал Борис Алексеевич Мокрушин (род. 1923), уроженец Нолинского уезда, выпускник факультета 1945 г. В 1945–1952 гг. он вёл новую и новейшую историю на историческом факультете учительского института, новую и новейшую историю на филологическом факультете, историю Англии, Франции и Германии на факультете иностранных языков.

В 1948 г. по распределению приехал на работу в пединститут Вараздат Сумбатович Арутюнян (1912–1997). После окончания Ереванского педагогического техникума и работы в школе он в 1934 г. как отличник педагогической работы был отправлен на обучение в Москву. Вараздат Сумбатович обучался в Московском библиотечном институте и окончил его в 1938 г. Как и у всех, его работу в Москве прервала война: в июле 1941 г. – призыв в армию.

Его ожидало отступление тяжёлой осенью 1941 г. в должности командира взвода связи 2-го

*Б. А. Мокрушин. 1950 г.
(Из общедоступных источников)*

*В. С. Арутюнян. 1941 г.
(<https://cdn.pamyat-naroda.ru/images/Images>)*

³⁹ Порошин И. В. Указ. соч. С. 246.

стрелкового полка 50-й стрелковой дивизии; надо полагать, в звании младшего лейтенанта. Как он впоследствии рассказывал на кафедре, осенью 1941 г. во время отступления он с бойцами двигался через знаменитые поля около Бородино. Пришли голодные на какую-то заброшенную ферму, нашли там работницу, спросили, имеется ли там что-нибудь съестное. Та ответила отрицательно. Но солдаты поискали по всем закоулкам и где-то нашли полбидона сметаны, обвинив женщину в том, что она будто бы приберегла сметану для немцев. Тут бы под горячую руку и побили её, но Вараздат Сумбатович заступился за неё и погасил гнев бойцов. Пришлось питаться только тем, что было, – сметаной.

В ноябре 1941 г. при обороне станции Тучково он был ранен. После службы на Западном фронте (21-я стрелковая дивизия) в 1943 г. он оказался на обучении в Ленинградском высшем училище связи 3-го Белорусского фронта. После его окончания Вараздат Сумбатович проработал до конца войны на узле связи Наркомата обороны, размещавшемся тогда на самой глубокой станции Московского метрополитена – «Таганской». В декабре 1944 г. за участие в осенних боях в Подмосковье его наградили медалью «За отвагу»; в 1945 г. – медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За Победу над Японией».

Вот что стало известно о нём из документа, составленного уже в военном училище и обнаруженного мною на сайте «Подвиг народа»: *«Младший лейтенант Арутюнян Вараздат Сумбатович в Ленинградском военном училище связи с июня 1943 г. Дисциплинированный офицер. Учится хорошо. Среди товарищей пользуется авторитетом. Участник Отечественной войны. С июня по ноябрь 1941 г. был на Западном фронте, в ноябре 1941 г. был ранен. С его слов за оборону ст. Тучково Московской области командованием 2 краснознаменного стрелкового полка 50 с. д. представлялся к правительственной награде – ордену Красного Знамени. Идеологически выдержан, морально устойчив. Делу партии Ленина-Сталина и социалистической Родине предан»* (приложение 5).

Это слова из повторного представления к ордену Боевого Красного Знамени, который он так и не получил.

В. С. Арутюнян завершил войну в звании лейтенанта. После демобилизации (1946) он возглавил отдел армянской литературы в библиотеке им. В. И. Ленина, одновременно работая над кандидатской диссертацией «*Экспансионистская политика Англии по армянскому вопросу в Турции во второй половине XIX в.*» После защиты кандидатской диссертации (1948) он взял направление на работу в Киров, где с 1949 г. возглавил кафедру всеобщей истории.

В 1952 г. руководство пединститута обратилось в ВАК с просьбой о присвоении Арутюняну звания профессора. В находящемся в личном деле ответе из ВАК было отказано в данной просьбе по причине отсутствия у соискателя степени доктора исторических наук. Хотя он и некогда руководил работой аспирантов (Газизов, Глушков), но понятно, что у Вараздата Сумбатовича, окончившего библиотечный институт, не было полноценного высшего исторического образования. Он исключительно превосходно ориентировался в истории «восточного вопроса», судьбах Османской империи, положении армянского народа в те исторические времена и всей современной ему новейшей истории, но не более. Не случайно, некоторые ветераны сообщили мне факт о том, что Г. А. Глушков на третьем году аспирантуры оставил руководство работой у Арутюняна и нашёл себе научного руководителя в Высшей партийной школе при ЦК КПСС в Москве, где и защитился в 1956 г.

В. С. Арутюнян прославился в общественной среде области и в преподавательской аудитории пединститута как талантливый лектор-международник. Вараздат Сумбатович великолепно справлялся с данной работой, умело делал на своих лекциях оценки современных западных политиков, был, пожалуй, наиболее популярным в городе и области лектором-международником.

С 1949 г. на кафедре работал *Анатолий Павлович Геллертов* (род. 1912), выпускник МИФЛИ (1941), окончивший аспирантуру в Горьковском пединституте. В отчёте факультета за 1950–1951 учебный год он упоминался как руководитель кружка по древней и средневековой истории, писал диссертацию по теме «*Экономическое развитие Англии в XIII в.*» (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 2. Ед. хр. 994. Л. 65). Работал на кафедре до 1953 г.

*А. П. Геллертов. 1950 г.
(Из общедоступных источников)*

О нём известно по ссылкам в Интернете, что в 1953 г. Геллертов защитил кандидатскую диссертацию по теме «*Феодальная олигархия и гражданская война в Англии во второй половине XIII века (1258–1267)*» в Горьковском университете, учёная степень присуждена в 1954 г. («Вопросы истории», 1954, № 9). Скорее всего, он уволился из Кирова после защиты, его дальнейшая биография мне неизвестна.

С осени 1951 г. в Кирове появилась *Татьяна Сергеевна Осипова* (1922–1986), выпускница Московского городского пединститута им. В. П. Потёмкина. После работы ассистентом кафедры всеобщей истории и обучения в аспиранту-

ре при этом вузе её направили на работу в Киров. Татьяна Сергеевна вела лекции по истории Средних веков и руководила студенческим научным кружком по истории Средневековья.

Её собственные научные интересы были связаны с изучением истории Ирландии. В феврале 1952 г. Т. С. Осипова защитила кандидатскую диссертацию «*Английская агрессия в Ирландию и освободительная борьба ирландского народа в XVII в.*» По личному желанию её освободили от работы в Кирове в сентябре 1953 г., и она вернулась в Москву. В 1982 г. Татьяна Сергеевна была в гостях в Кирове и присутствовала на заседании кафедры. Впоследствии в её некрологе упоминалась работа в Кирове⁴⁰.

*К. Г. Газизов. 1950 г.
(Из общедоступных
источников)*

В начале 1950-х гг. на кафедре появился *Кавый Газизович Газизов* (1928–1996), уроженец деревушки с юга области. Он поступил на исторический факультет в 1945 г., закончив его с отличием в 1950 г. Это был очень активный в научном плане студент: А. В. Эммаусский в одном из своих отчётов второй половины 1940-х гг. назвал его в числе активистов в научном обществе факультета.

Поработав учителем истории, Кавый Газизович поступил в аспирантуру при кафедре всеобщей истории под руководством В. С. Арутюняна, начав одновременно преподавательскую работу на факультете. В 1955 г. – защита в МГПИ им. В. И. Ленина кандидатской диссертации по теме «*Январская всеобщая политическая забастовка 1918 г. в Германии*»⁴¹.

На факультете Газизов вёл новую историю. Но его поманил Восток с его целинной романтикой – в 1958 г. он уехал в Кустанай, где начал работу доцентом кафедры марксизма-ленинизма и истории в Кустанайском пединституте. Вскоре он возглавил партком института, а с 1959 г. стал директором (впоследствии – первым ректором) этого вуза. В Кустанае Кавый Газизович проработал до 1971 г.

Затем он переехал в Уфу и продолжил работу в Башкирском государственном университете (1971–1996) доцентом кафедры всеобщей истории, преподавая новейшую историю стран Европы и Америки и спецкурс по германской истории Новейшего времени. В 1973–1981 гг. Газизов был деканом исторического факультета в БашГУ.

⁴⁰ Памяти Т. С. Осиповой // Средние века. 1988. Вып. 51. С. 320.

⁴¹ Преподаватели ВятГГУ. С. 34.

В 1989 г. он приезжал в Киров. Я мельком видел его среди гостей на конференции «Вятская земля в прошлом и настоящем», приуроченной к 500-летию присоединения Вятки к Московскому государству.

Доцент кафедры зарубежной истории Башкирского госуниверситета Евгений Круглов, мой давний корреспондент по переписке в Уфе, сообщил мне о Газизове в письме в ноябре 2021 г.: *«Был он в общении учтив и благожелателен, сокрушался о последствиях «перестройки» в области идеологии для молодёжи (студентов) и «старой гвардии» преподавателей от того, что натворил М. С. Горбачев – Газизову надо было менять все оценки действий лидеров Запада в своих спецкурсах, начиная с Аденауэра и кончая Никсоном и Тэтчер... Похоже, это его и подкосило осенью 1996 г. Я его видел за 4 дня до ухода, грустного, но ещё вполне крепкого...».*

Валентина Михайловна Фоменкова (1920–2000) пришла на кафедру всеобщей истории в должности ст. преподавателя в октябре 1956 г. Уроженка пензенской деревни, она с 1938 г. училась в Саратовском университете. Учёбу прервала война, и Валентина Михайловна была призвана в июне 1941 г. Пригодилась профессия медицинской сестры, которую она освоила вместе с однокурсницами ещё до войны. Со своей 38-й отдельной ротой медицинского усиления в медсанбате первой линии она прошла под бомбёжками и обстрелами противника через фронтовые трудности и невзгоды до Кёнигсберга. На фронте в 1944 г. она вступила в ВКП(б). В сентябре того же года Валентина Михайловна была награждена медалью «За боевые заслуги», в 1945 г. – медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

*В. М. Фоменкова. 1956 г.
(Из общедоступных источников)*

Вот выдержка из наградного листа к медали «За боевые заслуги»: *«Тов. Фоменкова в течение трёх лет работала на передовых этапах эвакуации. ...При её непосредственном участии в операционной и перевязочной оказана квалифицированная помощь более чем десяти тысячам раненых. В дни потоков т. Фоменкова работает, не покидая операционной, целыми сутками. При выполнении своих обязанностей во время нападения врага с воздуха проявляла спокойствие и мужество»* (приложение 6).

После окончания войны лейтенант медицинской службы Валентина Фоменкова завершила учёбу в Саратовском университете (1948) и работала в Пензенском пединституте. Затем была аспирантура по кафедре истории Древнего

мира и Средних веков в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена. Как она рассказывала впоследствии, она сознательно отказалась изучать немецкий язык в аспирантуре вследствие бывшего фронтового неприятия всего немецкого. Изучение немецкого Средневековья стало невозможным, и поэтому Валентине Михайловне пришлось изучить польский язык и заниматься средневековой историей Польши. Она защитила кандидатскую диссертацию «*Положение крестьян в Польше во второй половине XIII и XIV вв.*» в Саратовском университете в сентябре 1956 г.

В Кирове ей досталось ведение курса по истории Средних веков, оказавшегося без лектора после отъезда Осиповой. Одновременно пришлось занять должность декана историко-филологического факультета (истфак был соединён с филфаком в 1956 г.) и проработать на этом посту до 1958 г.

К. Г. Газизов, В. С. Арутюнян, В. М. Фоменкова. Первомайская демонстрация. Середина 1950-х гг. (Из личного архива автора)

Валентина Михайловна читала средневековую историю вплоть до начала 1980-х гг., в том числе и автору этих строк в 1976–1977 гг., и была руководителем моей курсовой работы по истории Столетней войны.

Зная польский язык, Валентина Михайловна удачно нашла свое научное место в изучении истории польской ссылки XIX в. на Вятской земле, продолжая это направление вслед за П. Н. Лупповым и занимаясь в основном изучени-

ем биографий отдельных польских ссыльных⁴². Другой важной темой её преподавательской работы стал спецкурс по культуре эпохи Возрождения.

И наконец, еще об одном фронтовике, необычайно популярном среди студентов факультета. *Дмитрий Матвеевич Лохтин* (1920–1987), уроженец вятской глубинки, находился в РККА с сентября 1939 г., встретив войну утром 22 июня на границе в Литве. Он как-то рассказывал нам, студентам, что их казарму накрыло тогда самыми первыми снарядами. Лохтин дошёл до Кёнигсберга в должности командира хозяйственного отделения 103-го отдельного гвардии саперного батальона 91-й гвардейской стрелковой дивизии 3-го Белорусского фронта в звании гвардии старшины. Затем он участвовал в войне против Японии. Награждён медалями «За боевые заслуги» (1943), «За взятие Кёнигсберга» (1945), «За победу над Японией» (1945) двумя орденами Красной Звезды (1944, 1945), орденом Отечественной войны 2-й степени (1945).

*Д. М. Лохтин. 1956 г.
(Из общедоступных
источников)*

В представлении к последнему ордену сказано: *«Утром 4 февраля 1945 г. противник численно превосходящими силами при поддержке самоходных орудий атаковал д. Ауэрхоф, где находилось хозяйство батальона. Под сильным огнём противника, расстреливая нападавших гитлеровцев, тов. Лохтин вывел обоз батальона в безопасное место, спас имущество и мужественно продолжал отбивать атаку врага.*

Тов. Лохтин лично в упор расстрелял 8 солдат противника, пытавшихся захватить обоз. В бою показал образцы храбрости и самоотверженности» (приложение 7).

Вернувшись с войны, Дмитрий Матвеевич поступил в пединститут, показал себя дисциплинированным и успевающим студентом.

⁴² Соловьева И. А., Игумнова К. В., Чекалдина О. В. Одно поколение – две судьбы: о научно-педагогической деятельности профессора Е. И. Кирюхиной и доцента В. М. Фоменковой // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 5. С. 140–141.

*Конференция по итогам подпрактики. Выступает Г. А. Глушков.
В 1-м ряду четвёртый справа – Д. М. Лохтин. В президиуме первый слева –
А. В. Эммаусский. 1947 г. (Из личного архива автора)*

На кафедре он взял на себя преподавание важной для подготовки учителей методики преподавания истории, активно привлекая ТСО, в особенности кинодело. Все студенты, заканчивая Кировский истфак, умели пользоваться кинопроектором «Украина».

Другой, очень приметной чертой в работе Дмитрия Матвеевича стала организация изготовления наглядных пособий для уроков истории, часть из которых впоследствии передавалась в школы города и области. Отдельный кабинет (311) на факультете был посвящён методике преподавания истории и оснащён работающей киноаппаратурой: его техническое и графическое оформление и поддержание в великолепном состоянии – заслуга ст. преподавателя Д. М. Лохтина.

Факультет и кафедра всеобщей истории изменились с 1945 г. за счёт притока новых преподавателей как из числа собственных выпускников, так и пришедших сюда извне. Складывались предпосылки для совершенствования учебной и научной работы.

1930–1940-Е ГГ.: ПРЕПОДАВАНИЕ И НАУЧНАЯ РАБОТА НА ФОНЕ ЭПОХИ

Это было время многосторонних и сложных по содержанию преобразований советского общества, оставшегося без поддержки мировой революции и вынужденного строить социализм в отдельно взятой стране. Все вместе взятое породило противоречия и острые обсуждения в партии, моментально разносившиеся среди преподавателей вузов.

В мае 1932 г. ячейка ВКП(б) на общественно-экономическом отделении постановила, что в работе следует *«решительно давать отпор классово-чуждым направлениям на теоретическом фронте, по-большевистски проводить борьбу за партийность в науке, за чистоту марксистско-ленинской методологии, против троцкистских контрабандистов и других фальсификаторов науки»* (ЦГАКО. Ф. П-27. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 137). Эта задача, по сути дела, стала постоянной. Декан С. В. Токарев в феврале 1935 г. в выводах по плану работы факультета на третью пятилетку на первое место поставил задачу разоблачения «школы Покровского», *«троцкистских и других двурушников»* на историческом фронте (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 626. Л. 1).

Преподавание всеобщей истории шло и развивалось с большим трудом, о чём имеются объективные данные по материалам совещаний весной 1930 г. преподавателей общественно-экономического отделения, переименованного в мае 1930 г. в историко-экономическое отделение. В документах 1930–1931 учебного года упоминалась пока ещё единая кафедра истории в составе 4 штатных доцентов, 2 внештатных доцентов и 2 внештатных ассистентов (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 437. Л. 133).

А. М. Степанов на одном из заседаний преподавателей в 1930–1931 учебном году обратил внимание на отсутствие новой литературы по истории стран Запада, а также на перегрузку студентов общественной работой в школах города и среди его населения. Тогда преобладал бригадный стиль в обучении студентов. Степанов призывал усилить активную самостоятельную работу, в том числе по написанию и обсуждению конспектов практических занятий и лекций. По его словам, *«методы работы стихийные, преподаватели часто не знают педагогики, не знают последних достижений в её области и потому ведут дело консервативным способом. Маркса не читают, хотя считаются марксистами; даже в библиотеке института до последнего времени не было Маркса и Энгельса»* (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 434. Л. 16).

Во время заседания кафедры истории 23 сентября 1934 г. Ф. Д. Кормановский, которому было поручено чтение курса истории колониальных и зави-

симых стран, посетовал на отсутствие материалов по их экономике. У него не было даже программы Наркомпроса по этой учебной дисциплине, и потому оставались непонятны хронологические рамки курса. По своему усмотрению Кормановский отмерил их до «эпохи захвата этих стран европейским капиталом» (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 582. Л. 48).

Школьная подготовка поступивших оставляла желать лучшего. А. М. Степанов говорил, что первокурсники исторического факультета, поступавшие тогда исключительно по направлениям райкомов комсомола, имели слабую подготовку по истории доклассового общества и просили его научить ведению конспекта по время слушания лекции, ибо по этому предмету не было учебника. То есть студентами-историками становились молодые люди, окончившие школы и педтехникумы разного уровня в разное время, слабо знакомые с приёмами самостоятельной работы, и потому понятно, что их интеллектуальный багаж находился на самом плачевном уровне. Отсутствовал также учебник по историографии.

Заметим, что Степанов пытался активно устранять замеченные им недостатки. Он постоянно с первокурсниками посещал краеведческий музей, активно используя наглядность как средство закрепления исторических знаний. *«Было много проведено экскурсий по истории доклассового общества. Студенты получили разъяснения лектора музея и мои. Ознакомились с памятниками палеолита и мегалитических культур, а также по вопросу о происхождении человека»* (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 697. Л. 19).

Декан С. В. Токарев, одновременно заведовавший кафедрой истории, в такой ситуации призвал преподавателей лучше готовиться к занятиям, преподавать в более живом стиле, подготовить необходимые хронологические таблицы (значит, их не было. – В. Д.), использовать в преподавании художественную литературу (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 582. Л. 48). На факультете имелся эпидиаскоп, через который студентам показывали отдельные иллюстрации.

Это было бурное время начального усвоения марксистской методологии и её внедрения в учебный процесс. В 1934–1935 учебном году историки обсуждали статью А. М. Панкратовой «За большевистское преподавание истории» («Большевик», 1934. № 23; переиздано в «Борьбе классов», 1935, № 1–2). Протокол заседания преподавателей исторического факультета в январе 1935 г. показал как состояние преподавания, так и отношение к проявлявшимся новшествам.

А. В. Эммаусский, читавший одновременно с историей народов СССР курс древней истории, на общем собрании преподавателей факультета 16 янва-

ря 1935 г. обратил внимание, что проходившая тогда среди ведущих учёных-историков бурная дискуссия об азиатском способе производства, о том, к чему нужно относить историю Древнего Востока – к рабовладению или феодализму, – «дезорганизует преподавателей». По его словам, ему пришлось в своих текстах лекций везде заменять слово «феодал» на «рабовладелец».

А. М. Степанов покался на этом заседании, что ранее в периодизации новой истории он следовал Р. Випперу, а теперь он перешёл к точке зрения Сталина о начале отсчёта времени новой истории с Французской революции (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 582. Л. 48).

23 января 1935 г. кафедра истории признала наличие ошибок в преподавании, к которым она отнесла неверное толкование истории Древнего Востока, ошибки в периодизации новой истории, простое изложение фактов без их научного обобщения. Кафедра постановила пересмотреть изложение истории Древнего мира, трактуя древневосточное общество как общество рабовладельческое, а не феодальное, очистить изложение исторического материала от «старой буржуазной идеологии». Преподавателей обязали проводить в учебной работе мысль, что всемирная история неуклонно идёт к диктатуре пролетариата и победе социализма во всём мире (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 582. Л. 54, 55).

Намёки на проявления буржуазной идеологии в работе отдельных преподавателей всё-таки имелись. При оценке работы А. В. Эммаусского, читавшего ввиду отсутствия специалиста лекции по истории Древнего мира в 1935 г., С. В. Токарев написал: «Ему пришлось в РАНИОНе учиться у буржуазных историков (Веселовский, Либовский, Бочкарев, Яковлев) и поэтому «налёт» буржуазных концепций у него имел место» (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 612. Л. 11).

Институт истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), существовавший в 1921–1929 гг., был учебным заведением, где, пожалуй, более чем в другом вузе 1920-х гг. было много представителей так называемой «старой школы».

А. В. Эммаусский, будучи выходцем из духовного сословия по дедовской линии, после окончания начальной школы и Волоколамского духовного училища (1909–1913) поступил в 1913 г. в Тверскую духовную семинарию, которую оставил весной 1917 г. По этому поводу он написал в автобиографии 1935 г. следующее: «Мотивом выхода из семинарии было мое нежелание проходить богословские науки и служить по духовному ведомству. Вспыхнувшая пролетарская революция открыла передо мной двери высшей школы, давая возможность поступить в любой университет» (ЦГАКО. Ф. Р-132. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 1).

Далее он два года проучился на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета, который он покинул весной 1919 г. из-за крайне неблагоприятных материальных обстоятельств жизни в Москве и вернулся в родные места. Затем, проработав несколько лет в сельской школе, он в 1923–1927 гг. учился на словесно-историческом отделении Тверского пединститута и после него – в аспирантуре Института истории РАНИОН с сентября 1927 до октября 1929 гг. После закрытия РАНИОН в 1929 г. Эммаусский доучивался один год в Коммунистической академии при ЦИК СССР и затем по распределению Наркомпроса в сентябре 1930 г. попал в Вятку. Поэтому-то во всех его кадровых анкетах сказано, что он закончил именно Коммунистическую академию, точнее, Институт истории при ней. Но при этом вполне понятно, что основы его исторических знаний, специализации по русской истории эпохи феодализма были заложены всё-таки в РАНИОН.

В его воспоминаниях об учебе в 1923–1930 гг. названы, во-первых, фамилии руководителей его специализации: М. Н. Покровский, В. И. Невский, С. Б. Веселовский, В. Н. Бочкарёв, С. В. Бахрушин, А. Д. Удальцов, Н. М. Лукин, В. П. Волгин. Понятно, что без преподавания Покровского в Москве не обходился ни один крупный вуз, где было историческое обучение. Образно говоря, все историки, работавшие на кировском истфаке, тогда могли с полной уверенностью сказать о себе, что *«вышли мы все из Покровского...»*.

Далее обратим внимание на С. Б. Веселовского (1876–1952), крупного специалиста по социально-политической истории Российского государства в XVII в., и В. Н. Бочкарёва (1882–1967), изучавшего русскую историю XV–XVII вв. Здесь упоминаются будущие академики Н. М. Лукин (1885–1940), приложивший много усилий к преподаванию новой и новейшей зарубежной истории, С. В. Бахрушин (1882–1950), автор многих работ по отечественной истории, В. П. Волгин (1879–1962), изучавший новую историю, вице-президент АН СССР, а также А. Д. Удальцов (1883–1958), преподававший в гуманитарных вузах Москвы, впоследствии редактор «Вопросов истории» и сборника «Средние века».

Во-вторых, А. В. Эммаусский написал также имена своих товарищей и однокурсников. Причем можно предполагать, что этот список связан именно со временем его обучения в Институте истории РАНИОН. В их числе названы люди, ставшие затем известными советскими историками: Л. В. Черепнин, (1905–1977), исследователь феодализма на Руси, академик АН СССР, В. И. Шунков (1900–1967), крупнейший исследователь истории Сибири, один из организаторов ИНИОН РАН, А. В. Мишулин, (1901–1948), исследователь истории Древнего Рима, автор широко известной книги о восстании Спартака,

Б. Ф. Поршнева (1905–1972), исследователь истории средневековой Франции, В. М. Хвостов (1905–1972), автор многих трудов по новой истории, академик АН СССР. В этом перечне упоминался также и С. В. Токарев – выпускник Вятского пединститута, проучившийся в РАНИОН около года с небольшим до его закрытия в 1929 г. (ЦГАКО. Ф. Р-132. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. 85).

Вернёмся к обсуждению преподавания истории на истфаке в 1935 г. Выступая затем на совещании преподавателей факультета с учителями истории г. Кирова весной 1935 г., Степанов повторил о своих ошибках в периодизации новой истории, добавив, что на IV курсе он перешёл уже к новой периодизации. Но вопросы у него остались: *«С империализмом во всеобщей истории нужно говорить или нет – я теряюсь. Вот остро стоит вопрос о Византии – вопрос довольно трудный, приходится преодолевать с трудом и приходится самому говорить, что влечёт большие опасности»* (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 582. Л. 57).

Обратим внимание на его намёк на опасности при изложении истории империализма – он не побоялся об этом сказать. Случаи, порождавшие проблемы для преподавателя, виделись Степанову там, где ему приходилось давать исторические оценки, которые затем внезапно приобретали совершенно новую политическую окраску. Это было время начального усвоения марксистской методологии в преподавании конкретных исторических дисциплин и особенно в толковании тех новых фактов и событий первых десятилетий XX в., по которым К. Маркс и Ф. Энгельс однозначно не высказывались. Поэтому неординарные высказывания, не освящённые цитатами из работ основоположников марксизма, получали в институтской партийной среде обвинения если не в сторону ревизионизма, то уж точно проявления буржуазного влияния.

5 апреля 1935 г. кафедра истории обсуждала вопрос о *«грубой политической ошибке»* А. В. Эммаусского, как выразился об этом случае декан С. В. Токарев.

На обзорной лекции, отвечая на вопрос одного из студентов о том, где лучше было для рабочего класса – при феодализме или капитализме, Эммаусский ответил, что при капитализме, особенно на его первой стадии положение рабочего класса улучшилось в сравнении с феодализмом. В протоколе кафедры отмечалось, что студенты не согласились с доводом лектора, сказав о том, что в отдельные периоды истории капитализма положение рабочих улучшалось, а в кризисные времена ухудшалось.

А. В. Эммаусский объяснил свой ответ на лекции следующим образом, сказав: *«Я не понял вопроса... в начале ответа... я не указал, что при капитализме меняется форма эксплуатации. Я сбился в этом вопросе на эмпириче-*

ский лад. Я соскользнул на путь буржуазного реформизма. Хорошо, что на мою ошибку студенты обратили внимание. Это я сделал не намеренно, второпях, не обдумав».

Декан С. В. Токарев, подводя итог, заметил что лекция читалась «без привития студентам ненависти к эксплуататорским классам. Когда Маркс и Энгельс рассматривали прогрессивность формаций, то это делалось в целях доказательства необратимости победы пролетариата». Сам Эммаусский в конце заседания сказал: «Я лично свою ошибку осознал. Тов. Токарев дал мне нужную установку. Борясь против защиты феодализма, я выступил в защиту капитализма. Я постараюсь на следующей лекции на основе указаний исправить свою ошибку».

Кафедра признала в своём протоколе, что А. В. Эммаусский в данной ситуации «скатился на буржуазно-ревизионистскую точку зрения» (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 582. Л. 57).

В плане работы исторического факультета на третью пятилетку, составленном Токаревым в июне 1937 г., было написано, что задача факультета, кафедры истории (пока ещё тогда единой. – В. Д.) состояла в «преодолении антиленинских, ликвидаторских взглядов школы Покровского, троцкистских, правых и левых вредителей в исторической науке» (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 755. Л. 1).

Но положение резко изменилось. В проекте постановления для партсобрания института 29 сентября 1937 г., где обсуждалось персональное дело Токарева, было написано, что «Токарев, Степанов, Эммаусский, начавшие свою работу в 1929–1930 гг., не исправили положения. Все они, будучи учениками Покровского, широко пропагандировали антимарксистские взгляды своего учителя среди студентов института. Учебники, написанные рукой Покровского и его учеников, служили основными пособиями на факультете. Работники исторической кафедры имели немало серьезных предупреждений, но ещё не сделали необходимых выводов» (ЦГАКО. Ф. П-43. Оп. 1. Ед. хр. 134. Л. 27). Однако эта фраза была перечёркнута карандашом, и потому непонятно, что же было сказано в окончательном варианте; во всяком случае, понятно, что виновных в искажении партийной линии в преподавании истории искали среди тех, кто обучался ранее именно в тех вузах, где преподавал Покровский. Собрание одобрило решение Молотовского райкома ВКП(б) об исключении С. В. Токарева из партии.

Сентябрьское собрание признало, что повышение квалификации преподавателей шло медленно, самотёком; на кафедре отсутствовала отчётность по

научной работе. Кафедра даже не обсудила итоги научных командировок Кормановского, Эммаусского, Попыриной в Москву и Ленинград.

Особый интерес представляет содержание той критики, которая обрушилась на Токарева во рассмотрения его личного дела в осенью 1937 г. Критика приписываемых ему партийных и научных прегрешений началась в институте ещё в 1936 г. Ему ставили в вину хорошие приятельские отношения с троцкистами, некогда работавшими в пединституте; во-первых, с С. Д. Куниским и С. Н. Быковским, руководившими кафедрой истории в 1920-х гг. и покинувшими затем вуз. Во-вторых, особо обращалось внимание на тесные дружеские отношения С. В. Токарева с теми преподавателями, которых аудитория определила троцкистами в стенах пединститута: с М. А. Елсуковым, Е. М. Бочаровым, С. Н. Быковским. Последний был научным руководителем Токарева во время обучения того в НИИ краеведения и рецензентом всех его публикаций.

Токарев ещё в августе 1936 г. в письме в горком партии признал, что *«в такой ответственный момент, когда большевистская бдительность против заклятых врагов партии-двурушников, особенно необходима, я оказался политически близоруким, не сумел разглядеть скрытых врагов партии»* (ЦГАКО. Ф. П-27. Оп. 1. Ед. хр. 134. Л. 19).

Во время обсуждения говорили, что Токарев потерял партийную бдительность, непримиримость к врагам партии, проявлял двурушничество и обман партии, зажимал критику и самокритику на кафедре и факультете. Критика его работы со стороны партбюро института была довольно жёсткой: *«В своей преподавательской и научно-исследовательской работе Токарев не раз фальсифицировал историческую науку, замазывал контрреволюционную деятельность троцкистов и контрабандным путём протаскивал троцкизм»*.

...Будучи учеником Покровского, Токарев ревностно насаждал антимарксистские, ликвидаторские взгляды исторической школы Покровского среди студентов и аспирантов. Вплоть до изъятия в 1936 г. он сам пользовался и заставлял студентов конспектировать контрреволюционные троцкистские учебники Ванага, Покровского и других, хорошо зная, что это негодные троцкистские учебники» (ЦГАКО. Ф. П-27. Оп. 1. Ед. хр. 134. Л. 4).

Суть обвинения понятна, но ведь в 1931–1935 гг. других-то учебников не было! Преподаватели кафедры истории работали по тому, что имелось под рукой, совершенно не подозревая о том, что произойдёт в будущем с авторами этих учебников. По авторам учебников – упоминался Н. Н. Ванаг (1899–1937), зам. директора Института истории АН СССР, автор раскритикованного учебника по истории СССР. В ряде оценок по Токареву из *«других»* авторов учебников упоминались также Г. С. Фридлянд (1897–1937), соавтор А. Г. Слущкого

(1894–1979) в хрестоматии по истории рабочих движений в Западной Европе. Ванаг и Фридланд были обвинены в троцкистской деятельности, осуждены и расстреляны. Использование их учебников под определением протаскивания троцкизма, а также медлительность в очищении библиотеки пединститута от троцкистской литературы постоянно упоминались среди критики в материалах личного дела С. В. Токарева.

Заметим, что фраза о *«протаскивании троцкизма»* (или *«троцкистской пропаганды»*), неоднократно присутствовавшая в документах того времени, есть не что иное, как пересказ фразы Сталина из его письма в журнал «Пролетарская революция» (1931) с критикой статьи Слуцкого о политике Ленина относительно немецких социал-демократов: *«...Попытки некоторых «литераторов» и «историков» протащить контрабандой в нашу литературу замаскированный троцкистский хлам должны встречать со стороны большевиков решительный отпор»*⁴³.

Эта фраза выгодно прилеплялась к любому историческому событию или материалу, получившему размытую классовую и политическую формулировку в словах или публикации того или иного преподавателя, не совпадавших с установками партии. Подобных же случаев при оценках исторических событий, как показала приведённая ранее критика А. В. Эммаусского за его высказывания о рабочем классе, до выхода в свет «Краткого курса...», расставившего все нужные для тогдашнего историка оценки, бывало немало.

Среди конкретных и особо тяжких исторических прегрешений Токареву поставили в вину искажение истории революционного движения в Вятской губернии и истории вятской парторганизации, замалчивание организаторской роли большевиков, в частности, то, что он *«превозносил народничество в контрреволюционных троцкистских учебниках, сознательно извратил партийную оценку народничества как идейного врага марксизма... забыл показать вредительскую работу кулаков, торговцев, фабрикантов, заводчиков и местных помещиков в советской и хозяйственной организациях»* (ЦГАКО. Ф. П-27. Оп. 1. Ед. хр. 134. Л. 4–5).

Применительно к истории европейской революции 1848–1849 гг. Токарев, говоря о поражении рабочего класса во Франции в июне 1848 г. объяснил это отсутствием у него рабочих вождей, которые бы указали им формы борьбы с буржуазией. Его критики обозначили это принижением организаторской роли К. Маркса и Ф. Энгельса в тех событиях. Умолчание об июньском восстании

⁴³ Сталин И. В. О некоторых вопросах истории большевизма // Сталин И. В. Сочинения. М., 1951. Т. 13. С. 100.

рабочих в Париже оценили как *«ни что иное, как троцкистское извращение событий революции 1848 г.»* (ЦГАКО. Фонд П-27. Оп. 1. Ед. хр. 134. Л. 6).

Кафедра истории на заседании 14 октября 1937 г. выразила согласие с исключением Токарева из партии и снятием его с должностей зав. кафедрой и декана. Протокол кафедры текстуально повторял выводы и положения из протокола заседания партбюро института. Кафедра постановила развернуть критику и самокритику, вскрыть корни троцкистской контрреволюционной контрабанды, *«собрать производственное совещание факультета, на котором поставить вопрос о разоблачении Токарева и всех недостатков работы кафедры и факультета, поставить на III и IV курсах в порядке подготовки к госэкзаменам ряд лекций и консультаций по дисциплинам, читаемым Токаревым и Степановым, с глубокой большевистской критикой всех извращений»* (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 672. Л. 92–93). В плане работы факультета на второй семестр 1937–1938 учебного года кафедре предписывалось разработать план для преодоления всех недостатков, использовать его в работе научного кружка студентов (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 672. Л. 88–89).

Собрание преподавателей и студентов исторического факультета в апреле 1938 г. признало, что качество лекций стоит еще на недостаточной высоте как с научной, так и с политической стороны. Недостаточно была развёрнута работа по разоблачению враждебных теорий, в частности по разоблачению ошибок и извращений «школы Покровского». Это было отражением обстановки в вузах всей страны. В Постановлении ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. о развитии партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» говорилось: *«В исторической науке до последнего времени антимарксистские извращения и вульгаризаторство были связаны с так называемой «школой» Покровского, которая толковала исторические факты извращённо, вопреки историческому материализму освещала их с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события, и, тем самым, искажала действительную историю»*.

Но весной 1939 г. Токарев вернулся в институт. Обстановка в стране менялась в сторону смягчения прежних резкостей в идейно-политических оценках и их отражения в правоприменительной практике. Скорее всего, вышестоящие партийные органы по поданному Токаревым заявлению восстановили его в партии; такое бывало тогда. В апреле 1939 г. С. В. Токарев снова возглавил факультет и кафедру истории СССР.

При разборе бумаг из партийного дела Токарева среди них внезапно обнаружилось письмо А. М. Степанова в партбюро института от 7 октября 1937 г.; т. е. уволенный в июле из пединститута, в октябре он всё ещё находил-

ся в Кирове. Его письмо было ответом на критику в свой адрес, прозвучавшую на собрании 29 сентября. Там говорилось о том, что Степанов некогда *«рекомендовал массу контрреволюционной литературы»* студентам, а Токарев покрывал это (ЦГАКО. Ф. П-27. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. 77).

Степанов в этом письме объяснил свои неудачи в науке тем обстоятельством, что Токарев сдерживал его продвижение к получению доцентства, не предоставлял научные командировки в Москву, покровительствуя при этом А. В. Эммаусскому и Ф. Д. Кормановскому. Причины того, что Степанов так и не получил звания доцента, очевидны: у него не было законченного высшего образования. К тому же у него отсутствовали научные публикации, по крайней мере, в отчётах того времени об этом я не нашёл никаких данных. Степанов упоминал о своей рукописи по истории техники, которую Токарев отправил для публикации в Соцэкгиз, где она, судя по этому письму, бесследно исчезла.

Самое интересное то, что в заявлении Степанова обнаружилась суть его яростных споров по преподаванию ряда тем с А. В. Эммаусским, читавшим в 1930-е гг. курс по истории Древнего мира: *«Эммаусский преподавал историю древнего мира с буржуазных позиций о существовании феодализма на Востоке, считал гомеровскую эпоху классовым обществом вопреки указаниям Энгельса (об этом у меня был спор с ним ещё в 1933 г.)»*.

Эммаусский в своем преподавании совершенно игнорирует историю культуры (религии, философии, права, искусства и т. п.) как на Востоке, так и в Греции и Риме. Студенты, оканчивающие вуз, оказываются невоспитанными людьми. Я это обнаружил, будучи членом комиссии на экзамене по истории древнего мира, спорил с Эммаусским по этому вопросу, но он заявил, что не обязан рассказывать о технике, науке и культуре».

По истории Рима Эммаусский учил, что политика Цезаря (цезаризм) – прогрессивное явление и Цезарь был другом римского народа, выражал интересы плебеев и пролетариев. Это фашистская точка зрения. Диктатура Цезаря была реакционной и была направлена против революции рабов и народных движений» (ЦГАКО. Ф. П-27. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. 62).

Кроме того, Степанов упоминал, что на заседаниях кафедры его пытались обвинить в протаскивании троцкизма через использование хрестоматии Фридлянда, что он категорически отвергал, и рекомендовал парткому проверить конспекты студентов по его лекциям и списки рекомендованной им литературы для самостоятельной работы. Совершенно нельзя не привести концовку его заявления: *«Р. С. Историю со мной я сообщил в письме тов. Сталину, и думаю, что найду у него защиту. А. С.»* (там же. Л. 63).

Вот так и было в те времена – обращение к авторитету Сталина было самым последним и наиболее надёжным способом для получения нужного положительного и проверенного исхода в научных спорах.

Взаимопосещения лекций деканом и их последующее обсуждение на кафедре были постоянным явлением, и следы этого сохранились в документах. К примеру, в 1-м семестре 1939–1940 учебного года Ф. Д. Кормановского раскритиковали за проведение лекции «Младотурецкая революция». В числе недостатков оказалось то, что в лекции было *«мало систематизации в изложении фактов, недостаточная глубина освещения вопросов. Лекция не осветила историю Багдадской железной дороги, не использованы карты, не развернуты вопросы управления Османским государством, развития младотурецкого движения»* (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 2. Ед. хр. 67. Л. 161).

Другой, не менее интересный и показательный случай стал известен мне из рассказа Г. А. Глушкова, поведанного мне в начале «нулевых» лет. В один из дней 1948 г. его вызвали вечером по повестке в местное управление МГБ, где он просидел почти до полуночи, обсуждая с вызвавшим его офицером свои слова о французском социалисте-утописте Этьене Кабе (1788–1856), проповедовавшем мирное построение социализма в книге «Путешествие в Икарию». Причина состояла в том, как мне пояснил Георгий Андреевич, что, рассказывая студентам в лекции о Кабе, он говорил о том, что писатель был против революции. Эти слова, видимо, и попали в управление МГБ по Кировской области по соответствующим каналам, где в этом усмотрели явный отход от учения марксизма-ленинизма о пролетарской революции.

Глушков, по его словам, взял решающим аргументом в свою пользу то обстоятельство, что книга Кабэ вышла в 1840 г., т. е. до появления «Манифеста Коммунистической партии» (1848); следовательно, вот поэтому-то Кабе, не зная сути учения Маркса о пролетарской революции, и был сторонником мирного построения социализма. Слушавший его офицер госбезопасности, по своему образованию оказался выпускником-историком и сказал, что и сам знает, когда появился «Манифест...». Таким образом, он согласился тем самым с объяснениями молодого преподавателя и отпустил его.

Объяснение причин ареста С. С. Димант и её обвинения обнаружилось в отчёте факультета за 1947–1948 учебный год. Декан А. В. Эммаусский написал в нём: *«Имел место один случай проявления низкопоклонства перед буржуазной культурой и буржуазным строем со стороны бывшего зав. кафедрой всеобщей истории С. С. Димант»*.

Что же случилось? Во время одной из лекций по новейшей истории США она *«настолько красочно описала... высокую технику, материальный быт и*

культуру США, что со стороны отдельных студентов слышались восклицания, что, очевидно, в США живут очень хорошо. На эти восклицания Димант ответила, что студенты её не дослушали до конца и в дальнейшем стала говорить о том, что трудящиеся массы в США живут очень плохо, их гнетёт нужда, безработица, эксплуатация и что, следовательно, вывод о хорошей жизни в США, сделанный некоторой частью студентов, был преждевременным. В связи с этим среди студентов истфака начались разговоры о том, что на факультете проповедуется преклонение перед буржуазной культурой».

Этот случай обсуждали на совместном заседании кафедр истории СССР и всеобщей истории. С. С. Димант говорила о том, что с её стороны были приняты все меры, чтобы опровергнуть эти низкопоклоннические утверждения. Ей указали на недопустимость такого приукрашивания буржуазной техники и культуры, которое вызывает неправильное понимание действительного положения вещей. А. В. Эммаусский сделал вывод, что «однако, впоследствии, в связи с арестом Димант (июнь 1948 г.) стало очевидно, что двусмысленное выступление Димант в лекции по истории США было неслучайным и что на деле низкопоклонничество перед буржуазной культурой имелось вовсе не у студентов, а у самой Димант» (ЦГАКО. Ф. Р-132. Оп. 2. Ед. хр. 26. Л. 92).

На закрытом партсобрании института 7 сентября 1948 г. было признано (ЦГАКО. Ф. П-27. Оп. 1. Ед. хр. 199. Л. 77), что среди допущенных в парторганизации идейных ошибок «имел место факт низкопоклонства перед буржуазным строем (Димант)».

Партсобрание постановило, что главной задачей является воспитание в духе решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, в том числе «должна быть развернута борьба против всякого рода реакционных, идеалистических, буржуазных теорий во всех областях науки, разоблачение всяких проявлений низкопоклонства перед буржуазной культурой» (там же. Л. 78).

Поэтому политика проверки того, что и как читают преподаватели на своих занятиях в следующем, 1948–1949 учебном году приняла новый оборот. А. В. Эммаусский написал в отчёте факультета за этот учебный год, что по направлению идейно-политической работы особое внимание уделялось борьбе с космополитизмом: «Все преподаватели кафедр приступили к пересмотру действующих программ, учебников и учебных пособий, а также литературы, рекомендованной студентам... На специальном объединённом заседании кафедр истфака преподаватели выступали с сообщениями о результатах этого пересмотра и об обнаруженных ими космополитических ошибках в программах, учебниках и исторической литературе. Эти сообщения подвергались внимательному и детальному обсуждению и принимались решения по каждому

отдельному учебнику и программе. Работа эта ещё не закончилась. Были обсуждены материалы по истории СССР, по истории древнего мира и по новой истории. Основная работа перенесена на начало нового учебного года» (ЦГАКО. Ф. Р-132. Оп. 2. Ед. хр. 26. Л. 140).

На факультете в этом учебном году проходили постоянные посещения занятий преподавателей комиссией, куда входили оба заведующих кафедрами – А. В. Эммаусский и В. С. Арутюнян, а также представитель от партбюро и все преподаватели, желавшие ознакомиться с проведением занятия. Активизация в вопросе о посещениях занятий объяснялась тем, что осенью 1948 г. партбюро института начало проверку состояния воспитательной работы по ряду кафедр, в том числе и на кафедре всеобщей истории.

Проверка выявила низкий уровень воспитательной работы кафедры под руководством С. С. Димант. На кафедре не было никакого контроля за воспитательной работой, зав. кафедрой ограничивался беседами с преподавателями, закреплёнными за отдельными курсами, не посещая учебные занятия. Проверявший В. М. Дьяконов написал о занятиях Ермакова: *«Ему необходимо более конкретно-исторически излагать материал, называть исторические даты, имена исторических деятелей... Замечания, связывающие исторический материал с современностью, иногда нечетко заострены политически.*

Имеется у т. Ермакова и ряд методических дефектов (отсутствие исторической карты, иностранные собственные имена, трудно было восприятие на слух, не записывалось на доске)... Лекции т. Ермакова иногда несколько грешат социологизмом, абстрактностью». Дьяконов смягчил свои первые оценки: слово *«иногда»* было вписано у него сверху всей фразы (ЦГАКО. Ф. П-27. Оп. 1. Ед. хр. 193. Л. 80).

Кафедра оставалась слабой в кадровом составе, имея в 1948 г. только одного кандидата наук – В. С. Арутюняна; остальные же преподаватели числились как и. о. ассистента. Партбюро институтской парторганизации в отчётном докладе о своей работе в мае 1948 г. отметило кафедру всеобщей истории в числе кафедр, нуждавшихся в укреплении высококачественными кадрами (ЦГАКО. Ф. П-27. Оп. 1. Ед. хр. 199. Л. 23).

При этом партбюро определило, что *«кафедра недостаточно откликается на вопросы современности и поэтому стоит несколько в сторонке от той большой жизни, которой живёт страна и партия, и вот почему.*

А) после доклада тов. Жданова... следовало бы провести заседание кафедры и обсудить эти документы. В этих документах дается новая оценка политического положения и ставятся новые задачи перед рабочим движением.

Реакция... имеет известные исторические корни и значит это накладывает известные обязанности на преподавателей этого курса... Значит нужно обсудить как в свете этих документов следует вести курс всеобщей истории и особенно новейшей истории.

...Кафедра от этих вопросов стоит в сторонке отчего её идейно-воспитательная роль среди студентов незначительна» (ЦГАКО. Ф. П-27. Оп. 1. Ед. хр. 193. Л. 70).

Выводы партбюро были учтены. Декан А. В. Эммаусский подготовил и прочитал доклад для преподавателей на тему «Мероприятия по борьбе с космополитизмом в исторической науке и преподавании истории в педвузах».

В отчёте факультета за 1948–1949 учебный год особо подчёркивалось, что все посещённые комиссией занятия проходили на высоком научно-теоретическом и идейно-политическом уровне. В числе лучших примеров по кафедре всеобщей истории назывались занятия В. С. Арутюняна, В. И. Недельского, Г. А. Глушкова. А. В. Эммаусский сделал вывод о том, что *«ошибок космополитического характера в работе преподавателей не обнаружено, но что отдельные недочёты методического и теоретического характера имеют место у большинства преподавателей, но эти недочёты не носят принципиального характера и легко исправимы в дальнейшей работе»* (ЦГАКО. Ф. Р-132. Оп. 2. Ед. хр. 26. Л. 141).

В отчёте кафедры всеобщей истории за 1948–1949 учебный год указывалось, что главной целью преподавания дисциплин по всеобщей истории является *«разоблачение антинаучных буржуазных теорий, недопущение объективной аполитичности в трактовке отдельных вопросов всеобщей истории, всяческое подчеркивание величия нашей Родины и отечественной науки»* (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 1034. Л. 2).

В 1948 г. отмечалось 10-летие выхода в свет «Краткого курса». Г. А. Глушков на закрытом партсобрании 30 октября 1948 г. сказал, что *«Краткий курс истории ВКП(б)» учит историка, как подходить правильно к общественным явлениям... Работая по новой и новейшей истории, приходится всё время обращаться к краткому курсу... Для историка краткий курс даёт основные направления. Чтобы знать историю, надо знать философию и хорошо знать «Краткий курс истории ВКП(б)»* (ЦГАКО. Ф. П-27. Оп. 1. Ед. хр. 199. Л. 82).

В отчёте факультета за 1949–1950 учебный год А. В. Эммаусский отметил, что преподавание всех исторических дисциплин строилось на основе изучения произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. В качестве подходящего примера были взяты примеры из экзамена по истории Древнего мира,

принятого ст. преподавателем В. Ф. Суходоевым. Все студенты, почти без исключения, знали работы классиков марксизма-ленинизма, а среди вопросов, получивших отличные оценки, были названы *«И. В. Сталин о первобытном обществе»*, *«И. В. Сталин о революции рабов»*.

В итоге признавалось, что все преподавание на факультете направлялось на *«разоблачение агрессивной политики и идеологии англо-американского империализма, разоблачение фальсификаторов истории, космополитизма, правых социалистов, Ватикана и предательской роли клики Тито»*. В отчете было особо подчеркнуто, что *«в целом занятия отличались политической заострённостью»* (ЦГАКО. Ф. П-27. Оп. 1. Ед. хр. 199. Л. 13–14, 16).

Научная работа преподавателей имела конкретный практический выход на просветительскую работу в массах. В плане научной работы кафедры всеобщей истории на 1939–1940 учебный год было записано, что необходимо наладить чтение популярных лекций для студентов института в сочетании с выездами в колхозы и на фабрично-заводские предприятия.

Во всяком случае, в отчётах преподавателей по НИР требовалось указать сведения о том: а) сколько проведено консультаций для студентов по работе с книгой; б) сколько просмотрено студенческих конспектов; в) сколько оказано консультаций для школ г. Кирова и области.

При подведении итогов НИР всегда указывалось, выполнен план или нет. Так, по Бутневу в одном из довоенных отчётов факультета было написано: *«Работал по подборке материалов, план не выполнен»*. В следующей графе о причинах невыполнения, судя по всему, с его личных слов было записано: *«Пришлось много работать над лекционным материалом»* (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 2. Ед. хр. 75. Л. 7). О Ф. Д. Кормановском, который возглавит кафедру всеобщей истории, было написано, что *«план полностью не выполнен. Собран имеющийся в г Кирове материал, но литературно не обработан»* (там же).

Особо обращалось внимание на развитие студенческой науки. Первые данные были обнаружены мною в плане работы научного кружка на 1937–1938 учебный год. Из него известно о содержании его тематики, в которой преобладала отечественная история. На первом месте в плане работы стояла тема *«Очередные задачи на историческом фронте»* с уточнением в скобках её направленности на критику троцкистско-бухаринских взглядов, идей *«школы Покровского»* в исторической науке. В числе последующих тем назывались: *«Великая Октябрьская социалистическая революция»*, *«Древнейшие государства в нашей стране»*, *«Битва на Чудском озере»*, *«Марксистско-ленинская оценка якобинцев и их роли во Французской буржуазной революции»*, *«Переход Украины под власть России»*, *«Переход Грузии под протекторат России»*,

«Стрелецкие мятежи в правление Петра I», «Разгром народничества и его реакционная сущность». По регламенту к основному докладу длительностью в один час добавлялось по два содокладчика с содокладами на 15–20 минут (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 672. Л. 110–112).

В отчете и. о. декана факультета А. В. Эммаусского за 1-й семестр 1939–1940 учебного года упоминалось о работе научного кружка, который делился на две секции: истории СССР и всеобщей истории. Всего в кружок записалось 110 человек, 16 из них было исключено из него за непосещение. По секциям студенты распределились так: 89 – в секции по истории СССР, 5 – в секции по всеобщей истории, которой руководил М. И. Дусеев.

Понятно, что Дусеев как специалист с глубоким знанием всеобщей истории наиболее подходил к задаче руководства кружком. В отчёте сказано, что его секция заседала дважды в семестре; первый раз – по утверждению плана работы, второй – по заслушиванию доклада «Крестьянская война в Германии». Далее, видимо, с призыванием Дусеева в РККА осенью 1939 г. работа секции прекратилась.

Данные о кружках сохранились в отчёте факультета за 1947–1948 учебный год. На кафедре работало два кружка – по древней истории под руководством ст. преподавателя В. Ф. Суходоева в составе 25 человек и по новой истории под руководством асс. Г. А. Глушкова в составе 30 человек. По древней истории были заслушаны доклады «Персидской поход Александра Македонского», «Восстание рабов под руководством Спартака», «Происхождение христианской эры», «Разложение первобытнообщинного строя», по новой истории – «Палестинская проблема», «Разгром Пруссии Наполеоном», «Проблемы послевоенной Германии».

В отчете декана А. В. Эммаусского за 1947–1948 учебный год упомянуто создание Научного общества студентов. Но по его словам, в работе общества обнаружилось *«слабая активность и недостаточная самостоятельность студентов»* (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 2. Ед. хр. 994. Л. 7), что можно понять как намёк на то, что общее состояние научно-исследовательской работы студентов не достигло желаемого качества.

Кафедра всеобщей истории в 1948–1949 учебном году отметила, что у большинства студентов обнаруживается низкая начитанность дополнительной литературой; при организации самостоятельной работы обратить внимание на развитие умения готовиться к спецсеминарам, подготовке докладов, составлению тезисов (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 1034. Л. 5).

Но примеры о работе кружков есть. В 1948–1949 учебном году в кружке по древней истории, согласно отчёту факультета, прошли доклады «Происхож-

дение рабства», «Творческий путь Шампольона», «Египетская литература», в кружке по новой истории состоялись доклады «Мюнхенский сговор», «Международное значение Сталинградской битвы» (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 1034. Л. 6).

Приходится признать, что к этому времени объём студенческой науки всё-таки возрос, возможно, под влиянием постановлений ВКП(б) о совершенствовании идеологической работы. Судя по отчётам факультета за 1946–1948 гг., постоянно проводились научные мероприятия в связи с юбилейными датами из всеобщей истории: к 100-летию «Манифеста Коммунистической партии» (1948), 100-летию европейских революций 1848–1849 гг. (1948). В этом плане особую активность проявил кружок под руководством Г. А. Глушкова. Студенческое научное общество постоянно выпускало рукописные «Ведомости» о научной работе студентов, готовило материалы для стенгазеты «Историк».

Трудно сказать, в какой мере студенческая наука зависела от состояния научной работы самих преподавателей. Декан А. В. Эммаусский в отчёте за 1947–1948 учебный год признал слабые темпы научной работы преподавателей факультета. По его объяснению, это было связано с большой загруженностью преподавательской и общественной работой, а также и с тем, что молодые преподаватели факультета имеют мало опыта в научной деятельности, работают урывками и не могут выйти из стадии поиска источников по своим темам (ЦГАКО. Ф. Р-132. Оп. 2. Ед. хр. 26. Л. 20).

Во всяком случае, приведённые факты из архивных документов убеждают в том, что направления и манера преподавания всеобщей истории, содержание учебных занятий ориентировались на остроту общественно-политического накала при обсуждении важных для страны вопросов внутренней жизни и внешней политики. Яркие речевые образцы из партийных решений и партийной печати быстро растекались по текстам лекций, протоколам деканатов и кафедр пединститута и всего исторического образования в стране. Отсутствие в статье или в лекции перед студентами нужной цитаты, не определённые в сторону идейно-пролетарской идеологии формулировки при оценке исторических событий влекли для преподавателя обвинения в шкале от следования «школе Покровского» вплоть до протаскивания враждебной пропаганды. Преподаватели исторического факультета не были здесь исключением, проявив небывалую остроту в обсуждении актуальных для них событий и тем в стране и в институте.

УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Это довольно важный вопрос о том, как же работали преподаватели в студенческой аудитории, исследование которого обнаружило достаточно интересные и показательные сведения.

А. М. Степанов в отчёте за 1936–1937 учебный год писал о трудностях в преподавании так: *«По истории древнего мира почти полное отсутствие учебников по истории Древнего Востока (История древнего мира. Ч. 1. Др. Восток). В библиотеке института лишь 1 экз. Все экземпляры, пришедшие в Киров, забрал ОНО (отдел народного образования. – В. Д.). И пединституту ничего не досталось.*

...По истории Древней Греции и Древнего Рима учебники имеются (Ковалев).

По истории средних веков. Основная трудность – отсутствие такого учебника, который соответствовал бы современным требованиям преподавания этой дисциплины. Студентам приходится много читать в разных изданиях. Это затруднило работу».

Говоря об уровне знаний, Степанов писал: *«По истории древнего мира в 1 семестре 1 курса, как показала письменная работа, проведённая мною, имели место многие недостатки, путали факты, имена, делали грамматические ошибки. Я дал критику работы каждого студента, проверял конспекты лекций и самостоятельной работы, правил каждое слово, произнесённое неверно. Мне удалось достигнуть хороших результатов (эта фраза в отчёте подчеркнута. – В. Д.).*

Во 2 семестре 12 студентов получили отличные отметки по истории Рима, 17 – удовлетворительные. Нет ни одного неуда. Я думаю, что 1 курс историков в дальнейшем даст весьма отличных, грамотных людей и займёт одно из первых мест в институте» (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 582. Л. 57).

Сохранились развёрнутые отчётные данные по итогам экзаменов по истории Древнего мира в январе 1937 г., принятого Степановым. В числе отличных студентов был дан пример:

«Ржавитин. Тема «Пелопоннесская война». Тов. Ржавитин подробно, обстоятельно и последовательно рассказал о причинах, ходе и значении Пелопоннесской войны, указал не только хронологию отдельных периодов войны, но и даты отдельных сражений, показал места битв на карте, рассказал о борьбе партий, об отдельных вождях партий и полководцах.

Недостатки его рассказа заключались лишь в том, что он неправильно произнёс название полиса (Мэгары вместо Мегáры) и не совсем точно указал на карте размеры Афинского морского союза (включил Беотию в этот союз).

На вопросы тов. Ржавитин отвечал правильно».

Интересно почитать про неуспевающего Кощеева, отвечавшего по теме «Египет эпохи Древнего царства»; второй пункт билета, судя по вопросам Степанова, был связан с культурой Древней Греции:

«По своему вопросу тов. Кощеев рассказал лишь кратко основные вопросы истории Египта. На все вопросы отвечал неправильно.

Вопрос: Представителем какого класса был Платон?

Ответ: Платон был представителем демократии.

Вопрос: Каких вы знаете китайских философов эпохи Чжоу?

Ответ: Не знаю.

Вопрос: Каких философов Греции знаете кроме Платона?

Ответ: Аристофана (спутал Аристофана и Аристотеля).

Вопрос: Какие астрономы были в эллинистический период?

Ответ: Не знаю».

Другой отстающий – студент Кибардин, тема «Древний Вавилон»: *«Рассказ шёл, собственно говоря, не на тему. Вопрос: Чей царь был Крез? Ответ: Ассирийский. Карты совершенно не знает: не смог показать поход Александра Македонского даже на карте с названиями».*

Студент Распопов, отвечая по теме «Хетты», проявил свои знания так: *«Зачислил в хеттские цари царя Шумера и Аккада Нарамсина, персидского царя Кира сделал царём Шумера... Карты совершенно не знает. Полнейшая путаница» (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 697. Л. 34).*

Сохранился также отчёт А. Б. Гофман об итогах экзамена по истории Древнего мира в январе 1939 г.: *«Некоторые студенты радуют своими умениями делать научные выводы. Немногие из них умеют литературно излагать свои мысли. Неправильное ударение и произношение имён исторических деятелей – частое явление. Небольшой объём неудовлетворительных оценок, по-видимому, результат низкой подготовки к экзаменам, что привело к растерянности и невозможности закрепить знания.*

В качестве примера хорошего ответа ею приведено следующее:

«Тов. Конюхову был задан вопрос «Восстание крестьян в Египте в эпоху Среднего царства». Тов. Конюхов характеризует положение крестьян и рабов в Египте, делая характеристику имеющихся документов по этому восстанию, наконец, подробно излагает ход восстания по Лейденскому папирусу № 344.

Тов. Конюхов читал «Речение Ипувера»; это дало возможность не только подробно описать восстание и его значение, но и дать оценку автора Лейденского папируса как представителя знати. Хорошие ответы тов. Конюхов дал по вопросам книги Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Чёткие, уверенные, глубокие ответы являются безусловной заслугой тов. Конюхова» (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 697. Л. 5).

Попался и пример плохого качества при ответе: *«Тов. Шишкина отвечала на вопрос «Реформы Клизфена» неполно, но обнаружила абсолютное незнание хронологии самых значительных фактов и событий по истории Рима и Греции. Тщетно пыталась вспомнить, кто же был Ганнибал». Но в итоге А. Гофман признала, что «в целом курс усвоен студентами удовлетворительно» (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 697. Л. 10).*

Некоторые стороны материального оформления учебного процесса оставляли желать лучшего. Степанов в отчёте за 1936–1937 учебный год написал об этом очень конкретно:

«Почти все подставки для карт поломаны, карты падают с них, на стенах нет гвоздей, где можно было бы повесить карту, нет возможности прикрепить к стенам таблицы (кроме кнопок, которые плохо держатся и портят стены).

Достаточно взглянуть на кабинет методики истории, где студенты готовятся к экзамену, – карты лежат на кафедре, на столах, портятся, рвутся, а к стене их никаким образом не прикрепить. Нет даже указок для каждого преподавателя. На кафедре невозможно положить книги или тетради, все летит на пол, так как закраины кафедры чрезвычайно малы и неизвестно для чего приспособлены. У досок нет достаточно широких лотков, чтобы удержалась положенная тряпка, как в аудитории 5, кабинет марксизма (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 697. Л. 19).

Заметим, что из всеобщей истории в предвоенные годы на отдельные государственные экзамены выносились не только новейшая история, но также история Древнего мира, история Средних веков, история Нового времени, что повышало ответственность студентов-выпускников к повторению изученного.

Оценки ответов студентов довольно интересны. М. И. Дусеев в январе 1938 г., анализируя итоги экзамена по истории Средних веков на II курсе, выделил превосходный ответ студента Токменикова, который, рассказывая о нашествии гуннов, *«дал исключительный по глубине и насыщенности ответ, изложив в полной мере все то, чем располагает современная наука о гуннах. Изумительный, совершенный ответ».*

*Государственный экзамен на историческом факультете. 1939 г.
Справа налево: М. И. Дусеев, А. В. Эммаусский, В. М. Дьяконов,
С. В. Токарев, Ф. С. Орешков. (Из фонда научно-исследовательской
археологической лаборатории ВятГУ)*

Хорошо ответил студент Бабинцев: *«Освещая довольно сложный вопрос об общественном строе англосаксов, дал исключительно глубокую характеристику общественной и политической организации англосаксов до и после завоевания Британии, осветив спорные вопросы (бокленд, фолкленд), дав критику буржуазной историографии и марксистские оценки»* (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 697. Л. 71).

Наличие слабых ответов Дусеев объяснил неподготовленностью студентов. Студент Селезнев *«обнаружил полнейшее незнание элементарных вещей: не мог назвать дату возникновения английского парламента, созыва Генеральных штатов во Франции. Организацию Генеральных Штатов перенёс на английский парламент, а организацию последнего – на Генеральные Штаты»*. Студент Горелик *«не мог назвать дату завоевания Англии герцогом Нормандским, дату созыва английского парламента, период царствования Ланкастерской династии и т. д.»* (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 697. Л. 72).

В ту сессию М. И. Дусеев принимал также и экзамен по новой истории на III курсе. Некоторые студенты получили от него похвалу за полное прочтение рекомендованной литературы. Так, студент Ковин помимо рекомендованных работ Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина прочитал восьмитомник Э. Лависса и Н. А. Рембо «История XIX в.» в переводе Е. В. Тарле.

Наличие недостатков, о чем Дусеев скрупулёзно написал в отчёте: *«Ряд студентов не работали над курсом систематически, в течение всего семестра, отложив подготовку на последние дни перед экзаменом. В результате по-*

лучилась спешка, недоработка, недостаточно чёткое усвоение ряда вопросов программы, а у некоторых товарищей – сумбур и путаница. Некоторые ограничились только чтением лекций, не читали или читали фрагментарно классиков марксизма-ленинизма, либо не читали пособия и монографии».

К тому же «экзамен обнаружил большие пробелы в знании смежных дисциплин, особенно литературы, философии, иностранных языков, и особенно немецкого языка. Для ряда товарищей... такие общекультурные понятия, как «романтизм», «рационализм», без которых трудно осваивать гражданскую историю, являются чем-то посредственным».

Говоря об иностранных языках, Дусеев имел в виду прежде всего немецкий язык: некоторые студенты так и не смогли перевести на русский простые выражения на немецком языке вроде «Deutsches Bund» и им подобных.

По его записи, студент Никологорский не смог правильно определить суть философии Гегеля, имея при этом в зачётке отличные оценки по диалектическому и историческому материализму. После этого Дусеев откровенно написал в отчёте, что *«либерализм в оценке знаний по ряду предметов, и особенно по диамату, несомненен»* (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 697. Л. 73, 74, 76). Этот вывод Дусеева был учтён деканатом при составлении плана работы на второй семестр 1937–1938 учебного года, где рукой А. В. Эммаусского написано: *«Усилить борьбу с либерализмом при сдаче студентами экзаменов и зачётов в предстоящую сессию и не допускать никаких отступлений без особо уважительных причин от существующих правил о принятии экзаменов и зачётов»* (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 672. Л. 91).

Другой проблемой для Дусеева стала невозможная для его слуха вятская речь студентов. *«У очень значительной части необычайное засорение всевозможными провинциализмами языка, а некоторые товарищи не умеют правильно грамматически строить речь с точки зрения правильного расположения частей предложения».*

У студента Кошеева, как признал Дусеев, в течение его 15-минутной речи по экзаменационному билету он не обнаружил ни одного предложения, где бы слова стояли на своих местах; попадались исковерканные выражения *«общественное мнениё»*, *«по всёй Европе»* и другие. У студента Серкина речь постоянно заполнялась выражениями наподобие *«к этим»*, *«к своей»*, *«ложил конец»*, *«по ёму»*, *«из этой войны»* (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 697. Л. 75, 76).

По поводу речи студентов писала и А. Б. Гофман по итогам сессии в январе 1939 г.: *«Неправильное ударение и произношение имён исторических деятелей – частое явление»* (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 697. Л. 4).

Многие проблемы и трудности вытекали из состояния самостоятельной работы студентов. И. о. декана А. В. Эммаусский в отчете 23 октября 1937 г. отметил слабости в состоянии самостоятельной работы студентов и назвал причины этого: а) отсутствие помощи со стороны преподавателей; б) недостаточное количество времени из-за загруженности студентов общественной работой, всякого рода собраниями и срывов графиков многих мероприятий; в) недостаток книг и учебников по ряду предметов; г) отсутствие мест для работы по причине занятости кабинетов под заседания, подготовительные курсы, работу вечернего института; д) неумение студентов организовать свободное время и вести конспекты; е) проявления лени среди студентов (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 2. Ед. хр. 612. Л. 25).

К 1938 г. работа по повышению качества преподавания сдвинулась несколько в лучшую сторону. А. В. Эммаусский, обязанный посещать лекции преподавателей, в отчете по научной работе за 1-й семестр 1938–1939 учебного года написал:

«Как правило, преподаватели в лекции излагали ход событий в историко-хронологической последовательности, давая оценку этих событий с марксистско-ленинской точки зрения, освещая деятельность крупных исторических личностей на фоне движения народных масс и вообще давали богатый фактический материал. Случаев голого социологизирования, пустого схематизма, рецидивов вредных ошибок т. н. «школы Покровского» не наблюдалось. Большим достижением в лекциях преподавателей было значительно более полное, чем в прошлые годы, использование наследства классиков марксизма, причем сильнейшим толчком к этому послужил выход в свет нового учебника по истории ВКП(б), в котором дана высокая оценка использования и изучения произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Все преподаватели кафедры истории... останавливались на произведениях классиков марксизма и подробно излагали их перед студентами под углом своей специальности.

Так, по истории древнего мира и. о. доц. Гофман А. Б. в своих лекциях подробно изложила книгу Энгельса «Происхождении семьи частной собственности и государства», работу Энгельса «Роль труда в процессе очеловечивания обезьяны», его же работу «Марка»...

Преподаватель истории средних веков и новой истории и. о. доц. Дусев М. И. подробно и хорошо изложил в своих лекциях работы Маркса и Энгельса «Древние германцы» (правильно – «К истории древних германцев». – В. Д.), «Франкский период», «Крестьянская война в Германии», «Классовая борьба во Франции», «18 брюмера Луи Бонапарта», «Революция и контрреволюция в Германии» (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 2. Ед. хр. 67. Л. 113–114).

Отдельные суждения о качестве работы студентов проходили в партийных документах исторического факультета.

В апреле 1941 г. Ф. Д. Кормановский на партбюро факультета говорил, что студенты *«к лекции стали относиться несерьезно. Человек 20 не пишут мои лекции... Нужно добиться такого отношения, чтобы каждая минута была использована на лекции. Рабочего настроения у студентов не развивается. Это рабочее настроение должны создавать комсомольцы»* (ЦГАКО. Ф. П-47. Оп. 1. Ед. хр. 141. Л. 15).

А. Е. Хуторецкий на заседании партбюро исторического факультета 27 мая 1941 г. высказался об итогах приёма экзамена по новой истории: *«... Студенты имеют поверхностные знания по ряду вопросов, которые необходимо глубоко знать, вопросы перманентной революции и т. д. Многие студенты ещё недостаточно работают над изучаемым материалом. Исторические факты и закономерности плохо осмысляются студентами»* (ЦГАКО. Ф. П-47. Оп. 1. Ед. хр. 141. Л. 32).

Заметим, что объём аудиторной работы по дисциплинам всеобщей истории был большой. По раскладу учебного плана факультета на 1936–1937 учебный год без деления на лекции и практические занятия на историю Древнего мира приходилось 88 часов в 1-м семестре, 80 – во 2-м, 88 – в 3-м. На историю Средних веков – 44 часа в 1-м семестре, 84 – во 2-м, 88 – в 3-м, 80 – в 4-м. Новая история читалась в 5-м (88 часов) и 6-м семестрах (80 часов), история колониальных и зависимых стран – 64 часа (7-й семестр) (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 638. Л. 3).

Согласно учебному плану на 1938–1939 учебный год расклад нагрузки выглядел так:

- история Древнего мира: всего 200 академических часов, в т. ч. лекции – 160 часов, практические занятия – 40 часов;
- история Средних веков: всего 240 академических часов, в т. ч. лекции – 200 академических часов, практические занятия – 40 часов;
- история Нового времени: всего 480 академических часов, в т. ч. лекции – 360 часов, практические занятия – 120 часов;
- история колониальных и зависимых стран: всего 120 академических часов лекций без практических занятий⁴⁴.

Контроль за состоянием учебных занятий и их качеством осуществлялся исключительно путём их посещения зав. кафедрой и деканом. Так, в 1949–1950 учебном году зав. кафедрой всеобщей истории В. С. Арутюнян потратил на такие посещения 110 часов, в том числе: на лекции – 44 часа; на спецсеминары –

⁴⁴ Кировский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина. Киров, 1939. С. 54.

12 часов; на практические занятия – 15 часов; на педпрактику – 39 часов. В итоге в отчёте кафедры появились замечания о том, что в лекции А. П. Геллертова проявился *«объективистский подход в изложении материала, отсутствовал показ классовой борьбы»*. В лекции В. И. Недельского зав. кафедрой нашёл нарушение хронологии исторических событий, умолчание о выводах Ф. Энгельса по истории Крестьянской войны 1525–1526 гг. в Германии. Г. А. Глушков был раскритикован за слабую подготовку лекции по теме «Австро-Венгерская империя накануне первой мировой войны» (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 1. Ед. хр. 1034. Л. 16).

В качестве контроля за учебной работой студентов проводилась выборочная проверка конспектов лекций. Декан А. В. Эммаусский в отчёте за 1947–1948 учебный год отметил хорошую работу в этом направлении молодых преподавателей Т. С. Осиповой, В. Ф. Суходоева, Г. А. Глушкова. Одновременно он признал наличие общего для всех спецсеминаров недостатка – слабую активность студентов при осуждении докладов (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 2. Ед. хр. 944. Л. 5).

Также он написал, что главные недостатки в работе преподавателей со стажем работы от одного до трёх лет выражались в недостаточной опытности, отсутствии научной эрудиции, хорошей историографической и источниковедческой подготовки, компилировании своих лекций из материалов учебников, лекций профессоров московских университетов и институтов, стенограмм лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), публичных лекций Общества по распространению политических и научных знаний. По его оценке, *«основная часть молодых преподавателей (...Осипова, Суходоев, Глушков...) подает надежды в ближайшем будущем превратиться в настоящих вузовских преподавателей, мастеров своего дела»* (ЦГАКО. Ф. Р-1148. Оп. 2. Ед. хр. 944. Л. 15–16).

О развитии и повышении качества самостоятельной работы студентов постоянно говорилось в отчётах факультета, что отчасти можно воспринимать как отражение её относительно слабого состояния. Весной 1941 г. истфак по учебным показателям занял четвертое место в институте и лишился переходящего Красного Знамени по итогам соцсоревнования. На заседании партбюро преподаватели объяснили это падением качества знаний на I курсе, а деканат критиковали за отрыв от студенческой жизни в группах. Зам. декана Грушевский на заседании партбюро факультета 27 мая 1941 г. говорил о необходимости пересмотреть состав старост и повысить их роль в организации самостоятельной работы, своевременно доводить до студентов списки дополнительной литературы (ЦГАКО. Ф. П-47. Оп. 1. Ед. хр. 141. Л. 31).

Понятно, что объективные причины сдерживали развитие самостоятельной работы даже во время моего обучения на истфаке в 1975–1980 гг. К их числу можно отнести наличие в библиотеке института и библиотеке им. А. И. Герцена некоторых учебников и монографий только в одном экземпляре, трудности с организацией кабинета для самостоятельной работы, где нужно держать необходимую для студентов литературу, которую библиотека института не всегда была склонна передать из своих фондов. Безусловно, на кафедре имелись списки дополнительной литературы по предметам, об их наличии и доработке постоянно упоминались в отчётах факультета и кафедры, но прочитать к экзамену абсолютно всё было попросту невозможно.

Наконец, как мне вспоминается по своим годам обучения на факультете, не все студенты владели более или менее сложившейся методикой чтения и анализа научной литературы, определения сути научных взглядов того или иного автора, методами наипростейшей научной критики, чему, кстати, нас тогда не учили. К примеру, «Записки о галльской войне» попали мне в руки уже после окончания первого курса и сдачи экзамена по истории Древнего мира, ибо чтение нами источников, как правило, ограничивалось тогда темами практических занятий. Я прочитал «Записки» залпом и был поражен обилием тех фактов, которые миновали меня при изучении истории Древнего Рима. Это подтолкнуло меня читать на опережение, смотреть библиотечные картотеки заранее, чтобы составить простейший план того, что следовало бы прочитать.

Но всё-таки для внимательного читателя становится очевидным, что учебная и в особенности самостоятельная работа студентов в исследуемое время всё-таки не остановились на месте: приведённые ранее упоминания об отличных ответах служат объективным показателем стремления студентов к глубокому и качественному овладению знаниями по всеобщей истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История кафедры всеобщей истории в полной мере отразила историю страны и непростой путь зарождения и развития исторического образования в ней в том отрезке времени, который взят в настоящем сочинении. Краткий обзор истории факультета обнаруживает, что на кафедре всеобщей истории, как, впрочем, и в целом на историческом факультете пединститута, трудилось, постепенно сменяя друг друга, несколько поколений преподавателей.

Первое и короткое по времени своей работы поколение преподавателей-историков – это люди с дореволюционным высшим образованием, работавшие на словесно-историческом отделении в пединституте в 1920-х – начале 1930-х гг. Они заложили основы для развития научной и учебно-методической работы, для преподавания исторических дисциплин. Понятно, что в силу их научной квалификации научная работа развивалась в большей мере по изучению российской и местной истории. Изучение последней испытало несомненный подъём: в 1920 г. вместо Вятской учёной архивной комиссии появилось Вятское историческое общество с библиотекой в 2500 книг. С 1922 г. приступил к работе Научно-исследовательский институт краеведения.

Следующее, второе поколение преподавателей пришло на кафедру истории (впоследствии на созданную в 1939 г. кафедру всеобщей истории) и на факультет с первой половины – середины 1930-х гг. Это были представители новой, складывавшейся советской научной школы по преимуществу в лице выпускников Института красной профессуры, вузов Москвы или Ленинграда, дополненные отдельными местными выпускниками-историками.

Это поколение встретило войну и ушло на неё. На конец 1990-х гг. было известно около 70 фамилий студентов, выпускников и преподавателей исторического факультета, отдавших свои жизни за Родину. Два Героя Советского Союза – Борис Николаевич Суровцев (1902–1944) и Василий Ильич Кряжев (1918–2000) – его выпускники.

После 1945 г. второе поколение преподавателей на историческом факультете, проработавшее на нём в годы войны, дополнилось преподавателями, пришедшими на факультет после войны. Они включились в подготовку учительских кадров для восстановления и развития народного образования, принесли на факультет ту исполнительность и строгую ответственность за выполнение работы, сложившиеся у них на фронтах и в тыловой работе. Все они вместе с теми, кто приступил к работе на кафедре и факультете в 1950–1960-е гг., составили новое, третье поколение преподавателей, проработавшее до завершения перестройки и распада СССР.

Приведённые факты из документальных источников создают объективное впечатление, что состав кафедры, работа её преподавателей непосредственно складывались под влиянием всех крупных общественных перемен в стране: становление советской школы в преподавании всеобщей истории, борьба на отдельно взятой кафедре за идейную чистоту рядов, против проявлений «школы Покровского» и всего того, что определялось тогда буржуазными искажениями в изучении и преподавании истории, уход на войну одних преподавателей и появление на факультете после войны новых людей.

Слабым местом кафедры стало то, что, в отличие от некоторых других пединститутов, в ней не сложилось, главным образом, в послевоенные времена, какое-то свое, местное направление в изучении всеобщей истории, каких-то её отдельных разделов или тем, которое привлекло бы к этому продолжателей из числа выпускников факультета. То ли это было связано с пробелами в пятилетнем планировании научных исследований, слабым контролем ректората и парткома за кадровым ростом или же с какими-то тенденциями в развитии исторической науки в СССР – судить о прошедшем времени теперь уже довольно трудно и несвоевременно.

Актуальная общественно-политическая тематика тех времён стабильно ощущалась в работе кафедры всеобщей истории практически по всем использованным мною документам. Кафедра в значительной мере сосредоточивалась на содержании учебной работы и тесно привязанной к ней воспитательной работе в части проведения политинформаций, научных мероприятий, работы кружков среди студентов в связи с памяtnыми датами.

Также следует особо сказать, что преподаватели кафедры хорошо показали себя в общественной, главным образом, в лекционной и пропагандистской работе с населением города и области по линии Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Важной положительной чертой в работе кафедры являлась регулярная работа преподавателей с учителями истории города и области в местном ИУУ в части освещения всего нового, что периодически появлялось в советской исторической науке. Все упомянутые в данном тексте преподаватели оставили неизгладимый след и *«характер людей, ставших вначале»* в истории факультета, сделав его по своему уникальным и неповторимым в воспоминаниях всех тех его выпускников, с кем приходилось общаться автору этих строк.

ПЕРСОНАЛИЯ: ГОСУДАРСТВЕННЫЕ НАГРАДЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

1. Арутюнян В. С.:

медаль «За отвагу» (1944)

медаль «За оборону Москвы» (1945)

медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945)

медаль «За победу над Японией» (1945)

медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970)

орден Отечественной войны I степени (1986)

2. Газизов К. Г.:

медаль «За трудовую доблесть» (1960)

медаль «За освоение целинных земель» (1964)

медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970)

3. Геллертов А. П.:

медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (1945)

4. Глушков Г. А.:

медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945)

медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970)

орден «Знак Почёта» (1971)

5. Дусеев М. И.:

медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945)

медаль «За боевые заслуги» (1951)

орден Красной Звезды (1955)

6. Ермаков П. А.:

орден Красной Звезды (1944)

орден Красной Звезды (1945)

7. Лохтин Д. М.:

медаль «За боевые заслуги» (1943)

медаль «За взятие Кёнигсберга» (1945)

медаль «За победу над Японией» (1945)

орден Красной Звезды (1944)

орден Красной Звезды 1945)

орден Отечественной войны II степени (1945)

8. Недельский В. И.:

медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (1945)

9. Суходоев В. Ф.:

медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945)

орден Красной Звезды (1945)

медаль «20 лет Победы в Великой Отечественной войне» (1965)

медаль «50 лет Вооружённым силам СССР» (1968)

медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970)

медаль «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1975)

медаль «60 лет Вооружённых сил СССР» (1978)

орден Отечественной войны II степени (1985)

10. Токарев С. В.:

медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945)

медаль «За боевые заслуги» (1951)

орден Красной Звезды (1956)

11. Фоменкова В. М.:

медаль «За боевые заслуги» (1944)

медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945)

медаль «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1965)

медаль «50 лет Вооружённых сил СССР» (1968)

медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970)

орден Отечественной войны II степени (1985)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Карта умершего на А. М. Степанова

б. 4288

И К О ГЛАВНОЕ ВВЕНТО-САНИТАРНОЕ УПРАВЛЕНИЕ Красной Армии СПРАВОЧНОЕ БЮРО о раненых и больных Лечебно-Эвакуационного Управления	История б-ни № _____ получена _____ Карта секции № _____ получена _____ Др. документы _____	Особые отметки
---	---	-------------------

СТАТИКАРТА на УМЕРШЕГО
в лечебном учреждении

Назв. леч. учреждения _____
Ф., И., О. Степанов Александр
Александрович

Военное звание Крас. 318 с/а Год рождения 1900
Поступил 1-го апр. месяца 194 3.
Умер 19-го апр. месяца 194 3.
Диагноз клинический _____

Диагноз пат-анатом. _____

Обстоятельства смерти _____
г. Мухом. 1943

Подпись копировщика _____

Данные безвозвратных потерь. А. Е. Хуторецкий

250

7.	МИНАКОВ, Егор Иванович	Красноарм.	Тракторист	Курская обл. Дмитриевский район Долбенский с/совхоз "Красносельский" 1920 г.	Дмитриевским ФБК Курской обл.	16.7.41 г. не возвра- тился из ко- мандировки при сопрово- ждении эше- лов из ст. Новгород до ст. Бул.	Мат МИНАКОВА Мария Курская обл. Дмитри- евский р. Долбенский с/совхозов "Красно- сельский".	
8.	74. Батальон аэродромного обслуживания.							
	ХУТОРЕЦКИЙ, Абрам Ефимович	Лейтенант	Начальник отделения имущества связи.	БССР, Могилевская обл. Черногорский район. 1908 г.	Приван Смо- льинским ФБК г. Ленинграда	Убит/встре- лен из писто- лета "ТТ"/ 21.8.41г. инс- труктором пробавды 402 ИАП по- литруком Толсобровым.	Кладбище пос. Крестцы, Ленобласти.	Мать Нина Константи- новна Соловьева. Гор. Ленинград Васи- левский остров, 11-я линия д. 32 кв. 10.
				Командир 16 Авиабаза- Магдор:	Несвицкий			ПРОКОПЕНКО /
				Начальник Орготделения Техник инт. 1 ранга:	Григораш			ГРИГОРАШ /

Из характеристики на В. Ф. Суходоева

Участник многих боев против немецко-фашистских захватчиков на фронтах Отечественной войны.

Своей настойчивой и честной работой в области быстрого и качественного ремонта всех видов вооружения, много способствовал командованию своей части в деле выполнения им полностью ответственных боевых задач.

Неоднократно проявляя смелость и мужество воле многих боях сам лично под огнем противника производил ремонт вооружения. Повседневное руководит политико-воспитательной работой и повышением технических знаний личным составом оружейной мастерской.

Учётно-регистрационная карточка Г. А. Глушкова

Иванов Иван

УЧЕТНО-РЕГИСТРАЦИОННАЯ КАРТА № 9255

4 ноября 1914 год

1. Ф. И. О. *Глушков Григорий Андреевич*

2. Год рожд. *1921* 3. Парт. записки. Образ *высшее* 5. Национал. *русский*

6. Соц. полож. *служащий* Военное звание *рядовой* 8. Воен.-учетн. спец. *1*

9. Долж. *квал. Учитель* 10. Граждан. спец. *учитель*

11. Место рождения *д. Немосоловская Юрьевского уез. Котельничского р-на Кировской области*

12. Последнее место жительства *д. Юрьево Юрьевского уез. Котельничского р-на Кировской области*

13. Где проживает в настоящее время семья, фамилия, имя, отчество, жены или родителей и их точный адрес: *мать Глушкова Степанида Андр. брат в армии, отец в труд. армии, сестра новгородская, 2-й дивизии*

14. Последнее место работы и должность *директор Юрьевской ср. школы*

15. Каким райвоенкомом и когда призван *Котельничский РВК 2/11-44г.*

16. Когда и где последний раз проходил медицинскую и результат годности к военной службе: *27/1-44г. годен к строевой службе*

17. Участие во 2-й Отечественной войне (в составе какой последней части) в качес

Из характеристики на В. С. Арутюняна

Младший лейтенант АРУТЮНЯН Вараздат Сумбатович в Ленинградском военном училище связи с июня 1943 г. Дисциплинированный офицер. Учится хорошо. Среди товарищей пользуется авторитетом. Участник Отечественной войны. С июня по ноябрь 1941 г. был на Западном фронте, в ноябре 1941 г. был ранен. С его слов за оборону ст. Тучково Московской обл. командованием 2 Краснознаменного стрелкового полка 50 с.д. представлялся к правительственной награде — ордену "КРАСНОГО ЗНАМЕНИ". Идеологически выдержан, морально устойчив. Делу партии Ленина-Сталина и Социалистической Родине предан.

Наградной лист на В. М. Фоменкову

12 2/2 10.44
14 9386

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Фамилия, имя и отчество *Фоменкова Валентина Михайловна*

Военное звание *Младший лейтенант*

Должность, часть *старшая операционная сестра хирургической группы 38 Отдельной Роты Медицинского Училища*

Представляется к награде *медаля За боевые заслуги*

1. Год рождения *1920* 2. Национальность *русская*

3. С какого времени состоит в Красной армии *с июля 1941 г.* 4. Партийность *член ВКП (б)*

5. Участия в боях (где, когда) *в действующей армии с июля 1941 года*

6. Имеет ли ранения и контузии *нет*

7. Чем ранее награжден (за какие отличия) *не награждена*

8. Каким РВК призван *Пензенским Возвлеккомандом*

9. Постоянный домашний адрес (Представленного к награждению или его семьи)

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

Работает старшей операционной сестрой хирургической группы училища; на фронте с октября 1941 года. Будучи студенткой Университета тов. Фоменкова добровольно проявила желание работать на фронте и на деле показала преданность и любовь к своей Родине. Тов. Фоменкова в течение трех лет много работала на передовых этапах эвакуации: в МСБ и ПТД 1-ой линии, активно помогая хирургу в производстве разнообразных хирургических операций. При ее непосредственном участии в операционной и перевязочной оказана квалифицированная помощь более чем десяти тысячам раненых. В дни потопов тов. Фоменкова работает, не покидая операционной целики сутками. При исполнении своих обязанностей, во время нападения врага с воздуха, проявила стойкость и мужество. Заслужила награжденная медалью За боевые заслуги.

«12» сентября 1941 г. Командир 38 ОРМУ *Ильин И.* Шт. % *Шанин %*

Из представления на Д. М. Лохтина

ВСЕ ГРАФЫ ЗАПОЛНЯТЬ ПОЛНОСТЬЮ

Наградной лист

1. Фамилия, имя и отчество *Лохтин Дмитрий Степанович*
2. Звание *звания старшина*
3. Должность, часть *командир вз-отделения 103 отдельного Уваровского саперного батальона 31 Закавказского стрелкового Ауховичинской Краснознаменной ордена Суворова 2 ст. дивизии.*
- Представляется к ордену *Отечественной войны 2 ст.*
4. Год рождения *1907*. 5. Национальность *Русский*. 6. Партийность *дл. ВКП(б) с 1942г.*
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда) *с 22.6.41г. - с 11.1941г. - К.Ф., с 1.1944г. - Зап. фр. с 5.1944г. - 3 Бел. фр.*
8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне *Не имеет.*
9. С какого времени в Красной Армии *с 28.9.1939г.* 10. Каким РВК призван *Ждановским РВК, гор. Кировск.*
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) *За боевые заслуги пр. 31 ВСФД от 18.5.1943г. и Красная Звезда пр. 31 ВСФД №08/н от 23.2.1944г.*
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Утром 4 декабря противник с помощью превосходящими силами при поддержке самоходных орудий контратаковал дер. ~~Ауховичи~~, где находилось хозяйство батальона. Над сильными огнем противника, расстреливая в упор наседающих гитлеровцев тов. Лохтин вывел обоз батальона в безопасное место, спас все имущество, и личностно продолжал отбивать контратаку врага. Тов. Лохтин лично в упор расстрелял 8 солдат противника, пытавшихся захватить обоз. В бою показал образец храбрости и самоотверженности. За мужество, храбрость и самоотверженность, проявленную в бою и личную отвагу тов. Лохтин достоин правительственной награды орденом *Отечественной войны 2 ст.*

И
К
В
И
Ш
Д
О
П
Я
Д

194 г. Командир (начальник) *103 оаб*
26. майор

В. Лохтин (подпись)

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Артизов А. Н. Судьбы историков школы М. Н. Покровского (середина 1930-х гг.) // Вопросы истории. – 1994. – № 7. – С. 34–48.
2. Вятский педагогический институт им. В. И. Ленина. X лет. 1918–1928 / ред. К. В. Дрягин, С. Н. Быковский. – Вятка : Изд-во Вятского педагогического института, 1928. – 259 с.
3. Гришаев О. В. Историческое образование и историческая наука в СССР в конце 1920 – начале 1930-х гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2014. – № 15(186). – Вып. 31. – С. 144–151.
4. Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России 1899–1907 гг. – М. : Мысль, 1971. – 262 с.
5. Испытание войной. 1941 год : (сборник документов из фондов КОГКУ «ГАСПИ КО» о жизни Кировской области во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. с 22 июня по 31 декабря 1941 г.) / под ред. Ю. А. Балыбердина, А. А. Машковцева, Е. Н. Чудиновских. – Киров : ООО «Веси», 2014. – 372 с.
6. Капелюш Ф. [Рец.] Недельский В. И. Революция рабов и происхождение христианства. Л., 1936. 73 с. // Книга и пролетарская революция. – 1936. – № 9. – С. 57–60.
7. Кировский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина. К 20-летию института / отв. ред. Ф. С. Орешков. – Киров : [Б. и.], 1939. – 80 с.
8. Крих С. Б. Древняя и новая публицистика: о поисках нарратива в Советской историографии сталинского времени // Вестник Пермского университета. История. – 2021. – Вып. 1(52). – С. 94–103.
9. Молок А. «Учёные записки» Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена. Т. 62. Л., 1948 // Вопросы истории. – 1948. – № 12. – С. 163–168.
10. Памяти С. А. Асиновской // Средние века. – 1983. – Вып. 46. – С. 313–314.
11. Памяти Т. С. Осиповой // Средние века. – 1988. – Вып. 51. – С. 320.
12. Порошин И. В. Из воспоминаний о годах учебы на истфаке КГПИ им. В. И. Ленина (1945–1949) // Герценка. Вятские записки. – Киров. – 2009. – Вып. 15. – С. 243–258.
13. Преподаватели ВятГГУ. 1914–2004 / отв. ред. Ю. М. Рябов. – Киров : Изд-во ВятГГУ, 2004. – 207 с.

14. Соловьева И. А., Игумнова К. В., Чекалдина О. В. Одно поколение – две судьбы: о научной-педагогической деятельности профессора Е. И. Кирюхиной и доцента В. М. Фоменковой // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 5. – С. 136–143.

15. Сталин И. В. О некоторых вопросах истории большевизма // Сталин И. В. Сочинения. – М. : Госполитиздат, 1951. – Т. 13. – С. 84–102.

16. Суходоев В. Ф. Автобиография // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...». Воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны. – М. : Изд-во МГУ, 2009. – С. 220–224.

17. Холмс Л. Е. Война, эвакуация и реорганизация власти: центр, периферия и Кировский педагогический институт. 1941–1950. – Киров : ООО «Веси», 2018. – 313 с.

Научное издание

Дряхлов Владимир Николаевич

**Всеобщая история и её преподаватели в Вятском (Кировском)
пединституте им. В. И. Ленина (1918–1956 гг.)**

Электронная вёрстка – *Е. В. Харунжева*

Дизайн обложки – *А. А. Харунжева*

Корректор *Т. Н. Котельникова*

Подписано к использованию 20.11.2024.

Объем данных 7,1 Мб (усл. печ. л. – 6,0)

Подписано к использованию 11.11.2024

Размещено в открытом доступе на сайте

ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС»

URL: http://raduga-press.com/gallery/history_teachers_1918-56.pdf

ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС»

610029 г. Киров пос. Ганино, ул. Северная, 49а

Тел. +7-912-828-45-11

E-mail: raduga-press@list.ru

raduga-press.com